

ИСТОРИЯ ВОЙН

ИСТОРИЯ · ДОКУМЕНТЫ · ФАКТЫ · ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

СОВЕТСКО-ФИНСКИЕ ВОЙНЫ

Павел АПТЕКАРЬ

САМЫЕ ПОЗОРНЫЕ В ИСТОРИИ РУССКОГО ОРУЖИЯ

ИСТОРИЯ ВОЙН

Павел АПТЕКАРЬ

СОВЕТСКО-ФИНСКИЕ ВОЙНЫ

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2004

Оформление художника *П. Волкова*

А 77 **Аптекарь П.** Советско-финские войны. — М.: Эксмо, Яуза, 2004. — 384 с.

ISBN 5-699-08159-3

Советско-финскую войну 1939—1940 годов можно смело назвать «белым пятном» отечественной истории. Почему об этой войне старались не вспоминать? Да и что, действительно, она значила на фоне Великой Отечественной 1941—1945 годов?

Настоящая книга Павла Аптекаря — первое серьезное исследование, посвященное советско-финской войне — «самой позорной войне в истории русского оружия».

Книга полностью основана на архивных документах, поэтому она станет ценным материалом для профессиональных историков, а также всех тех, кто интересуется историей России.

ББК 63.3(0)61

ISBN 5-699-08159-3

© П. Аптекарь, 2004
© ООО «Издательство «Эксмо», 2004
© ООО «Издательство «Яуза», 2004

Предисловие

Советско-финляндская (или, как ее называют в Европе, «зимняя») война 1939—1940 годов до сих пор остается если не «белым пятном», то страницей с многочисленными купюрами.

Еще лет десять назад о ней говорили только стыдливым полусшепотом, тщательно заглушавшимся разглагольствованиями о необходимости защиты северозападных границ и обеспечения безопасности Ленинграда.

Замалчиванию самой позорной войны в истории русского и советского оружия способствовало и то, что менее чем через полтора года началась Великая Отечественная, и военные конфликты 1938—1940 годов сразу же отошли на второй и третий план.

Многочисленные статьи в отечественной периодике последнего десятилетия раскрыли немало тайн «незнаменитой» войны и приоткрыли зловещую завесу секретности над событиями более чем полувековой давности, но многое все равно осталось за кадром, поскольку журнальная или газетная статья не позволяет подробно рассказать даже о какой-либо частной проблеме.

Это и заставило автора взяться за перо. Как мне удалось выйти на эту тему и выявить многочисленные документы, без которых подробное описание боевых действий было бы невозможным?

...Прошло более десяти лет с того момента, как я после неудачной попытки поступления на исторический факультет МГУ впервые переступил порог Центрального государственного архива Советской Армии. В то время я знал об этой войне не больше остальных, и она представлялась мне чем-то вроде Халхин-Гола на северо-западе. Как и всех вчерашних школьников, меня направили в справочный отдел, выдающий документальные справки, по которым воины или их родственники получали и получают предусмотренные законом льготы. Меня удивило количество запросов детей и вдов, искавших своих отцов и мужей, погибших или пропавших без вести в снегах под Выборгом и Питкярантой, Печенгой и Суомуссалми.

После службы в армии я вернулся в Архив, но работал уже в хранилище, в том самом, где с разнообразными грифами секретности лежали тысячи дел, каждое из которых содержало грозную директиву о переходе финской границы или описание боя за безымянную избушку лесника. Прочитывая страницу за страницей, я все больше и больше понимал, что зимой 1939/40 годов на финском фронте происходило нечто сильно отличающееся от того, что было описано в учебниках и книге известных советских историков Н.И. и В.Н. Барышниковых «Финляндия во второй мировой войне». Но то, что удалось узнать, долго оставалось моим личным достоянием и темой для разговоров в свободное время с коллегами и однокурсниками. Тем временем в журналах и газетах стали появляться статьи, чтение которых заставляло братья за карандаш и отмечать многочисленные фактические ошибки. Попытки опубликовать результаты собственных архивных исследований раз за разом терпели фиаско:

меня обвиняли то в чрезмерной научности, то в пристрастии к публицистике или предлагали соавтора, который выдвигал неприемлемые условия.

* * *

Летом 1989 года один из редакторов «Военно-исторического журнала» вроде бы заинтересовался предложенной темой, но после сказал: «Нам нужны документы, которые покажут, что в развязывании войны виновата Финляндия». На мой вопрос о том, опубликуют ли они документы, доказывающие противоположное, он ответил отрицательно.

Прошло еще два года, и один мой знакомый неожиданно предложил мне написать целую монографию. Недолго думая, я ответил согласием, хотя и представлял, что придется потратить ради этого много часов своего сна и нервных клеток. К тому моменту в моем рабочем столе накопилось уже немало выписок из документов, и казалось, что собранного материала вполне хватит. В основном, конечно, хватило, но когда я приступил к описанию конкретных операций и боевых действий, выяснилось, что в нем «выпадают» целые дивизии и корпуса: например, переход по льду Выборгского залива в марте 1940 года. Для того чтобы вставить в мозаичную картину недостающие фрагменты, приходилось задерживать почти готовые главы до просмотра необходимых дел.

Но после потянулись томительные месяцы ожидания. Стало ясно, что издатели испытывают типичные для того времени финансовые затруднения и мою рукопись ожидает печальная перспектива остаться погребенной в ящике стола. Посоветовавшись с коллега-

ми, я вновь решил попытаться счастья в отечественной периодике. К тому времени счастливый случай (говоря это без тени иронии) вывел меня на Валентина Степановича Ещенко, ставшего в сентябре 1991 года главным редактором «Военно-исторического журнала» вместо известного своими взглядами генерала Виктора Филатова. Результатом нашего сотрудничества стала статья «Оправданны ли жертвы?», напечатанная в третьем номере за 1992 год «ВИЖа». В ней давались новые цифры потерь личного состава и боевой техники в период советско-финляндской войны, которые в полтора-два раза превышали опубликованные ранее.

Трудно сказать, чем эта статья вызвала державный гнев теперь уже бывшего директора нашего Архива М.В. Стеганцева, но пришлось мне поначалу несладко. Меня вызвали в его кабинет, где Михаил Васильевич стал дотошно допрашивать, почему я опубликовал статью, не спросив разрешения методической комиссии. Мои ссылки на уже вошедший тогда в силу Закон о средствах массовой информации, который запрещал цензуру в любых формах, не имели успеха. Мне было объявлено, что за совершенный проступок я возвращаюсь в отдел исполнения социально-правовых запросов, в котором я начал работать семь лет тому назад; кроме того, «до выяснения обстоятельств» запрещалось работать в качестве исследователя в читальном зале. Так или иначе меня пытались вытолкнуть из Архива, полностью перекрыв доступ к источникам — хлебу и кислороду историка. Смириться с этим в тот момент означало: сомнительность успешного завершения образования (в то время я оканчивал 4-й курс исторического факультета МГУ), невозможность про-

должения дальнейших исследований и, наконец, смену коллектива, к которому я привык за несколько лет работы.

В этой ситуации мне оставалось только надеяться на помощь моих знакомых. Валентин Степанович Ещенко, которому я сообщил о случившемся, сразу же обещал помощь вплоть до юридической в суде, а вскоре попросил меня приехать и посмотреть на плоды творчества руководства Архива: директор не поленился отправить кляузную бумажку в редакцию, совершенно не представляя, что главный редактор одного из органов Министерства обороны может лично общаться со студентом. В этом письме Михаил Васильевич назвал приведенные в статье подсчеты «легковесными арифметическими», а подход к проблеме — несерьезным. Он утверждал, что в Архиве существует целый коллектив, занимающийся подсчетом потерь, и предлагал ни больше ни меньше, как предоставлять руководству Архива все (!!!) статьи, содержащие ссылки на его документы. Охарактеризовав эти действия Стеганцева с солдатской прямоотой, Ещенко подтвердил, что окажет мне возможную помощь. Однако она не потребовалась.

Незадолго до моего разжалования и перевода в справочный отдел за публикацию в книге «Фашистский меч ковался в СССР» ссылок на секретные документы более чем полувекковой давности была отлучена от работы в читальном зале Татьяна Бушуева. Некоторые фрагменты ее книги вызывают споры, но это дело научных дискуссий, а не ретивых администраторов.

Вскоре после этих событий в «Московском комсомольце» появилась статья Алексея Богомолова, в которой бывший директор нашего Архива выглядел не слишком выигрышно. В этой статье мое внимание привлекло то, что автор сделал акцент на чисто исторических вопросах и проблеме рассекречивания отечественных архивов.

К счастью, разыскать Алексея Богомолова и встретиться с ним удалось быстро. Выяснилось, что он окончил исторический факультет МГУ и даже диплом писал у того же научного руководителя, у которого впоследствии специализировался и я. После краткой беседы, попросив оставить экземпляр журнала и копию приказа Стеганцева, он сказал, что займется этим в ближайшие дни. Через несколько дней меня позвали к себе в гости коллеги, с которыми меня разлучил суровый приказ. Они-то и показали мне статью в «МК», на этот раз рассказывавшую о моей судьбе.

Честно говоря, я ожидал того, что за сопротивление директору, как это бывало раньше с другими сотрудниками, меня просто уволят и правоту придется доказывать уже в суде, но буквально в тот же день раздался звонок. Приятный женский голос сообщил мне, что со мной желает встретиться один из заместителей руководителя Российского комитета по делам архивов Владимир Петрович Козлов, и заодно назвал его номер телефона.

В конце дня я уже был в его кабинете на Старой площади. Он попросил меня рассказать о случившемся и выразил сожаление, что о моих злоключениях он

и другие руководители Архивной службы узнали только из газет. Пришлось объяснить ему, что управляющий делами не слишком милостиво отнесся к моей просьбе и отказал в записи на личный прием к Р.Г.Пихоя. Внимательно выслушав меня, он пообещал разобрататься в моем деле и попросил подождать. Затем позвонил и справился, может ли господин N принять его по важному делу. Решив, что аудиенция закончена, я поблагодарил Владимира Петровича и собрался уходить. Однако он попросил подняться вместе с ним наверх. Через несколько минут мы были в кабинете у Главного государственного архивиста России Рудольфа Германовича Пихоя.

Первым делом тот спросил меня:

— Вы аспирант?

— Нет.

— Соискатель?

— Нет, студент четвертого курса, — пришлось сознаться мне.

— Когда я работал в университете, я радовался, что мои ученики печатались.

— Видимо, не всех радует такая деятельность.

После этого бывший Главный хранитель российской истории попросил меня повторить рассказ, уже услышанный полчаса назад. Терпеливо дождавшись окончания, он заявил: «Владимир Петрович, мне все ясно. Пожалуй, хватит. Стеганцев уже зарвался окончательно. Ему пора на пенсию». После этого он пожелал мне творческих успехов и попросил, чтобы в случае возникновения подобных ситуаций его извещали в первую очередь, поскольку они ему крайне неприятны.

Вскоре, пытаясь сохранить хорошую мину при плохой игре, директор объявил, что «в силу производст-

венной необходимости» я возвращаюсь на прежнюю должность.

После этого удалось наладить контакты и с газетами, и с журналами, публиковались мои статьи, но чувство некой неудовлетворенности все же оставалось. Поэтому, когда мне предложили напечатать рукопись, уже в нынешнее время, я не стал заставлять долго дожидаться ответа.

В конце предисловия хотелось бы сказать огромное спасибо тем людям, которые очень помогли мне в процессе написания, без чьей кропотливой работы эта книга не появилась бы. Отдельное спасибо и тем, кто оказал мне неоценимую моральную помощь, когда у меня имелись все шансы покинуть стены Архива.

Глава 1

МЫ СТОИМ ЗА ДЕЛО МИРА, МЫ ГОТОВИМСЯ К ВОЙНЕ

В 1932 году Финляндия и Советский Союз заключили договор о ненападении, продленный в 1934-м. Тем не менее в конце 30-х годов советскому правительству это казалось недостаточным. Можно, конечно, сказать, что основания для этого имелись достаточно веские: начавшиеся агрессивные действия Германии на своих южных и юго-восточных границах в 1938—1939 гг. заставляли советское руководство думать о том, что в ближайшее время разгорятся более масштабные боевые действия.

Вот, например, что утверждают Н.И. и В.Н. Барышниковы в своей книге «Финляндия во второй мировой войне»: *«Как только чаша весов в межимпериалистическом противоборстве начала склоняться на сторону держав фашистского блока, государственный корабль Финляндии был направлен в фарватер фашистской Германии... Германию интересовали людские резервы Финляндии в расчете на использование их в войне против Советского Союза... Нетрудно понять, почему Англия в 1935 году охотно заключила с Германией морское соглашение, позволявшее Гитлеру выдвигать свои ударные силы ВМФ в восточную часть бассейна Балтийского моря»¹.*

¹ Барышников Н.И., Барышников В.Н. Финляндия во Второй мировой войне. — Л., 1985. С. 5,6,8.

А вот просто выдающийся перл, автор его В.Г. Федоров, долгое время работавший в Финляндии и оставивший среди работников советских учреждений не самую добрую память: *«На мой взгляд... истинные причины этой войны лежат вне советско-финляндских отношений. Истинная причина этой войны — экспансионистская политика Германии... Советское руководство... испытывало страх перед использованием территории Финляндии «третьими странами». Это был не страх. Это было знание. В 1934 году советская разведка получила достоверные сведения о предстоящем нападении (пока без временных рамок) Германии на Советский Союз. Главным направлением на начальных этапах избиралась Финляндия, Прибалтика — Северо-Запад. Именно после этого началась та кампания — дипломатическая, публицистическая, пропагандистская, — которая была направлена Советским Союзом на нейтрализацию Финляндии... В Финляндии в 1938 году, по данным французской разведки, имел место фашистский переворот...»¹.*

По поводу последнего высказывания можно только развести руками: столько лет провести в стране и не знать, что попытка государственного переворота в ней была произведена в 1930 году, вскоре после чего ее руководители — начальник Генерального штаба генерал Э.Валениус и несколько наиболее активных его соратников — были уволены со всех постов и возвратились в армию буквально накануне «зимней войны». Кроме того, как, по мнению Владимира Георгиевича, после фашистского переворота в правительстве могут оставаться социал-демократы?

Что касается всяких кампаний по нейтрализации,

¹ Материалы круглого стола «Мирная дискуссия о «зимней войне». — Родина, 1995, — № 12. С. 38.

то еще в 1925 году за одну из таких «кампаний» из Финляндии был выслан советский военный атташе А.А. Бобришев, а в 1933 году разразился грандиозный скандал, связанный с задержанием одного из курьеров Разведуправления Красной Армии и арестом резидента ОГПУ Марии Тылтынь, при которых имелись документы, свидетельствующие о наличии во всех граничащих с СССР прибалтийских странах мощной агентурной сети.

Попробуем, однако, сопоставить эти высказывания с реальной ситуацией того времени. Во-первых, каким образом государственный корабль Финляндии оказался в фарватере фашистской Германии, к примеру, осенью 1939 года, когда чаша весов еще не склонилась в пользу Германии, скорее стрелки заколебались в сторону советско-германского блока, раздавившего Польшу, — «уродливое детище Версальского договора», по выражению Вячеслава Молотова. Любопытно, как могли интересоваться Берлин и людские резервы финской армии, при том что население Германии насчитывало около 80 млн. человек, а Финляндии — чуть более трех.

Какие ударные силы ВМФ имелись в наличии у Германии в 1935 году? Несколько подводных лодок и три «карманных линкора» с шестью 280-мм орудиями каждый плюс броненосец «Шлезвиг-Гольштейн». К 1939 году германский ВМФ получил два линкора — «Шарнхорст» и «Гнейзенау» (по девять 280-мм орудий на каждом), несколько крейсеров, значительное количество эсминцев, подводных лодок. Но напомним, что Краснознаменный Балтийский флот имел два вполне боеспособных линкора: «Марат» и «Октябрьская революция» с двенадцатью 305-мм модернизированными

орудиями каждый, новейший легкий крейсер, два лидера и 11 эсминцев. Вполне боеспособной и достаточно многочисленной была авиация флота (469 самолетов), в составе были также 29 подводных лодок, не считая учебного отряда, а также 62 торпедных катера¹.

Представим себе, что немецкий флот, оставив берега Северного и Балтийского морей на попечение береговой артиллерии, пошел в 1939 году к берегам Финляндии, чтобы захватить ее государственный корабль. Вряд ли это движение осталось бы не замеченным шведами, которые не преминули бы сообщить о громадной колонне своим соседям. Вполне возможно, конечно, что Балтийский флот остался бы на месте. Ну а если нет? Вряд ли горячие финские и эстонские парни пытались бы помешать этому движению. К тому же финны показали эффективность своей береговой обороны в августе 1944-го, когда немцы пробовали высадиться на северном побережье Финского залива. Ничего у них тогда не получилось, при том что эскадра Балтийского флота в море не выходила, финнам помогали штурмовики и бомбардировщики морской и сухопутной авиации. Конечно, финский флот был слаб, чтобы тягаться с германскими линкорами и крейсерами, но неприятностей вместе с эстонским и шведским мог доставить немало.

Интересно и то, как удалось бы немцам снабжать свой экспедиционный корпус в случае удачной высадки. По морю, через пару тысяч километров? Это только англичане и американцы могли, но у тех флот был посильней немецкого и авианосцев столько, что сразу и не пересчитаешь.

¹ Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1917—1941 гг. — М., 1993. С. 636.

В общем, это было бы возможно только при условии полного отсутствия противодействия советского и шведского флотов или с их согласия, в противном случае германским войскам пришлось бы идти сухим путем через Польшу и три прибалтийские страны или через Норвегию. Но первое также было возможно только при согласии или помощи Советского Союза, а для осуществления второго у Германии при условиях напряженных отношений с СССР тоже не хватило бы сил.

Посмотрим, насколько интенсивно шла подготовка финских вооруженных сил к возможной войне против Советского Союза и маловероятной высадке германских войск на северном побережье Финского залива.

В 1931 году в Финляндии главой Совета обороны стал бывший Главнокомандующий времен Освободительной войны и бывший регент Карл Густав Маннергейм. Однако, несмотря на все его усилия, военный бюджет следующего года был сокращен на 52 миллиона марок — более чем на 10 процентов, особенно сильно пострадала статья на закупку оборудования для оборонных предприятий. Даже патронный завод не получил средств для расширения производства. А армия Финляндии не получила денег для проведения в 1931 году значительных учений. Экономический кризис со всеми вытекающими последствиями...¹

Крайне недоволен был Маннергейм увиденным во время поездки на Карельский перешеек. Несколько десятков осмотренных огневых точек были, по мнению руководителя финских Вооруженных Сил, неудачно размещены и скверно сконструированы. Кро-

¹ Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 1999. С. 193—194.

ме того, ввиду отсутствия средств на их содержание многие пришли в негодность. Для того чтобы усилить оборону на перешейке, Маннергейм вместе с тогдашним министром обороны Оксала вынуждены были прибегнуть к организации общественных работ для безработных. Благодаря этому удалось построить береговые укрепления и начать строительство сооружений неподалеку от границы¹.

Вскоре после своего вступления в должность Маннергейм изменил также систему комплектования и мобилизации армии военного времени. Мобилизация была переведена на территориальную основу, для чего привлекались соответствующие штабы шюцкора. После реформирования системы мобилизации дивизии могли сразу же выдвигаться на границу, оставив небольшие кадры для создания новых подразделений и обучения пополнения. Полностью перейти к новой системе мобилизации финны намеревались через 3 года².

В 1932 году министерство финансов Финляндии потребовало еще сократить расходы на оборону. По подсчетам Маннергейма, средства могли быть уменьшены на 60 миллионов марок, причем особенно мог пострадать переход на новую систему комплектования и закупки вооружения. Лишь после длительных прений сторон финансовое ведомство согласилось на меньшее урезание бюджета военного министерства — 4 миллиона в год³.

Правда, на следующий год Совету обороны удалось добиться значительного увеличения расходов на воен-

¹ Маннергейм К.Г. Указ. соч. С. 195—196.

² Там же. С. 197—198.

³ Там же. С. 200—201.

ные нужды путем выпуска военного займа. Однако, по мнению многих военных, финансирование перевооружения армии и строительства укреплений на Карельском перешейке не отвечало действительным потребностям. Длительных дискуссий потребовали строительство авиационного завода и так и не решенный перевод ряда важнейших предприятий в глубь территории страны.

Значительные затруднения испытывал Маннергейм и при попытках расширить собственное производство орудий. Националистические круги в парламенте отказались от уже достигнутой ими договоренности с руководством шведского концерна «Бофорс», чем значительно замедлили производство оружия. Лишь в 1936 году финские вооруженные силы получили средства для обновления своего устаревшего танкового парка. К боевым машинам «Рено», использовавшимся еще во время Первой мировой войны, добавились британские «Виккерсы», по тактико-техническим данным примерно равные своим советским собратьям «Т-26»¹.

В марте 1936 года, за год с небольшим до своего семидесятилетия, Маннергейм уже собрался отойти от активной деятельности. Однако прошение об отставке не было принято президентом Свинхувудом. Маннергейму, правда, разрешили уехать в длительный отпуск в Индию для поправки здоровья и пообещали поднять вопрос об отставке после возвращения. Как раз в это время закончился президентский срок Свинхувуда и его преемником стал бывший спикер парламента Кусти Каллио, обратившийся к бывшему Главкому с просьбой о продолжении работы в Совете обороны. Такую

¹ Маннергейм К.Г. Мемуары. С. 215—218.

же просьбу высказал и новый премьер Кааяндер. Оба высших должностных лица обещали Маннергейму полную поддержку, и тот согласился¹.

В течение длительного времени Военно-экономический отдел Совета обороны разрабатывал план пополнения армии новыми видами оружия. После обсуждения отдельных смет Совет предложил правительству выделить на оборонные нужды почти три миллиарда марок в течение 7 лет (1938—1944). Однако лишь в мае парламент утвердил закон, согласно которому ассигнования были несколько (на 200 миллионов марок) уменьшены. Даже левые фракции парламента осознали грозившую опасность и не устраивали обычных бурных сцен. Еще одно условие, поставленное депутатами, заключалось в преимущественном размещении военных заказов в Финляндии. За границей можно было закупать только то, что не производили финские заводы².

Теперь обратимся к фактам дипломатической истории 1938—1939 гг.

14 апреля 1938 года второй секретарь советского посольства в Хельсинки Б.Ярцев был принят финским министром иностранных дел Р.Холсти. При этом у последнего создалось впечатление, что Б. Ярцев — не простой дипломат, а представитель ЦК ВКП(б). В ходе **секретных** переговоров Ярцев предложил экономическую и военную помощь Финляндии в случае нападения на нее третьей страны. СССР, по заявлению Ярцева, хотел бы соблюдать нейтралитет и территориальную целостность Финляндии, однако опасается

¹ Маннергейм К.Г. Указ. соч. С. 218.

² Там же. С. 219.

высадки германских войск в Финляндии с целью последующего их вторжения на территорию Советского Союза. В случае разрешения прохода германским войскам СССР, по словам дипломата, не мог не реагировать на подобную ситуацию иначе, как выдвижением своих войск на запад. Если же Финляндия окажет сопротивление, то тогда ей будет оказана всевозможная помощь¹. В июне-июле Ярцев беседовал также с премьер-министром Финляндии А.Каяндером и министром финансов В.Таннером. Однако за эти три месяца Ярцев так и не сказал ничего нового о том, как Советский Союз собирается обеспечить нейтралитет Финляндии. Другие члены кабинета министров, согласно желанию советского дипломата, не были информированы об этом.

11 августа переговоры были переведены в более официальное русло. В.Таннер, замещавший Холсти на время болезни последнего, передал Ярцеву конкретные предложения финского правительства по поводу заключения соглашения с СССР. Ему был вручен финский проект договора между СССР и Финляндией. *«Правительство Финляндии, придерживающееся нейтралитета северных стран, не позволит нарушить территориальную неприкосновенность Финляндии, а также не допустит, чтобы постороннее великое государство использовало бы территорию Финляндии для нападения на Советский Союз. Советское правительство, заверяя, что будет уважать территориальную неприкосновенность Финляндии в любой ее части, не будет противиться тому, что Финляндия уже в мирное время приступит к таким военным мероприятиям на Аландских островах,*

¹ Кабанен П. Двойная игра // Родина. 1995, № 12. С. 43; Маннергейм К.Г. Мемуары. С. 221.

которые обуславливает территориальная неприкосновенность Финляндии и полный, наиболее возможный нейтралитет Аландского архипелага»¹.

Очень скоро, 16 августа, Ярцев сообщил, что если Финляндия не считает возможным подписание секретного военного договора, то Советский Союз мог бы удовлетвориться письменным обязательством Финляндии об отражении германской агрессии и принятии для этого советской военной помощи. Советский Союз может также согласиться на укрепление Аландов в случае допуска его к оборонительным работам и контролю над возведением укреплений. Кроме того, СССР просил разрешения на сооружение базы на острове Гогланд². СНК предложил также, что в случае нежелания Финляндии подписывать обязательства о сопротивлении германской агрессии СССР готов оказать соседней стране помощь в виде поставок вооружения и прикрытия ее с моря силами морского флота³.

Как оказалось, не знал о переговорах Ярцева и... Нарком иностранных дел СССР М. Литвинов. Сейчас исследователи выяснили, что «Ярцев» был работником НКВД и его настоящая фамилия — Рыбкин. Он был назначен вторым секретарем полпредства и какое-то время даже исполнял обязанности посла. Его женой, кстати, была Зоя Рыбкина, более известная многим поколениям наших соотечественников как детская поэтесса Зоя Воскресенская.

29 августа Ярцеву был передан ответ финской стороны: принятие советских предложений, по ее мнению, противоречило принципам нейтралитета. Тем не

¹ Маннергейм К.Г. Мемуары. С. 222.

² Там же. С. 222.

³ Там же. С. 44.

менее, на очередной сессии Лиги наций Холсти, встретившись с Литвиновым, попытался продолжить обсуждение проблемы, но из беседы с советским наркомом ясно понял, что тот совершенно не был осведомлен о «миссии Ярцева». Из этого финская сторона сделала вывод о двойной игре советского руководства.

Одновременно с переговорами шло усиление войск Ленинградского ВО. На заседании Главного Военного Совета РККА 22 июня 1938 г., на котором присутствовал сам Сталин, прорабатывался вопрос об усилении приграничных укрепрайонов ЛВО: Карельского, Кингисеппского и Псковского. Планировалось усилить их в 1938—1939 гг. артиллерией (как противотанковой, так и тяжелой). Причем рекогносцировку местности для строительства новых сооружений предписывалось провести уже к 10 июля. Помимо этого предполагалось усилить построенную в 1936—1937 гг. передовую позицию Карельского УР и построить к концу 1939 г. два новых укрепрайона — Мурманский и Видлицкий (в Карелии, на побережье Ладожского озера)¹.

Наконец, постановлением ГВС начиналось формирование в районе Мурманска 104-й Особой стрелковой дивизии, которая и в мирное время должна была содержаться как при военном положении. «Особость» этой дивизии заключалась и в том, что она должна была состоять из двух бригад, способных действовать самостоятельно, в ее составе помимо обычной полковой и дивизионной артиллерии должен был находиться дивизион 107-мм пушек, которые, как правило, входили в состав корпусных полков, т.е. дивизия явно предназначалась для дальнейшего развертывания в корпус.

¹ РГВА, Ф. 25888, Оп. 15, Д. 460. Л. 26—33.

Тем же постановлением подлежала реорганизации «ввиду несоответствия структуры условиям ТВД» 54-я горно-стрелковая дивизия. Ее также собирались сделать двухбригадной, причем численность личного состава и количество пулеметов по плану превышали аналогичные показатели 104-й дивизии.

Восемнадцать строительным дивизиям предписывалось выдвинуться к границе для оказания помощи в строительстве укреплений и последующего их занятия, построить в Петрозаводске и Мурманске крупные артиллерийские склады (на 300 и 150 вагонов соответственно), а в Ленинграде и области — танковые, авиационные и автомобильные ремонтные заводы производительностью ремонта 2 тыс. танков, столько же автомобилей, по тысяче самолетов, авиационных моторов и тракторов¹.

Попытки переговоров продолжались: 3 октября Ярцев предложил финнам самим организовать строительство военной базы на о. Гогланд и охранять ее, а в случае превосходства противника Советский Союз взял бы ее на себя. Через 10 дней финны ответили, что сами решат проблемы обороны острова. (Скажем, что решали ее не слишком успешно, поскольку десантные части Балтийского флота овладели островом без особых усилий.)

В начале декабря финская делегация прибыла в Москву, на торжества по поводу открытия нового Дома Правительства. Финнов принимал не Литвинов, а Нарком внешней торговли Анастас Микоян. По предположению П. Кабанена, которое представляется мне вполне справедливым, в связи с начавшейся переори-

¹ РГВА, Ф. 25888, Оп. 3, Д. 169. Л. 22—25.

ентацией советской внешней политики на соглашение с нацистской Германией Литвинова стали понемногу и исподволь отстранять от переговоров. Консультации вновь закончились ничем: Микоян предлагал военное сотрудничество и военное же освоение Гогланда, а финны — торговлю и вопрос о статусе Аландских островов¹. Тогда же Ворошилов спросил у Холсти, готова ли Финляндия защищаться в случае нападения Германии, и, не успокоившись на полученном положительном ответе, чуть ли не потребовал у финского министра пропуска соединений Красной Армии в случае агрессии. Зная интеллектуальный уровень Климента Ефремовича, можно представить себе, каким тоном был задан этот вопрос.

5 марта 1939 года, незадолго до своего «нового назначения», Литвинов вызвал к себе финского посла А.Ирие-Коскинена и от имени советского правительства предложил Финляндии сдать в аренду СССР четыре острова в Финском заливе: Гогланд, Лавенсаари, Сескар и Тютерс сроком на 30 лет, заявив: «...Мы отнюдь не намерены укреплять эти острова, а используем их в качестве наблюдательных пунктов, контролирующих важный для нас морской путь на Ленинград». Ирие-Коскинен ответил, что эти острова не являются пустынями, к тому же на Гогланде развит туризм, приносящий немалые доходы. 8 марта Литвинов получил ответ финского правительства, в котором отмечалось, что оно не может пойти на переговоры об аренде островов, и просило сохранить в тайне их подробности для того, чтобы не будоражить общественное мнение страны².

¹ Кабанен П. Двойная игра // Родина. 1995, № 12. С. 44.

² Там же. С. 45.

Днем раньше советское руководство отправило в Финляндию для ведения пока неофициальных переговоров по территориальным вопросам Б.Штейна. 11 марта 1939 года он встретился с новым финским министром иностранных дел Э.Эркко. Последний не без оснований изображался ранее в советской исторической литературе ястребом. Действительно, накануне войны он сделал несколько довольно неосторожных заявлений. Об этом немного позже. Но к моменту переговоров со Штейном Эркко, видимо, был еще не оперившимся в своем антисоветизме, не вырос у него, видимо, и крючковатый агрессивный империалистический клюв.

Разговор Штейна и Эркко не был, конечно, обменом любезностями, но был вполне корректным. Обе стороны собирались продолжить диалог и обязались хранить его содержание в секрете. 13 марта Штейн встретился с Таннером и Каяндером, а 15 и 17 марта — вновь с Эркко. Штейну было сказано, что предложения советского правительства были переданы Маннергейму для изучения. 24 марта финский министр иностранных дел заявил, что правительство готово дать следующие гарантии: защиты финской территории от посягательств любой страны и отказа от заключения договоров, нарушающих нейтралитет. Кроме того, он заявил, что Финляндия готова передать СССР два из четырех островов — Лавенсаари и Сескар — на основе достаточной территориальной компенсации и готова рассмотреть вопрос о двустороннем укреплении этих островов.

По мнению Штейна, в тот же день доложившего о переговорах в Москву, согласие финнов на передачу двух островов означало желание финской стороны

улучшить отношения с Советским Союзом, он советовал разжигать аппетит финской делегации на грядущих переговорах мелкими уступками. Маннергейм, впервые получивший советские предложения, считал возможным уступку двух островов и участка территории, на котором граница ближе всего подходит к Ленинграду, в обмен на соответствующую территорию в Карелии. Как и предполагал русский генерал, ставший финским маршалом, в конце марта Штейн предложил уже обмен территориями не только на острова, но и на часть Карельского перешейка. Советское правительство обещало также выделить сумму, необходимую для переселения финнов на новое место жительства. Рассмотрев карту обмена территориями, Эркко заявил о недостаточности компенсации¹.

Для такого высказывания имелись вполне реальные основания: на Карельском перешейке жили более 170 тысяч человек, т.е. примерно 5% населения Финляндии, тогда как Советский Союз в обмен на них предлагал необжитые лесистые и болотистые местности.

После этого обе стороны стали более активно готовиться к военным действиям. Впрочем, стоит отметить, что в документах штаба Ленинградского ВО имеется план войны против Финляндии и Эстонии, подержанных Германией, составленный еще в марте 1939 года, т.е. в период переговоров о всяческих уступках. И как бы ни убеждали меня уважаемые петербургские коллеги Н.И. и В.Н. Барышниковы в том, что это был обычный план прикрытия границы, я уверен в обратном: это план наступательной войны против двух

¹ Кабанен П. Двойная игра // Родина. 1995, № 12. С. 45.

соседних государств, преследующей цель разгромить их армии и занять их территорию¹. За десять лет работы с военными документами того периода я более или менее научился различать планы прикрытия и планы войны. Первые похожи на «Основные направления развития народного хозяйства», а вторые ясно и четко указывают: N-ской армии на десятый день занять Выборг силами таких-то стрелковых дивизий и танковых бригад, а M-ской поддерживать ее, взять на седьмой день Сортавала, а затем наступать в тыл противнику, обороняющемуся на Карельском перешейке. Слишком подробно описаны действия каждого корпуса и дивизии, каждого авиационного полка, чтобы говорить о том, что это был обыкновенный план прикрытия. Неизвестно, знал ли финский Генштаб об этом плане, но подозрительность Финляндии к своему соседу усиливали проводимые в 1936—1939 гг. отселение жителей в приграничной полосе на Карельском перешейке и депортация ингерманландцев (ижорцев) — финноугорского народа, жившего в Ленинградской области после восстания 1930 года, направленного против коллективизации.

В конце марта 1939 года, также в период переговоров, назначенный командующим Ленинградским военным округом К.А. Мерецков совершил поездку в приграничную полосу с целью проверки боеготовности частей на случай войны. Ознакомившись с обстановкой, Кирилл Афанасьевич сделал следующий вывод: финская армия имеет в целом наступательную задачу — сначала измотать советские войска в оборонительных боях, а затем нанести удар на Ленинград².

¹ РГВА. Коллекция. Оп. 14, Д. 4.

² Мерецков К.А. На службе народу. М., 1969. С. 177.

Можно только удивиться, как мог прийти к такому умозаключению человек, отдавший почти всю сознательную жизнь армии и военному делу. Хотя ему скорее всего подсказали эту блестящую фразу работники идеологического отдела ЦК. Любопытно, как, в противном случае, можно представить нападение Финляндии с ее чуть более трехмиллионным населением и регулярной армией, состоявшей в 1938 году из трех пехотных дивизий, кавалерийской бригады и четырех егерских батальонов, на Советский Союз с мощной армией, колоссальной военной машиной и 180-миллионным населением? Прямо-таки финский Давид, поражающий русского Голиафа, или Македония во главе с Маннергеймом-Македонским, идущая завоевывать огромные просторы империи Дария-Сталина. Вряд ли, впрочем, Мерецков мог написать такую несусветную чепуху сам. Наверное, подсказали ответственные товарищи из соответствующих отделов ЦК, намекнув, что при отсутствии нужных слов в адрес поджигателей войны воспоминания могут и не выйти.

В марте 1939-го на Карельском перешейке проверяли боеготовность укреплений передового рубежа КаУРа, которая оказалась не на должном уровне — в огневых точках было обнаружено немало поломок и недоделок. Были проведены несколько командно-штабных учений, а также тактические учения 19-го корпуса с использованием танков «Т-28» из 20-й (вернее, тогда еще 6-й) танковой бригады. Задача учений — прорыв укрепленной полосы противника¹.

Тем временем Военный совет ЛВО на заседании 29 апреля 1939 года решил, что необходимо срочно закончить формирование и укомплектование 104-й ди-

¹ РГВА, Ф. 25888, Оп. 15, Д. 285. Л. не указан; Д. 369. Л. 8—9.

визии. Для ускорения формирования 162-й полк 54-й дивизии передавался в 104-ю под номером 217-го. В дивизию, управление, артиллерийский и 217-й полк которой должны были дислоцироваться в Мурманске, входили 242-й полк (Кировск) и 273-й, последний вместе с дивизионом артполка должен был находиться в Кандалакше. Укомплектование новой дивизии старослужащими красноармейцами по плану Военного совета ЛВО должно было завершиться к 15 мая, а новым призывом — к 25 мая. В свою очередь 54-я гсд должна была передислоцировать свой штаб, 86-й артполк и 160-й сп из Кандалакши в Кемь, а на старом месте формировать новый 162-й полк (он вошел впоследствии в дивизию уже под номером 337-го). От идеи создавать дивизии двухбригадного состава явно отказались¹.

По утверждению авторов 12-томной «Истории второй мировой войны» в июле 1939 года штаб ЛВО разработал план действий против Финляндии в случае войны. Согласно ему советские войска в случае агрессивных действий с финской стороны (похоже, в штабе округа это была навязчивая идея) должны были сковать противника в приграничной полосе, а затем нанести ему решительный контрудар². По версии авторов, он был одобрен в Москве во второй половине июля. Однако мне не удалось ознакомиться с этим планом, и я не могу прокомментировать его стратегическую и оперативную концепции. Вообще, у меня возникает сомнение по поводу принятия и разработки подобного плана в Ленинграде.

Видный советский военачальник А.М. Василев-

¹ Д. 463. Л. 50—51.

² История второй мировой войны в 12 т. Т.3, М., 1974. С. 359.

ский писал, что Генеральный штаб РККА также разрабатывал план боевых действий против Финляндии, согласно которому они «должны быть проведены и закончены в предельно сжатые сроки, ибо в противном случае Финляндия получит серьезную помощь извне и конфликт затянется»¹. Вероятно, что это и был тот самый проект операции против соседней страны, который получил в историографии наименование «плана Шапошникова», который, по словам описывавших его исследователей, отличался глубокой проработкой оперативно-тактических вопросов. План этот, по словам Василевского, не был принят, а его разработка поручена Военному совету ЛВО, который уложился в указанные ему сроки². К сожалению, Александр Михайлович не указывает в своем сочинении дат.

В общем, у меня сложилось впечатление (оно вполне может быть неверным), что июльского плана просто не существовало, заседание Главного Военного Совета проходило уже в октябре, а план операции против Финляндии был разработан Военным советом ЛВО в период с 14 по 29 октября 1939 года. О его основных положениях немного ниже, а пока попытаюсь объяснить, что мне показалось спорным.

1. Если во второй половине июля план штаба ЛВО уже был принят, то для чего его разработку перепоручают Генеральному штабу?

2. Если план был разработан штабом ЛВО «в установленные сроки», то зачем было создавать новый план действий в октябре 1939 года?

Высказанные сомнения вовсе не означают отрица-

¹ Василевский А.М. Дело всей жизни. Т.1. М., 1989. С. 95.

² Там же. Т.1. М., 1989. С. 96.

ния автором существования «июльского» плана. Просто хотелось бы разрешить проблему его наличия или отсутствия путем дальнейшего поиска в архивах и сотрудничестве с другими исследователями.

А пока — перенесемся в жаркое лето 1939 года. 30 мая 1939 года германский статс-секретарь Вейцзеккер представил советскому поверенному в Берлине меморандум, в котором указывалось на возможность улучшения советско-германских отношений и необходимость продолжения переговоров в экономической области, прерванных в феврале. По мнению авторов «Истории второй мировой войны», получив ответ советской стороны, немецкие дипломаты заморозили контакты на два месяца¹.

Эта заморозка не помешала германскому посланнику Шуленбургу уже 5 июня донести в Берлин, что *«Молотов почти что призвал нас к политическому диалогу»*². *Прошло более полутора месяцев, и в Берлине, в ресторане «Эвест», встретились начальник экономического департамента германского МИД Шнурре, временный поверенный в делах СССР Астахов и торговый представитель Бабарин. Разговор продолжался до половины первого ночи. Обе стороны во время ужина высказались за улучшение отношений в экономической и политической областях»*³.

Тем временем начавшиеся еще в июле переговоры между советской и англо-французской делегациями еще продолжались, но ясно, что быстрое и эффективное завершение им не грозит.

¹ История второй мировой войны. Т.2. М., 1974. С. 279.

² Советско-германские отношения. Сб. документов под ред. Ю.Г. Фельштинского. М., 1991. С. 23.

³ Там же. С. 27—31.

Разумеется, что в срыве переговоров были виноваты обе стороны, в частности, бывшие союзники России по Антанте прибыли с недостаточными полномочиями для заключения полномасштабного соглашения, которое могло предотвратить надвигавшуюся мировую войну, но вряд ли их успеху способствовали сведения о советско-германских консультациях. Поэтому поведение делегации СССР с ее широкомасштабными военными инициативами, несомненно, оставляло у британцев и французов впечатление двойной игры.

Судя по всему, советское руководство и не придавало особого значения этой встрече, ведя одновременно крайне напряженную переписку с Берлином. 19 августа между СССР и Германией было подписано торгово-кредитное соглашение. 22 августа в Москву прибыл имперский министр иностранных дел И. фон Риббентроп, наделенный Гитлером полномочиями для подписания пакта о ненападении и сопутствующих документов¹.

После двух встреч Сталина и Молотова с Риббентропом и Шуленбургом был подписан знаменитый договор о ненападении, а 24 августа он был опубликован в советских газетах, вызвав изрядное недоумение у многих советских людей, в течение длительного времени воспитывавшихся в антифашистском духе и активно и вполне искренне протестовавших против фашистской агрессии в Абиссинии и Испании, захвата Австрии и Чехословакии.

Очень немногие знали тогда о наличии специального секретного дополнительного протокола, тща-

¹ Советско-германские отношения. Там же. С. 56—57, 66.

тельно скрывавшегося от общественности в течение более 50 лет. Можно как угодно и сколько угодно говорить о предотвращении нападения Германии на Советский Союз, что за эти почти два года наша армия получила много новой техники и значительную площадь предполья, но все же главным итогом заключения Пакта о ненападении было то, что он фактически зажег зеленый свет нацистским танкам, готовым к вторжению в Польшу. В свою очередь сталинское руководство получило согласие на расправу с прибалтийскими странами, в том числе и с Финляндией.

Советская дипломатия явно переоценила степень влияния сторонников капитуляции на Западе¹ и, повинувшись указаниям Сталина и Молотова, привела страну к возможности сговора с фашистскими агрессорами и фактическому соучастию в преступлениях гитлеровского режима, чьи танковые дивизии не смогли бы завоевать весной 1940 г. страны Западной Европы без бесперебойных поставок советской нефти.

1 сентября 1939 года гитлеровские войска начали войну против Польши, боевые действия в ходе которой оказались для Германии отнюдь не легкой прогулкой, как это представляли ранее советские военные историки. Да, передовые немецкие танковые и моторизованные соединения уже 9 сентября оказались у Варшавы, а 16 сентября заняли героически защищавшуюся Брестскую крепость, вышли на подступы к Люблину и Львову. Однако мало кому известно, что контрудар, нанесенный польской армией «Познань» под командованием генерала Т. Кутшебы 9 сентября,

¹ Загладин Н.В. История успехов и неудач советской дипломатии. М., 1990. С. 110.

привел к серьезному поражению войск 8-й немецкой армии. Известный германский военачальник Э. фон Манштейн говорил о кризисе операции против Польши. В ходе контрудара значительная часть соединений армий «Модлин» и «Познань» прорвалась к Варшаве, усилив ее героический гарнизон, командование которым от раненого генерала Ю.Ромера принял Кутшеба.

Остальные соединения этих двух армий вели под командованием генерала В.Бортновского упорную борьбу в окружении до 20 сентября, приковав к себе значительные силы германской армии. Тогда же, в начале второй декады сентября, почти все польские бригады и дивизии, находившиеся на восточных границах, после пополнения резервистами начали движение на запад для организации нового фронта обороны. 17 сентября моторизованная пехота Гудериана была выбита из Бреста.

Похоже, возможность затягивания войны обеспокоила советское руководство, и 17 сентября Красная Армия под предлогом обеспечения безопасности белорусов и украинцев, проживавших в восточных воеводствах Польши, перешла границу силами, не уступавшими германской армии вторжения: 45 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 10 танковых и 2 мотострелковые бригады при мощной авиационной поддержке. Всего в «Освободительном походе» участвовали около полутора миллионов человек, 12 000 орудий, 3500 танков, 4000 самолетов¹. Удар пришелся практически по пустому месту: в восточных районах Польши к тому моменту остались только лишь части корпуса пограничной охраны и тыловые учреждения. Достаточно

¹ РГВА. Коллекция. Д. 232. Л. 1—2.

сказать, что за весь период боевых действий польская авиация всего три раза появлялась над боевыми порядками наших войск, а сколько-нибудь серьезное сопротивление было оказано в районе Вильно (Вильнюса), Гродно и Львова.

Начало боевых действий 17 сентября было ударом в спину Польше, истекавшей кровью в борьбе с врагом. И если до наступления Красной Армии поляки имели хотя и призрачные, но все же шансы на продолжение войны, то после советского вторжения сопротивление уже не имело стратегического смысла. Сохранившие боеспособность части и соединения польской армии начали прорыв к румынской границе. Часто случалось так, что после, как им казалось, последнего удара по противостоящим германским войскам польские солдаты и офицеры оказывались перед лицом необходимости нового боя — с частями Красной Армии. У некоторых на это не хватало сил и желания, у других — боеприпасов, как это, например, случилось с генералом Владиславом Андерсом, командиром Гродненской кавалерийской бригады, объединившим под своим командованием группу войск, прорывавшуюся в Румынию.

Дойти до румынской границы удалось немногим. Вскоре, уже в апреле-мае 1940 года, Подхальянская горно-стрелковая бригада отличилась в боях у Нарвика, а бронеполк генерала Ю. Мачека — во Франции, где она сохраняла боеспособность до посадки на корабли британского флота.

Но бои у Томашува-Любельского, продолжавшиеся до 30 сентября, упорнейшее сопротивление гитлеровцам до 5 октября группы генерала Клеберга под Коцком — героическая оборона Варшавы, Модлина и

Хеля — были уже сражениями не за сохранение жизни, а за сохранение чести польского знамени.

При встречах советских и германских войск, несмотря на все усилия высшего командования обеих сторон, возникли все же некоторые неувязки: в районе Белостока и Львова произошли незначительные столкновения между двумя дружественными армиями, повлекшие за собой небольшие человеческие жертвы. Во избежание дальнейших недоразумений, которые могли перерасти в более крупный конфликт, в дополнение к Пакту о ненападении между двумя странами был заключен договор о дружбе и границах. По нему Литва переходила в сферу государственных интересов СССР¹. Союзники — красные и коричневые — отплясывали свой дьявольский танец победы на костях истерзанной и поруганной Польши, радостно улыбаясь друг другу.

Четвертый раздел Польши закончился. 31 октября Молотов заявил, что «...ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора (Польши. — П.А.), пожившего за счет угнетения непольских национальностей...». Однако на этот раз «Вячеслав — каменная задница» ошибся. Польша и польская армия не погибли, они очень скоро восстали из пепла. Причем, по иронии судьбы, Советский Союз принял в воссоздании польской армии самое непосредственное участие. Армию под командованием уже упоминавшегося генерала Андерса советское командование намеревалось использовать на советско-германском фронте. В 1941—1942 годах для того, чтобы бороться с немцами, с трудом набрали несколько десятков тысяч поляков, которых извлекали из лагерей и тюрем и затем на протяжении некоторого времени откармливали для

¹ 1941 год. Документы. Книга вторая. М., 1998. С. 577—578.

того, чтобы бывшие зэки хоть немного были похожи на солдат. Не легче ли было предложить польскому командованию совместную борьбу с германской армией в сентябре 1939 года? Когда польская армия худо-бедно состояла из более чем 40 дивизий и бригад. Мне могут возразить, что польское правительство упорно сопротивлялось соглашению с СССР. Но оно, действительно, при первой же угрозе занятия Варшавы трусливо смылось в Румынию. А вот генералы, которые руководили боевыми действиями и на своей шкуре испытали в полной мере превосходство противника в авиации и танках, вряд ли отказались бы от советских танков и самолетов. Наверное, как-нибудь договорился бы командир танкового корпуса комбриг Кривошеин, начавший войну с фашизмом еще в Испании, с Андерсом или Кутшебой, которые немцам не особо симпатизировали.

Конечно, Красная Армия была сильно ослаблена репрессиями 1936—1938 гг., но и германская тогда еще не приобрела опыта, которым она располагала к июню 1941-го. Танки у нас были слабоваты; так и у противника основу вооружения составляли «Т-1» и «Т-П», по сравнению с которыми наши «БТ» и «Т-26» — просто олицетворение мощной брони и могущественного вооружения. Так что столкновение СССР и Германии в сентябре 1939 года вряд ли было бы очень успешным для последней.

Польские летчики, переучившиеся на «Харрикейны», будут защищать Лондон в тяжелейшие дни битвы за Англию, моряки на новых кораблях — охранять арктические конвои, а польская армия под командованием генерала Андерса, не желавшего подчинять своих солдат и офицеров руководству советских военачаль-

ников, отдавших врагу половину России, после ухода из советской Средней Азии прославится в боях на Ближнем Востоке и в Италии, где в мае 1944 года поляки овладели считавшимся неприступным монастырем Монте-Кассино. В июле 1944 года вместе с другими союзниками в Нормандии высадятся и польские десантники. За ними последуют танкисты и пехотинцы. День Победы они встретят в районе Дуйсбурга. Неподалеку от Берлина окажутся 1-я и 2-я армии Войска Польского.

Однако до этого еще далеко, и пока мир застыл в ужасе перед союзом национал-социализма Гитлера с Гулаговским социализмом Сталина. Этот монстр хотя и заставил западные страны задуматься над своей дальнейшей судьбой, но все же не вывел их окончательно из благодушного состояния. Чехословакия и Польша не стали теми искупительными жертвами, которые полностью образумили правящие круги Запада. Только разгром Франции и жестокие авиационные удары по Британским островам заставят политиков осознать всю гибельность мюнхенской системы.

Тем временем советское правительство готовило поглощение прибалтийских государств. Сначала с ними в период с 28 сентября по 10 октября были заключены договоры о ненападении, а на их территории введены небольшие контингенты советских войск (2—3 дивизии и танковая бригада). Кроме этого, советский флот получил базы и аэродромы на материковой части Эстонии, на Моонзундских островах, в Риге и Лиепаяе... Пройдет меньше года, и балтийские страны «добровольно» войдут в состав СССР. Их правительства не сочтут возможным сражаться с превосходящим по силе противником, который к тому времени значи-

тельно усилил свои группировки в Латвии, Литве и Эстонии.

Вдохновленные успехом, советские руководители возобновили свои домогательства к Финляндии, одновременно усиливая Ленинградский военный округ. Однако министр иностранных дел Финляндии Эрко заявил: *«Финляндия никогда не примет условия, подобные тем, которые приняли Прибалтийские государства. Если это и произойдет, то только в самом худшем случае»*¹.

В частях и соединениях Ленинградского ВО постоянно шли тактические занятия и боевые стрельбы, ярко показавшие недостатки в частях и соединениях округа, особенно в тех, которые были сформированы в рамках так называемых «Больших учебных сборов». Так, на окружных стрелково-тактических соревнованиях в середине сентября выяснилось, что батареи медленно подготавливаются к стрельбе после марша, а вычислители делают большие ошибки в определении расстояний. Особенно «отличились» в этом полковые батареи. И еще один любопытный факт: еще в июле и августе командованием округа были отданы приказы о приведении в порядок лыжного имущества и совершенствовании лыжной подготовки². На территории округа активно формировались новые и передислоцировались имеющиеся соединения.

На «круглом столе» в журнале «Родина» у меня возник спор с В.Н. Барышниковым о том, готовился или нет СССР к войне до октября 1939 г. Мой оппонент утверждал, что до октября массовых перебросок на фин-

¹ Кабанен П. Двойная игра // Родина. 1995, № 12. С. 46.

² РГВА. Ф. 25888, Оп. 4, Д. 781. Л. 112; Д. 814. Л. 268; Д. 815. Л. 181.

скую границу не было. Я не смог привести доказательств подготовки к войне, кроме формирования 168-й дивизии и ее переброски. В моем распоряжении тогда не было некоторых выписок, которые появились недавно. Про 1938-й и апрель 1939-го сказано выше, а теперь приступим к хронике передислокаций частей и соединений Красной Армии в сентябре—ноябре 1939 года, а потом расскажем о ходе дипломатических переговоров. Я думаю, от военно-дипломатической чересполосицы у читателя будет просто рябить в глазах.

9 сентября из Петрозаводска к границе, в район дер. Нурмалицы, выдвигается гаубичный артполк 18 сд. Это, конечно, немного.

А вот 13 сентября Генеральный штаб Красной Армии приказывает перебросить в Мурманск управление 33-го ск, 14-й сд, один артполк РГК, истребительный и бомбардировочный авиаполки, танковый батальон (помимо батальонов стрелковых дивизий). Это дополнительно к 104-й дивизии, которую выдвигали в район полуострова Рыбачий и пос. Титовка¹.

16 сентября было отдано новое распоряжение: на базе штаба 33-го корпуса сформировать управление Мурманской армейской группы². Мне наверняка возразят: мурманское направление могли укреплять, опасаясь активных действий участников мировой войны на море, но побережьем Баренцева моря дело не ограничилось.

14 сентября была отдана директива № 16669, которой предписывалось занять позиции вблизи с Финляндией на Ухтинском направлении — 54-й дивизии (ранее, до формирования 104-й, она прикрывала и

¹ РГВА. Коллекция. Д. 232. Л. 14—15.

² Там же. Л. 10—11; Д. 284. Л. 13—14.

Мурманск), в средней Карелии — 168-й и 18-й дивизи-
ям вместе с 314-м артдивизионом БМ, а на Карель-
ском перешейке двум корпусам — 19-му и 50-му в со-
ставе пяти дивизий (16, 24, 43, 70 и 90-й), 35-й танковой
бригады трех артиллерийских полков и двух дивизио-
нов БМ. В резерве группы Карельского перешейка ос-
тавались 142-я стрелковая дивизия, отправленная на
перешеек днем раньше, и 40-я танковая бригада¹.

17 сентября 70 и 90-я дивизии заняли позиции на
передовом рубеже КаУРа. А днем раньше в Новгороде
была сформирована одноименная армейская группа,
ставшая в октябре 8-й армией, в ее состав вошли 1-й
стрелковый корпус (49, 56, 75 и 123-я стрелковые ди-
визии) и 25-я кавалерийская дивизия². Вскоре эти ди-
визии разделятся: управление 1-го стрелкового корпу-
са вместе с 56 и 75-й дивизиями поедет в Петроза-
водск, в Карелии будет воевать с января 1940 года и
25-я кавалерийская дивизия, а 49 и 123-я встретят вой-
ну на Карельском перешейке.

21 сентября 88-я стрелковая дивизия закончила со-
средоточение в Архангельске. 14-я стрелковая дивизия
в тот день находилась в эшелонах в пути на Мурманск,
а 142-я стрелковая дивизия заняла позиции в тылу
КаУРа, в районе Токсово, Пери, Вартемяки³.

22 сентября командующий ЛВО командарм 2-го
ранга Мерецков просит Генеральный штаб разрешить
ему перебросить на Карельский перешеек 20-ю танко-
вую бригаду (одну из немногих в Красной Армии бри-
гаду, укомплектованную не легкими «БТ», а средними
«Т-28»)⁴.

¹ РГВА. Коллекция. Д. 232. Л. 16.

² Там же Д. 284. Л. 17, 25, 26.

³ Там же. Л. 30.

⁴ Там же. Л. 64—65.

После этого активная переброска войск на время прекратилась, чтобы возобновиться во второй половине октября. В этот период, правда, к будущему театру военных действий везли всевозможные части и подразделения связи и дорожного строительства.

Так что концентрация войск на финской границе, вернее в непосредственной от нее близости, началась еще в сентябре, а не в октябре, как это утверждает уважаемый Владимир Николаевич Барышников. Что же это, если не подготовка к войне?

В книге американского историка Барбары Такман «Августовские пушки», повествующей о первом месяце Первой мировой войны, есть любопытный эпизод: в штабе 5-й французской армии встречаются ее командующий генерал Ланрезак и командующий английским экспедиционным корпусом генерал Вильсон. Когда Ланрезак сообщил, что немецкие войска вышли на реку Маас, Вильсон спросил, что они собираются делать, может быть они форсируют Маас, на что взбешенный дурацким вопросом французский генерал ответил: «Готовятся ловить рыбу». Видимо, сын и отец Барышниковы считают, что советские дивизии, развертывание которых началось еще в апреле 1939 года (если речь идет о мурманском направлении), предназначались для занятий рыболовством и охотой, а не для войны.

Возвращаясь к дискуссии в «Родине» в сентябре 1995 года, хочу прояснить некоторые свои высказывания. Во время спора с В.Н. Барышниковым мной было сказано, что он не видел документов оперативного управления Генштаба Красной Армии. В этих своих словах не раскаиваюсь, поскольку в читальном зале РГВА Владимир Николаевич ни разу не был, а если он

и видел материалы планирования боевых действий, то только ксерокопии, сделанные его отцом Николаем Ивановичем с документов, до сих пор остающихся на секретном хранении. Согласитесь, видеть отдельные копии и просмотреть полный комплект документов того времени — это большая разница.

19 октября советское командование произвело не вполне понятную акцию: в течение этого дня самолеты ВВС РККА **пятикратно нарушили границу Финляндии**. Сначала это сделало звено 44-го истребительного авиаполка, дважды совершившее облет по маршруту аэродром Горелово, Териоки, Кивенаппа, Рауту, Метсаяпирти, Горелово на высоте 6000 метров. Оба полета продолжались час с четвертью и проводились в самое что ни на есть светлое время суток.

Затем за дело взялось звено СБ 72 смешанного авиаполка. Оно также дважды облетало территорию в Средней Карелии. Оба раза оно вылетело с аэродрома в Бесовце, в первый раз по маршруту Суоярви, Питкяранта, Сальми, Кундуши, а второй — Суоярви, Терккеля. Эти два полета также происходили в дневное время и продолжались почти два часа на той же высоте.

Дольше всех в небе над Финляндией провело звено СБ 1-й дальней разведывательной эскадрильи, которое на высоте шести километров в течение двух с половиной часов фотографировало территорию в районе оз. Хаука-ярви, оз. Сиес-ярви, Липола¹.

Впрочем, нельзя сказать, что финны летом благодушно не замечали никакой опасности: в августе 1939 года на Карельском перешейке состоялись маневры, в

¹ РГВА. Ф. 31983, Оп. 2, Д. 345. Л. 60—65.

которых участвовало более 25 тысяч человек, несколько сот автомобилей, несколько десятков орудий.

Вот он — показатель агрессивных намерений Финляндии, могут сказать защитники политики СССР накануне войны. Однако в ходе маневров рассматривался следующий вариант боевых действий: «желтая» сторона прорвала оборону на главной полосе «линии Маннергейма» и двигалась на Кямяря. В свою очередь «белая» сосредоточила контрударную группировку и нанесла удар с флангов, заставив «желтых» отступить на исходные позиции. Таким образом, в ходе маневров явно отрабатывались активные оборонительные действия, целью которых было отбросить нападавших даже не за линию государственной границы, а восстановить оборону на главной полосе укреплений Карельского перешейка. Впоследствии, как показал ход боевых действий на перешейке, удару вдоль железной дороги Ленинград—Выборг советское командование действительно придавало большое значение, но попытка финского командования нанести контрудар сорвалась из-за колоссального превосходства войск 7-й армии в живой силе и особенно в вооружении и технике¹.

Впрочем, вернемся в октябрь. 25 октября началась переброска управления 8-й армии и 1-го стрелкового корпуса в Петрозаводск, двумя днями позже началась переброска в Карелию 138, 155 и 163-й дивизий (первая, Впрочем, окажется в итоге на Карельском перешейке, вторая появилась с Белорусского фронта).

С конца октября началась и более активная переброска в Ленинградский округ соединений из других

¹ РГВА. Коллекция. Д. 284. Л. 67,71.

районов страны, особенно тех, которые закончили «Освободительный поход». К 10 ноября в приграничных районах сосредоточились 122-я (Кандалакша) и 163-я стрелковые дивизии, вошедшие вскоре в состав 9-й армии, в состав 8-й вошла уже упоминавшаяся 155-я и прибывшая из района Пскова 56-я дивизии, 108-й артиллерийский полк и 314-й дивизион РГК, в ближайшие дни ожидалось прибытие 75 и 139-й стрелковых дивизий и 34-й танковой бригады взамен первоначально предназначавшейся, но переброшенной на Карельский перешеек 39-й¹. На главном направлении — Карельском перешейке — в первом эшелоне находились пять стрелковых дивизий (24, 43, 70, 90 и 142-я), две танковые бригады (35 и 40-я), три артиллерийских полка РГК (101, 301, 311-й), во втором находились 49-я и 123-я стрелковые дивизии, 20-я танковая бригада, 136-й артполк и 315 и 317-й артдивизионы РГК, наконец, 150-я стрелковая дивизия находилась в эшелонах в районе Красного Села².

К 16 ноября в районе Мурманска находились уже около 30 тысяч человек, более 200 орудий и 46 танков, на участке 8-й армии — около 120 тысяч человек, более 850 орудий, 230 танков и 77 бронев автомобилей, наконец, на Карельском перешейке — более 170 тысяч человек, более 1200 орудий, 850 танков, 120 бронемашин³.

Теперь возвратимся в Москву, где осенью 1939 года советское руководство пыталось заставить правящие круги Финляндии пойти на уступки СССР. 5 октября Молотов пригласил к себе на беседу финского послан-

¹ РГВА. Коллекция. Л. 75—79.

² Там же. Л. 90—91.

³ Там же. Д. 232. Л. 93.

ника А. Ирие-Коскинена и заявил, что советское руководство желает видеть в Москве финского министра иностранных дел либо какого-либо другого уполномоченного правительством соседней страны для обсуждения вопросов улучшения двусторонних отношений. Советский нарком требовал получения ответа из Хельсинки в течение суток, не указывая при этом цели переговоров. Сделан был лишь намек о заключенных накануне договорах с прибалтийскими государствами. Вскоре в советскую столицу прибыла финская делегация во главе с Ю. Паасикиви, получившим инструкцию министра иностранных дел о том, что обсуждению подлежит лишь возможность передачи трех небольших островов в Финском заливе. Ему запрещалось вести переговоры о размещении на Ханко военной базы, изменении границ Финляндии и размещении на ее территории военных баз.

На первой встрече, состоявшейся 12 октября, финской стороне было предложено заключить с СССР пакт о ненападении и взаимопомощи, подобный тем, которые были подписаны прибалтийскими странами. Однако финские представители оказались дальновиднее прибалтийских дипломатов и отказались вести переговоры о такого рода соглашениях. Тогда Сталин лично изложил советские требования к Финляндии¹:

1) Дополнение существовавшего договора о ненападении положением о неучастии обеих сторон в блоках, направленных прямо или косвенно против СССР и Финляндии.

2) Финляндия сдает в аренду полуостров Ханко

¹ Загладин Н.В. Указ. соч. С. 114.

сроком на 30 лет для размещения военно-морской базы.

3) Военно-Морской Флот получает возможность использовать бухту Лаппвик для стоянки кораблей.

4) Финляндия уступает СССР несколько островов в Финском заливе, которые упоминались на предыдущих переговорах (Сескар, Лавенсаари, Большой и Малый Тютерсы, Бьерке).

5) Финляндия уступает СССР территорию на Карельском перешейке от деревни Липола на севере до южной оконечности города Койвисто.

6) Финляндия передает СССР западную часть полуостровов Рыбачий и Средний.

7) Обе стороны разоружают укрепленные районы на Карельском перешейке, оставляя на нем только пограничную охрану.

8) В качестве компенсации Советский Союз предоставляет Финляндии территорию советской Карелии в районе Реболы и Порос-озеро, вдвое большую по площади той, которая уступается Финляндией.

На встрече делегаций Сталин заявил, что Советскому Союзу нужен Ханко для того, чтобы перекрыть артиллерийским огнем с южного и северного берегов весь Финский залив. По поводу границы на Карельском перешейке Сталин заявил: «...*Поскольку мы не можем передвинуть Ленинград, мы передвинем границу, чтобы его обезопасить*». Сославшись при этом на пример Германии, которая объясняла свое нападение на Польшу соображениями безопасности Берлина¹.

Переговоры явно не имели перспективы, и Пааси-

¹ Кабанен П. Указ. соч. С. 46.

киви предложил продолжить переговоры после консультаций со своим правительством. Новая встреча состоялась 23 октября. Финская делегация представила компромиссный вариант соглашения:

1) Финляндия готова заключить соглашение с СССР об обмене пяти островов в Финском заливе (Лавансаари, Тютерсы, Сескар и Гогланд).

2) Финляндия готова перенести границу на Карельском перешейке на 10 км к северо-западу.

3) Финляндия готова усилить существующий пакт о ненападении параграфом о невступлении во враждебные группировки¹.

Однако было заявлено, что Финляндия настаивает на неприкосновенности Ханко и бухты Лаппвик, так как передача этих территорий нарушает нейтралитет страны.

В ответ на это Паасикиви и Таннеру было заявлено, что советские предложения 12—14 октября были минимальными и что предложения, изложенные в меморандуме от 14 октября, должны быть приняты финской стороной без всяких условий. Это явно было похоже на ультиматум. Когда Сталину ответили, что вопрос о передаче территорий решается в Финляндии двумя третями голосов членов Сейма, Сталин ответил открытой угрозой: «*Вы получите больше, чем две трети, а плюс к этому еще наши голоса учтите*»². Последнее было воспринято финской делегацией как угроза применения силы.

¹ Кабанен П. Указ. соч. С. 46.

² Семиряга М.И. Советско-финляндская война // Знание. 1990. № 3.

Тем не менее финская делегация еще надеялась на удачный исход переговоров и вновь попросила отсрочку для визита в Хельсинки с целью получения новых указаний от своего кабинета и парламента. 28 октября о переговорах были проинформированы лидеры всех парламентских фракций, которые признали верной тактику делегации в Москве. И лидеры партий, и руководители правительства считали возможным отодвинуть границу на Карельском перешейке на такое расстояние, которое не привело бы к тому, что в руках Советского Союза оказалась часть главной полосы «линии Маннергейма», а на севере отдать западную часть Рыбачьего и Среднего, но вот Ханко финны отдавать не хотели¹.

31 октября 1939 г. Молотов, выступая на сессии Верховного Совета СССР, изложил советские требования к Финляндии, которые далеко выходили за рамки того, что предлагалось на московских переговорах и в какой-то степени подвергало опасности существование независимой Финляндии.

Отметим, что в этой ситуации не лучшим образом действовал и финский министр иностранных дел, заявивший на следующий день по поводу речи Молотова следующее: *«Это русский империализм. Всему есть свои границы. Финляндия не может пойти на советские предложения и будет защищать любыми средствами свою территорию, свою неприкосновенность и независимость. Мы знаем, на какие силы страна может опереться в защите независимости и обеспечении нейтралитета...»*².

Заявление в той обстановке было чрезвычайно и

¹ Кабанен П. Указ. соч. С. 47.

² «Правда», 3 ноября 1939 г.

излишне резким, однако оно не содержало угрозы агрессии, а выражало лишь готовность Финляндии защищаться в случае нападения противника. Тем не менее советское руководство увидело в этом то, что хотело: предлог для дальнейшей дестабилизации обстановки. Когда 2 ноября финская делегация возвратилась в Москву, то уже на следующий день ее члены, владевшие русским языком, имели удовольствие прочитать в правдинской передовице: «...*Наш ответ прост и ясен. Мы отбросим к черту всякую игру политических картежников и пойдем своей дорогой, ломая все и всякие препятствия на пути к цели*»¹.

Бронепоезд, томившийся от долгого пребывания на запасном пути, вышел на рельсы главной магистрали и развел пары...

Переговоры, продолжавшиеся формально до 12 ноября, явно не имели шансов на успех, поскольку стороны уже не доверяли друг другу, хотя финское правительство пошло, казалось бы, на явную уступку: известный своим русофобством и чрезмерной резкостью министр иностранных дел Эркко был отправлен в отставку. Но несмотря на это, отдельные попытки сторон найти «нетривиальное» решение вроде предложения Сталина продать Ханко не могли иметь успеха. 13 ноября финская делегация отбыла в Хельсинки. И хотя Паасикиви в своем меморандуме говорил о возможности продолжения консультаций, было ясно, что переговоры окончательно зашли в тупик.

17 ноября Генеральный штаб РККА отдал директиву за номером 0205/Оп о переходе в наступление против финских войск, в которой каждой армии, в том

¹ «Правда», 3 ноября 1939 г.

числе и только что сформированной 9-й ставились конкретные задачи. Осталось только ждать дополнительного приказа с указанием дня и часа наступления. 21 ноября аналогичная директива (№ 4715) была отдана Военным советом ЛВО¹.

Глава 2

ПЛОТИНА ДЛЯ ЖЕЛЕЗНОГО ПОТОКА

Что будете делать вы, уважаемый читатель, если ваш сосед — здоровенный детина, буян, который постоянно пьянствует и периодически пытается бить стекла в вашем доме, громко крича при этом, что вышвырнет вас оттуда, поскольку вы нещадно истязаете своих домочадцев? Иногда, забыв о судьбе тех, о чьей печальной участи вещал еще вчера, пытается поджечь дом. А еще через несколько дней просит «помочь» деньгами или потесниться, т.е. «уступить» ему часть вашей жилой площади.

Что же вам останется предпринять? Пожалуй, только последовать старому британскому правилу и постепенно превратить свой дом в некое подобие средневекового замка, одев окна крепкими ставнями или решетками, оградив его от посягательств крепким и высоким каменным или железобетонным забором, и укрепить дверной проем, поставив мощную металлическую дверь с прочными запорами.

¹ РГВА. Коллекция. Д. 233, 243.

Поэтому вряд ли стоит осуждать маленькую Финляндию, сосед которой был мало того что беспокойный, но и одержимый маниакальной идеей осчастливить не только соседей, но и весь мир. И не иметь при таком соседе хотя бы крепкой изгороди — это значит подвергать себя и своих близких серьезной опасности. И укрепления, особенно на Карельском перешейке, который прикрывал кратчайший путь к важнейшим промышленным и сельскохозяйственным районам страны, были отнюдь не роскошью, но необходимым условием выживания.

В 1929 году началось строительство первой очереди укреплений, которые получили впоследствии наименование «линии Маннергейма». Природные условия (пересеченная местность, обилие лесов и болот, громадные гранитные глыбы и скалы) в значительной степени облегчали работу финских фортификаторов. Впрочем, первые сооружения не отличались особенной мощью. По словам будущего героя Великой Отечественной и начальника Инженерных войск Красной Армии генерала А.Ф. Хренова, это были небольшие долговременные огневые точки, рассчитанные на 2—3 пулемета и имевшие всего один подземный этаж. Как правило, в них не было оборудовано убежище для гарнизона, отсутствовало внутреннее оснащение¹. Уже перед войной значительная их часть была модернизирована путем увеличения слоя бетона, укладки каменных «тюфяков» и установки бронированных плит на амбразурах.

¹ Хренов А.Ф. Линия Маннергейма // Бои на Карельском перешейке. Л., 1941. С. 18.

Сооружения второго периода постройки, возведенные в 1938—1939 годах под руководством начальника инженерной службы финской армии генерала Сарлина после очередных домогательств Советского Союза на часть территории Финляндии, выглядели гораздо внушительнее. Они имели уже от четырех до шести амбразур, из которых одна-две были орудийными. Такие доты имели хорошее внутреннее оснащение (фильтровентиляционные установки, казармы для личного состава, кухня, автономная дизельная электростанция и динамо-машина). Некоторые из них уходили в землю на несколько этажей, там располагались убежища для гарнизона, насчитывавшего от 40 до 100 человек¹.

Как правило, толщина железобетонных стен достигала полутора-двух метров, обеспечивая таким образом сопротивляемость прямому попаданию 152- и даже 203-мм снарядов. Кроме того, дот имел «маску» из валунов, которая помимо защитной выполняла также и маскировочную функцию.

На большинстве дотов имелись два-три бронеколпака башенного типа, предназначенных для кругового наблюдения и обстрела противника из ручных пулеметов и автоматов, толщина их брони достигала 180—200 мм². Массивные броневые плиты с 75-мм броней стояли на некоторых сооружениях Хотиненского, Тайпаленского и ряда других укрепленных районов «линии Маннергейма».

В ряде случаев роль укреплений играли каменные дома, но в основном связующими были деревянно-земляные и деревянно-каменные огневые точки, со-

¹ РГВА. Коллекция. Оп. 1, Д. 414. Л. 5.

² Там же. Л. 7.

стоявшие из четырех-пяти накатов бревен, двух-трех рядов камней и земляной обсыпки¹. Особенностью дзотов было то, что амбразуры их делались очень глубокими. Это служило дополнительной маскировкой для сооружения, поскольку невозможно было обнаружить его по вспышкам во время стрельбы. Зачастую на земляной обсыпке таких огневых точек росли небольшие деревья, а небольшая их высота над поверхностью земли придавала им сходство с холмиками или даже кочками. Как правило, дзоты были рассчитаны на установку одного-двух пулеметов.

Доты и дзоты, объединенные в укрепленный район, имели между собой хорошую огневую связь, прикрывая фланги и тылы друг друга. В большинстве таких районов огневые точки были расставлены в шахматном порядке в несколько рядов, что исключало полный прорыв обороны в случае успешного штурма первой линии укреплений. Фланги укрепленных районов опирались на непроходимые для крупных частей и соединений леса и болота.

Как писал в своей статье А.Ф. Хренов, *«сильные качества укрепленных узлов заключались... в большом количестве амбразур, простреливавших ближние и непосредственные подступы и фланкировавших подступы к соседним точкам, а также в тактически правильном расположении их на местности, в тщательной маскировке и насыщенном заполнении промежутков»*².

Насыщение огневыми точками важнейшего Хотинского укрепленного района достигало двух дотов и

¹ Там же. Д. 1142. Л. не указан.

² Хренов А.Ф. Указ. соч. С. 19.

пяти дзотов на километр фронта. Огневая мощь укреплений дополнялась умелым инженерным оборудованием местности; соответственно ее природным особенностям сооружались эскарпы и контрэскарпы, противотанковые рвы, возводились надолбы, строились проволочные заграждения. Иногда надолбы и проволочные заграждения чередовались для затруднения действий саперов, причем и те, и другие простреливались многослойным огнем из оборонительных сооружений. В Хотиненском укрепленном районе и на высоте 65,5 проволочные заграждения достигали 45 рядов в глубину, а надолбы — 12 рядов¹.

Наиболее мощными узлами обороны по количеству и плотности фортификационных сооружений на «линии Маннергейма» были Ритассарско-Малаккольский (47 дотов и 60 дзотов), Сумма-Хотиненский (22 дота и 46 дзотов), Кархульский (11 дотов и 29 дзотов) и Кивиниемский (13 дотов и 15 дзотов)².

Если же говорить о тактическом назначении финских укреплений на Карельском перешейке, то здесь следует выделить следующие полосы «линии Маннергейма»:

1. Предполье, в котором находилось немного укреплений при обильном насыщении района различного рода заграждениями: проволочными, минными, лесными завалами. При отходе финские подразделения прикрытия взрывали мосты и портили полотно дорог, чем значительно замедляли темпы продвижения советских войск.

¹ РГВА. Коллекция. Оп. 1, Д. 414. Л. 11.

² Там же. Л. 12.

2. Главная полоса включала в себя большую часть укреплений на перешейке: 194 дота и 805 дзотов, ее протяженность превышала 140 километров¹.

3. Вторая полоса (или полоса тактических резервов) находилась в глубине главной полосы, начиналась в 3—5 км от нее и соединялась с ней тремя остечеными позициями: Лейпсуосской, Суммско-Харьюмякской и Няюкки-Суриярвинской. Ее особенностью было несколько меньшее полевое заполнение, всего она насчитывала 39 дотов и 178 дзотов².

4. Выборгская тыловая позиция проходила в 12 км от основной позиции. Она включала в свой состав Суурперский, Аласяйниеский и Илясяйниеский укрепленные районы, в которых насчитывалось 18 дотов и 77 дзотов³.

5. Выборгская позиция прикрытия защищала город с юга и юго-востока и имела две полосы обороны: в трех—пяти километрах от города и в самом Выборге, представлявшем собой большой укрепленный город, многие дома которого были превращены в огневые точки. В первой полосе имелось 16 дотов и 31 дзот⁴. Считать же укрепления Выборга, старые кварталы которого и сегодня состоят из каменных домов с толщиной стен до двух метров, занятие просто неблагодарное да и наверное, нецелесообразное.

Добавим к этому, что северо-восточные подступы к Выборгу были подготовлены к затоплению водами Сайменского канала, что и было сделано в конце февраля — начале марта 1940 г.

¹ РГВА. Коллекция. Л. 13.

² Там же. Л. 15.

³ Там же. Д. 1142.

⁴ Там же. Д. 414. Л. 29.

6. Укрепления островов у побережья Финского залива и Ладожского озера, крепостей Койвисто (Бьорке), Тронгзунд и Тайпале насчитывали 77 дотов и 90 дзотов¹.

Строительство оборонительных сооружений продолжалось и во время войны, поэтому войска 7 и 13-й армий Северо-Западного фронта во время февральско-мартовского наступления захватили несколько десятков недостроенных огневых точек. Всего, по подсчетам А.Ф. Хренова, было захвачено 356 дотов и 2425 дзотов, включая недостроенные, на вооружении которых состояло 273 орудия и 2204 пулемета².

Заметим, что и на другом берегу реки Сестры, бывшей до 1940 года пограничной, тоже не дремали. В 1929—1938 годах был создан Карельский укрепленный район (КаУР), только передовой рубеж которого включал более 80 дотов, 200 дзотов и около 60 танковых башен, установленных на бетонные основания³.

Укрепления имелись и на других участках советско-финляндской границы, но в основном это были оборонительные сооружения полевого типа, рассчитанные на действия частей прикрытия. Серьезные сооружения были созданы на реке Янис-ярви севернее Ладожского озера и в районах Лоймола и Вяртсиля⁴. Большинство этих укреплений стрелковые и танковые части Красной Армии пытались взять в первые недели войны фронтальной атакой, иногда даже без артиллерийской подготовки. Результаты, разумеется, были плачевными.

¹ РГВА. Коллекция. Д. 414. Л. 34.

² Хренов А.Ф. Указ. соч. С. 22.

³ РГВА. Коллекция. Д. 1213.

⁴ Там же.

Глава 3

CASUS BELLI¹

К концу ноября закончилась подготовка к тому, чтобы доблестная Красная Армия нанесла решительный удар зарвавшейся финской военщине, испытывающей наше терпение, и принесла на штыках и гусеничных траках освобождение народу Финляндии, страдающему под игом кровавой клики Таннера—Маннергейма.

Но чтобы наш бронепоезд окончательно сошел с запасного пути и разгромил врага, нужен повод. Хотя и Маркс, и Энгельс, и Ленин, и вождь всех народов Сталин так или иначе говорили о том, что прогрессивная нация может начать войну против реакционной, что большевики не должны дожидаться повода и могут сами начать справедливую освободительную борьбу, надо было придумать версию для открытия боевых действий, чтобы соседи-враги не очень шумели.

27 ноября 1939 года в газете «Правда» появилось сообщение о том, что финская артиллерия обстреляла приграничную деревушку Майнила на Карельском перешейке, в результате чего было убито четверо и ранено девять бойцов и командиров Красной Армии. Советское правительство потребовало отвести финские войска на 25—30 км от границы.

В ответ на это посол Финляндии в СССР Ирье-Коскинен по поручению финского руководства вручил ноту, в которой указывалось, что в Хельсинки пойдут на отвод своих войск в том случае, если то же

¹ Casus belli — повод к войне (лат.).

самое согласится сделать СНК СССР, и предлагалось назначить полномочную комиссию по расследованию этого инцидента¹.

Несмотря на спокойный тон финской ноты и на то, что предложенные соседней страной меры полностью соответствовали нормам международного права того времени, советское правительство отказалось от расследования обстоятельств обстрела Майнила, оценив инициативу Хельсинки как совершенно неприемлемую. Нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов назвал майнильский инцидент «воплощением желания финской белогвардейщины держать Ленинград под угрозой удара своих войск», а финскую ноту «нахальным отрицанием фактов, издевательским отношением к понесенным нами жертвам». В своем выступлении он заявил также, что Советский Союз отказывается от обязательств, взятых согласно пакту о ненападении с Финляндией, заключенному в 1932 году, и отзывает своих представителей из Хельсинки².

Версию об обстреле финнами советской территории советская историография неизменно повторяла с упорством, достойным лучшего применения, в течение многих лет. Первым отечественным исследователем, усомнившимся в достоверности обстрела Майнила, был М.И. Семиряга, писавший: «Разумеется, расследование подобных инцидентов, совершенных опытными провокаторами, весьма сложное дело, но его надо вести по горячим следам»³. Следы эти, конечно, давно уже остыли, но все-таки, на наш взгляд, сле-

¹ «Правда», 29 ноября 1939 г.

² Там же.

³ Семиряга М.И. Советско-финляндская война. // Знание. 1990. С. 14.

дует провести минимальное расследование хотя бы и с большим опозданием. В 1991—1995 годах некоторые отечественные и зарубежные авторы выдвигали версию о том, что обстрел был и осуществили его минометчики из пограничных войск или армейские артиллеристы, которым указывали цель «корректировщики» Ленинградского областного управления НКВД. В доказательство этого Виктор Степаков приводит воспоминания участников советско-финляндской войны, находившихся недалеко от Майнила, а финский исследователь профессор Охто Маннинен находит подтверждение обстрела Майнила с советской стороны в награждении ряда руководителей НКВД Ленинграда и области¹.

Откровенно говоря, в какой-то момент автор поверил в достоверность подобной версии, поскольку как-то в 1990 году в Архив позвонили из газеты «Труд» и сообщили, что к ним обратился пожилой человек, который, по его словам, стрелял из 152-мм гаубицы по Майнилу. К сожалению, журналисты тогда не назвали фамилию автора сенсационного заявления, а указали только номер полка, в котором он служил. Но заявитель за давностью лет либо перепутал номер полка, либо просто придумал такие сведения, поскольку 253-й гаубичный артиллерийский полк в войне с Финляндией не участвовал и до июня 1941-го находился в Западной Украине. Стало ясно, что без тщательного документального расследования не обойтись. Почти сразу удалось установить, что непосредственно у Майнила с конца сентября 1939 года дислоцировался 68-й стрел-

¹ См. например: статьи Степакова В. в еженедельнике «Россия» за октябрь 1991 г. и в журнале «Новый часовой», 1995, № 2 и статью Маннинена О. в «Родине», 1995, № 12.

ковый полк 70-й стрелковой дивизии 19-го стрелкового корпуса 7-й армии. Оперативные сводки полка за октябрь-ноябрь 1939 года не сохранились, поэтому сначала обнаружение журнала боевых действий полка показалось большой удачей. В тоненькой тетрадке, скрепленной сургучом, простым карандашом на первой странице написано: «*Расположение полка 26 ноября 1939 года подверглось провокационному обстрелу финской военщины. В результате обстрела погибли 3 и ранены 6 красноармейцев и командиров*»¹. Казалось бы, можно делать выводы, что обстрел был действительно. Но другие документы: разведывательные и оперативные сводки 70-й стрелковой дивизии и 19-го стрелкового корпуса — не содержали никаких сведений ни об обстреле, ни о наличии вблизи границы финской артиллерии².

Более тщательный просмотр журнала боевых действий усилил сомнения: все 25 страниц заполнены одним и тем же почерком и тем же простым карандашом. Подписи в конце журнала: командир полка капитан Салынин, начальник штаба старший лейтенант Князев. Между тем оперативные документы первых дней войны подписаны командиром полка полковником Корнуновым и начальником штаба капитаном Русецким³.

Удивительно и то, что в сводках о чрезвычайных происшествиях, к которым, бесспорно, относится обстрел нашей территории, имеющих в материалах дивизии и корпуса, есть сведения об отравлении техническим спиртом, об обвалах и пожарах в землянках, наконец, о случайных выстрелах из винтовок и ре-

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12, Д. 150. Л. 1.

² Там же. Оп. 10, Д. 1071, 1084.

³ Там же. Оп. 12, Д. 150. Л. 25.

вольверов, но вот свидетельства об артиллерийском обстреле отсутствуют. После нескольких дней работы в читальном зале мне удалось найти, казалось бы, малоинтересные и неприметные, но, тем не менее, очень важные документы: сведения о боевом и численном составе частей 70-й стрелковой дивизии. Штаб 68-го стрелкового полка отличался дисциплинированностью и докладывал в штаб дивизии ежедневно, по крайней мере так было с 21 по 29 ноября 1939 года. Попробуем свести ежедневные таблицы, поступавшие в штаб 70-й дивизии, в одну таблицу, из данных которой становится ясно, что полк укомплектован полностью, общая численность его личного состава превышает 3 тысячи человек, причем большинство составляют бойцы и командиры, призванные из запаса.

СВЕДЕНИЯ О БОЕВОМ И ЧИСЛЕННОМ СОСТАВЕ 68 СП 70 СД^{1*}

дата 1939 г.	ком. состав	полит. состав	админ. состав	тех. состав	мед. со- став	ветер. состав	мл. ком. состав	рядов. состав	всего людей
25.11	90/23	16/8	12/0	8/0	7/6	2/2	269/ 154	528/ 1916	932/ 2109
26.11.	90/23	16/8	12/0	8/0	7/6	2/2	269/ 154	528/1 916	932/ 2109
27.11.	90/23	16/8	12/0	8/0	7/6	2/2	269/ 154	528/1 916	932/ 2109
28.11	90/23	16/8	12/0	8/0	7/6	2/2	269/ 154	528/ 1916	932/ 2109
29.11.	90/23	16/8	12/0	8/0	7/6	2/2	269/ 154	528/1 916	932/ 2109

* — В числителе указана численность кадрового состава, в знаменателе — призванного из запаса.

¹ Там же. Оп. 10, Д. 1095. Л. 37, 42, 106, 130, 142.

Следовательно, в полку, дислоцировавшемся перед войной в районе Майнилы, причем его штаб и некоторые подразделения находились в самой деревне, накануне войны не было никаких боевых и небоевых потерь. Можно сделать вывод, что никакого обстрела Майнилы с советской или с финской стороны не было, разве что провокаторы из НКВД могли взорвать в Майниле несколько холостых зарядов или взрывпакетов. И если бы эти «выстрелы» не прозвучали у Майнилы, то непременно раздались бы у Мурманска или Петрозаводска.

Стоит, наверное, вспомнить, что германские фашисты, прежде чем напасть на Польшу, устроили эффектную провокацию — инсценировку нападения подразделения польской армии на радиостанцию в приграничном Глейвице. Большевики поленились обставить нападение на соседнюю страну.

Впрочем, как справедливо отметил М.И. Семиряга, «нельзя придавать этой провокации ту роль, которую она не могла играть, и утверждать, что именно она вызвала вооруженное столкновение между двумя странами. Война явилась результатом кризисных отношений между СССР и Финляндией на протяжении ряда лет и недальновидных шагов тех государственных деятелей, которые видели в применении военной силы единственный способ решения спорных вопросов»¹.

Сейчас вряд ли у кого-либо из серьезных исследователей остались сомнения в том, что Советский Союз начал бы войну в ноябре-декабре 1939 года. Ведь еще 17 ноября Нарком обороны отдал приказ о переходе границы, отметив, что день начала наступления будет

¹ Семиряга М.И. Указ. соч. С. 41.

указан особо. 21 ноября директиву о начале боевых действий отдал Военный совет Ленинградского военного округа, в тот же день она была получена в штабе 9-й армии, а на следующие сутки приказ о наступлении отдал командующий 7-й армией комкор В.Ф. Яковлев¹.

Глава 4

ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ВОЙНЫ

30 ноября 1939 года в 8 часов утра залпы артиллерийской подготовки возвестили о начале войны «за обеспечение безопасности Ленинграда и северо-западных границ нашей Родины». Через час, после ее окончания, войска 7-й армии пересекли границу на Карельском перешейке, 8-я армия — между Ладожским и Онежским озерами, 9-я армия — в Северной Карелии и, наконец, 14-я армия — в Заполярье. Какими силами Советский Союз начал агрессию против соседней страны? Каково было соотношение боевой мощи войск Ленинградского военного округа, начавших войну, и финской армии? По сей день исследователи не дали ответов на эти вопросы. В шеститомной истории Великой Отечественной войны указано: в первые дни советско-финляндской войны 19 дивизиям Красной Армии противостояли 9 пехотных дивизий, 5 пехотных и одна кавалерийская бригады, 5 отдельных полков и 22 егерских батальона, что дает 15 расчетных дивизий².

¹ РГВА. Коллекция. Оп. 1, Д. 233, там же Ф. 34980, Оп. 10, Д. 686. Л. 3, Оп. 5, Д. 2.

² История Великой Отечественной войны в 6 т. (Далее — История Великой Отечественной войны). М., 1960, т. 1. С. 262.

Получается, что в первые дни боевых действий ЛВО не имел ощутимого превосходства над противником.

М.И. Семиряга утверждает, что советские войска насчитывали к началу боевых действий 240 тыс. человек, 1915 орудий, 1131 танк, 967 самолетов. Они были распределены следующим образом: 9 дивизий на Карельском перешейке в составе 7-й армии, четыре дивизии в 8-й армии, три дивизии — в 9-й и две — в 14-й, то есть всего 18 дивизий¹.

Скажем сразу, авторы этих, бесспорно, значительных трудов либо лукавили, либо не обладали достаточной информацией: с первых дней в войне участвовали 4 танковые и 2 мотострелковые бригады, а также части Карельского укрепленного района — пограничники и десантные отряды моряков Балтийского и Северного флотов.

Если же мы обладали возможностью полностью увидеть 1800-километровую линию фронта от побережья Баренцева моря до побережья Финского залива, то увидели бы следующую картину: на крайнем правом фланге, на петсамском направлении, действовали 52-я и 104-я стрелковые дивизии 14-й армии. Третья (14-я стрелковая) дивизия этой армии, фактически представлявшая собой усиленный корпус, в боях так и не участвовала, ей была поставлена особая задача: охранять берега Кольского залива от возможных десантов союзников Финляндии — Англии и Франции. В Северной Карелии, на фронте в несколько сотен километров, начинали продвигаться на запад, пытаясь перерезать Финляндию в самом узком ее месте, три дивизии

¹ Семиряга М.И. Указ. соч. С. 27.

9-й армии: 122-я, 163-я стрелковые и 54-я горнострелковая. На подкрепление им спешили с Украины эшелоны 44-й стрелковой дивизии. Помимо этого в тылу в Архангельске и на побережье Белого моря находились части 88-й стрелковой дивизии, также имевшие задачу недопущения высадки десантов.

Еще южнее действовали соединения 8-й армии: 155 и 139-я стрелковые дивизии, объединенные в 1-й стрелковый корпус. На важный железнодорожный узел Лоймола двигалась 56-я стрелковая дивизия, а на прибрежном действовали 18-я и 168-я стрелковые дивизии вместе с 34-й танковой бригадой (три дивизии и бригада были подчинены 56-му стрелковому корпусу). К линии фронта в полосе 1-го корпуса выдвигалась также 75-я стрелковая дивизия. На главном направлении — на Карельском перешейке — наступали 49, 142 и 90-я стрелковые дивизии 19-го стрелкового корпуса и 43, 24 и 70-я стрелковые дивизии 50-го стрелкового корпуса при поддержке 1, 13, 20 и 35-й танковых и 15 и 35-й мотострелковых бригад и отряда Карельского укрепленного района. Вскоре в бой вступили также 123, 138 и 150-я стрелковые дивизии и 40-я танковая бригада.

16 ноября 1939 года соединения и отдельные части, сосредоточившиеся на границе с Финляндией, насчитывали более 340 тыс. человек, около 2500 орудий и минометов, более 1300 танков и бронев автомобилей, около 1700 самолетов против 180 тысяч финских солдат и офицеров, примерно 700 орудий, 270 самолетов и 25 танков¹.

¹ РГВА. Коллекция. Оп. 1, Д. 284. Л. 90—91. Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1917—1941. М., Воениздат, 1993. С. 636.

Карельский перешеек

С самого начала обе стороны уделили особое внимание небольшому по протяженности и глубине, но важнейшему в стратегическом отношении театру военных действий — Карельскому перешейку, с овладением которым открывалась прямая дорога в Хельсинки и ко многим другим важнейшим центрам Финляндии. Войска 7-й армии насчитывали к моменту начала наступления около 200 тыс. человек, 1,5 тыс. орудий и минометов, более тысячи танков и броневиков и около 700 самолетов (без учета артиллерии и ВВС Балтийского флота). Им противостояла финская армия «Карельский перешеек», которую многие исследователи называют «армией Эстермана», командовавшего ею до 20 февраля 1940 года. Она насчитывала 100 тыс. солдат и офицеров, 360 орудий и минометов, 200 самолетов и 25 танков¹.

План операции 7-й армии предусматривал удары в двух расходящихся направлениях: выборгском и кексгольмском. Она должна была «освободить» Выборг и Кексгольм на 8—10-й день войны, после чего, по замыслу командования Ленинградского ВО, левофланговые соединения продолжали бы продвижение на Хельсинки, а правофланговые — на северо-запад, навстречу дивизиям 8-й армии. Однако боевые действия с самого начала приняли вовсе не тот характер, который предусматривали советские стратеги, — могучий удар 7-й армии в первые дни пришелся почти по пустому месту. Дивизии и бригады, за исключением 49 и 142-й, сражались с немногочисленными подразделениями

¹ Подсчеты автора по делам различных фондов РГВА.

прикрытия, которые, задержав внезапным огненным налетом колонну советских войск, двигавшуюся по дороге, перед очередным минным заграждением, взорванным мостом или завалом, исчезали так же неожиданно, как и появлялись. В первые же дни войны выяснилось, что тылы наших стрелковых дивизий крайне громоздки, что не только значительно снижало скорость передвижения, но и нередко мешало вводу в бой танковых частей и подразделений¹. Основная же масса финских войск, входивших в армию «Карельский перешеек», с самого начала войны заняли позиции на главной полосе сопротивления «линии Маннергейма», которая располагалась значительно дальше, чем предполагали разведчики штаба Ленинградского ВО. Уже эти первые бои с противником, значительно уступавшим и в численности, и в вооружении, ясно показали большинство недостатков в организации войск и боевой подготовке наших бойцов и командиров. Ввиду скверного использования лыж (неумения ходить на них), а зачастую и их отсутствия, части и подразделения Красной Армии вовсе не применяли обходных маневров и атаковали финнов в лоб, что вело к излишним потерям. Плохо была поставлена служба разведки и боевого охранения, что позволяло финским разведывательно-диверсионным группам довольно вольготно чувствовать себя в тылу 7-й армии.

Документы говорят также о плохом взаимодействии родов войск: пехота не умела идти за танками, встретив даже слабый заградительный огонь противника, стрелки залегали и предоставляли решение ис-

¹ РГВА. Коллекция. Оп. 9, Д. 592. Л. 13—16.

хода боя танкистам. Известен случай, когда командир танковой роты 20-й танковой бригады даже возвратился под огнем противника к подразделениям стрелков и попытался уговорить их пойти за танками, но пехотинцы не сделали этого. Лишь в 70-й сд пехота шла за боевыми машинами и закрепляла их успех¹. Танкисты не всегда грамотно увязывали свои действия с артиллеристами, которые не всегда вовремя поддерживали их наступательный порыв подавлением огневых точек противника. В первые дни боев нередко были и случаи артобстрела своих передовых стрелковых подразделений. Часто артиллеристы, не имея достоверных разведывательных данных, вынуждены были выбрасывать тонны боеприпасов по площадям, а пехота после артиллерийской подготовки натывалась на огонь неподдавленных пулеметов и минометов.

Первой из соединений 7-й армии предполье «линии Маннергейма» преодолела 49-я стрелковая дивизия, прошедшая расстояние в 25 км от государственной границы до р. Тайпален-йоки за 3 суток и вечером 2 декабря вышла к устью реки. Первоначально штаб армии планировал высадить в тыл укрепленного района противника десант с боевых и вспомогательных кораблей Ладожской военной флотилии, но как раз 2 декабря пришел приказ об отмене высадки «ввиду отсутствия транспортных судов»². Следовательно, возникла необходимость форсировать реку, представлявшую собой серьезную водную преграду. По воспоминаниям участника тех боев генерала Федюнина³, вода

¹ РГВА. Указ. соч. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 624. Л. 11.

² Там же. Д. 696. Л. 9.

³ А. Федюнин командовал в период советско-финляндской войны 19-й сп 142-й сд в звании полковника.

в реке шириной 180 и глубиной 8 метров еще не замерзла. Западный скалистый берег был хорошо укреплен противником, а восточный, пологий, занятый нашими полками и батальонами, отлично просматривался финнами с наблюдательных пунктов¹. Для переправы через Тайпален-йоки 49-я сд получила в оперативное подчинение 19-й стрелковый полк 142-я сд, 116-й артполк Резерва Главного командования, два моторизованных понтонных батальона. Для обеспечения внезапности форсирования реки командир дивизии П.И. Воробьев отдал приказ использовать дымовую завесу, однако командующий 7-й армией комкор В.Ф. Яковлев по какой-то одному ему известной причине запретил применение дымов².

Артиллерийская подготовка началась в 8 часов утра 5 декабря и продолжалась 4 часа, однако она не дала ожидаемого результата, поскольку командиры полков и батарей не имели сведений о расположении огневых точек и укреплений противника. Форсирование происходило на трех участках. На первом переправлялись две роты 15-го стрелкового полка 49-й сд, на втором — два батальона 222-го стрелкового полка 49-й сд, наконец, на третьем — уже упоминавшийся 19-й полк 142-й сд³. Однако на первом участке две роты, высадившись с резиновых лодок, смогли захватить только лишь открытый маленький пяточок на западном берегу и вскоре были прижаты к земле ураганным пулеметно-минометным огнем. Несколько лучше были результа-

¹ Федюнин А. Переправа через реку Тайпален-йоки // Бои на Карельском перешейке. М., 1941. С. 61.

² РГВА. Коллекция. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 696. Л. 10.

³ Там же.

ты на других участках, но и там положение переправившихся было крайне сложным. Большое количество огневых средств противника во время артиллерийской подготовки не было подавлено. И когда на восточном берегу Тайпален-йоки безо всякого соблюдения мер маскировки сосредоточились автомобили с переправочной техникой 7-го понтонного батальона, финны открыли огонь¹. В считанные минуты понтоны были уничтожены, и подразделения, оказавшиеся на западном берегу, стали испытывать большие затруднения в снабжении боеприпасами. В полосе 19-го стрелкового полка саперам из 49 и 142-й дивизий удалось навести наплавной мост, по которому с наступлением темноты подразделения получили все необходимое и удержали плацдарм в 2 километра по фронту и 3,5 в глубину². Стоит отметить, однако, что на этом участке скалы несколько отступают от берега на то самое расстояние, на которое и продвинулся 19-й стрелковый полк.

На следующий день к 11 часам утра 6-й понтонный батальон навел переправу в полосе 19-го полка, на остальных участках этого сделать не удалось. Попытки же советских артиллеристов вытащить на дистанцию прямого выстрела более мощные орудия приводили только к новым потерям³.

Некоторые огневые точки противника были вмонтированы прямо в скалистый берег. И хотя по ним вели огонь прямой наводкой несколько танковых батальонов, подавить их не удалось.

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 14.

² Федюнин А. Указ. соч.

³ Михайлов С. Танкисты // Бои на Карельском перешейке. С. 95.

В течение 8—11 декабря подразделения 15 и 222-го стрелковых полков вынуждены были возвратиться на восточный берег¹. Что же касается захваченного плацдарма, то, забегая вперед, стоит, наверное, сказать, что он не оправдал возлагавшихся на него надежд. Дальнейшие попытки наступательных операций не приводили и, пожалуй, не могли привести к успешному исходу: противник занимал господствующие над плацдармом высоты и легко отражал любые атаки, подготовка и развитие которых прекрасно просматривались практически с любой точки, — незадолго до войны финны вырубил весь лес и кустарник в районе будущего плацдарма, предвидя такой ход событий. Положение не слишком изменилось и после того, как 9 декабря вместо измотанного упорными непрерывными боями и понесшего значительные потери 19-го стрелкового полка на плацдарм переправились 469 и 674-й стрелковые полки 150-й сд, находившейся до этого в резерве Правой группы 7-й армии. 10 декабря, после упорного боя, 469-й полк овладел деревней Коукканиеми, но победа оказалось пирровой: подразделения понесли такие потери, что в ночь на 11 декабря они были выведены во второй эшелон дивизии на восточный берег, а их место на позициях занял 756-й стрелковый полк². 19 декабря, после недельной передышки, атаки возобновились. Подразделения раз за разом шли в лоб на укрепления Тайпаленского УР, доходили до проводочных заграждений, залегали под массированным огнем противника и отходили на исходные позиции, оставляя убитых, а иногда и раненых, подходы к кото-

¹ РГВА. Коллекция. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 696. Л. 12.

² Там же. Д. 2827. Л. 2.

рым обстреливали пулеметы и автоматы финнов. Бессмысленные и бесплодные атаки продолжались четверо суток, и лишь вечером 22 декабря пришел приказ о прекращении наступления, проведении рекогносцировки и разведки, а также планомерном выявлении и уничтожении дотов противника¹. За ненужный ни в оперативном, ни в тактическом отношении плацдарм советское командование щедро заплатило солдатской кровью: только части 49-й сд, по данным ее штаба, в боях за период с 3 по 11 декабря потеряли 573 человека убитыми, 2324 ранеными и более 100 пропавшими без вести².

Левее 49-й сд с самого начала войны действовала 142-я сд. С первых дней она наступала на широком фронте — около 30 километров, но продвижение сначала было успешным ввиду слабого сопротивления противника. К исходу дня 30 ноября дивизия вышла на рубеж Метсяпирти, Валкало, Мистиля, встречая сколько-нибудь ощутимое сопротивление только на правом фланге, где финны удерживали свои позиции вплоть до 2 декабря. В центре же к вечеру 2 декабря 461-й стрелковый полк вышел к Тайпален-йоки, а на левом фланге 701-й стрелковый полк — к деревне Пирхолом-мяки³. 5 декабря вышедший к Тайпален-йоки 19-й стрелковый полк был передан в оперативное подчинение 49-й сд, и его действия по захвату плацдарма описаны выше. Скажем только, что за проявленные мужество и героизм, а вернее, за количество пролитой крови полк был удостоен ордена Красного Знамени.

¹ РГВА. Коллекция. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 2827. Л. 3.

² Там же. Д. 696. Л. 12.

³ Там же. Д. 2687. Л. 2, 4.

Пока 19-й стрелковый полк вел упорные и кровопролитные бои на тайпаленском плацдарме, остальные части дивизии готовились к броску через озеро Суванто-ярви в самом узком его месте — так называемом «Кивиниемском горле». Командование дивизии пыталось детально подготовить форсирование озера справа от протоки, соединявшей две части Суванто-ярви. Однако недостаток артиллерии и, главное, времени, необходимого для разведки укреплений противника, не позволил успешно провести операцию. 6 декабря, после артиллерийской подготовки, части дивизии двинулись на штурм укреплений на левом берегу. Однако на берегах Суванто-ярви повторилось то, что произошло на Тайпален-йоки: неподавленные огневые точки финнов не дали возможности навести понтонный мост в ледяной воде, поэтому в передовых подразделениях вскоре стал ощущаться недостаток боеприпасов. Командование дивизии отправило на помощь пехоте танки-амфибии «Т-37», но часть из них ввиду сильного течения в протоке вынуждены были вернуться обратно, а те, кто добрался до противоположного берега, не могли оказать действенную помощь, поскольку недостаточная мощность мотора не дала взобраться на ледяную кромку у берега, а слабое вооружение (всего один пулемет) и броневая защита не позволяли долго находиться в сфере действительного огня противника. В ходе неудавшейся танковой атаки три боевые машины перевернулись, похоронив в свинцовой воде свои экипажи. Передовые подразделения, форсировавшие горловину, оказались в труднейшем положении: боеприпасы заканчивались, финны вели уничтожающий пулеметно-минометный огонь, помощи ждать было неот-

куда, надвигалась ночь. В этой ситуации оставшиеся в живых переправились обратно под огнем противника на сохранившихся лодках и том, что от них осталось¹.

8—9 декабря по приказу, отданному еще вечером 6 декабря командующим 7-й армией В.Ф. Яковлевым, дивизия готовилась к новой попытке форсирования, но 10 декабря командовавший Правой группой войск армии комкор В.Д. Грендаль отменил эту совершенно бесполезную операцию². Вместо этого полки и батальоны 142-й сд совершили частичную передислокацию и заняли весь южный (правый) берег Суванто-ярви, в результате чего участок, занимаемый дивизией, увеличился до 52 км. Правда, вскоре район у Кивиниеми заняла 4-я стрелковая дивизия, но 142-й сд взамен старого «нарезали» новый, и даже 30 декабря ее линия фронта составляла 48 км³. Это не давало возможности надежно прикрывать берег Суванто-ярви, зато позволяло проникать в наши тылы финским разведывательным и диверсионным группам, которые внезапно нападали на обозы и колонны, в большом количестве скапливавшиеся на немногочисленных дорогах. В результате частям дивизии 14 декабря пришлось проводить настоящую операцию по очистке тыла от диверсантов в районе Уосуккюля⁴.

После этого стороны на некоторое время уменьшили интенсивность разведывательных действий, но уже 17 декабря финны вновь появились в нашем тылу.

¹ РГВА. Коллекция. Д. 2687. Л. 10.

² Там же. Л. 11—13.

³ РГВА. Коллекция. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 2674. Л. 34.

⁴ Там же. Д. 2687. Л. 17.

впрочем, советские саперы также часто оказывались на льду Суванто-ярви, проверяя его толщину во многих местах. Это, разумеется, насторожило противника, и очередная попытка форсирования Суванто-ярви уже по установившемуся льду, предпринятая 25 декабря, не стала неожиданностью. Когда подразделения 19-ГЛ и 461-го стрелковых полков показали у северного берега, занятого финнами, те просто взорвали лед в местах, удобных для выхода на сушу, с помощью управляемых фугасов, а остальные прикрыли столь плотным огнем, что нашим частям не оставалось ничего, кроме как отойти на исходные позиции. К счастью, финны, похоже, поторопились взорвать лед и сделали это до того, как на нем оказались советские бойцы и командиры. Поэтому потери были не слишком велики: 62 человека убито, 141 ранен, еще 7 пропали без вести¹. Дальнейшие действия ограничивались поисками разведчиков, во время одной из вылазок финнам удалось пленить двоих человек, попытки перехватить удачливого противника ни к чему не привели².

С начала войны в боях участвовала и 90-я стрелковая дивизия. В отличие от других дивизий ей пришлось в первый же день столкнуться с небольшим укрепленным узлом предполья «линии Маннергейма» в районе д. Липола. 30 ноября подразделения 286-го стрелкового полка попытались без надлежащей артиллерийской подготовки овладеть районом Липола с ходу. Неудачей закончилась и вторая атака, предпринятая при поддержке танков 339-го танкового батальона. Противник не оставил укреплений даже после того,

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 2687. Л. 28.

² Там же. Л. 33.

как 588-й сп вышел в тыл обороняющимся в районе населенных пунктов Ниркола, Пайкола. В первый же день дивизия потеряла 12 танков, 5 из которых застряли в болоте. Только к концу дня 2 декабря командование дивизии приняло решение выкатить для ведения огня прямой наводкой по дотам противника 152-мм орудия, снаряды которых заставили сдать их гарнизоны¹.

После этого дивизия продолжала свое движение в северо-западном направлении. К 4 декабря ее части сосредоточились в районе оз. Валк-ярви, а 5 декабря 173-й сп вышел на подступы к населенному пункту Пульхес, 286-й сп занял окраины деревень Яухола, Миконмяки, 588-й сп наступал в направлении болота Суур-суо². Первые же дни боев показали неподготовленность бойцов и командиров к действиям в лесисто-болотистой местности, а также неумение ориентироваться на ней. Так, 3 декабря два батальона 286-го сп потеряли ориентировку у оз. Валк-ярви и всю ночь кружили в районе Миккола, Вейкола, Хоттала. В этот же день 588-й сп потерял и не мог найти в течение целых суток один из своих батальонов. Только 4 декабря он был обнаружен в тылу дивизии.

Наконец, 4 декабря два батальона 588-го сп, наступая на Хоттала, Миэттила, потеряли ориентировку и вступили в перестрелку с батальоном 286-го сп³.

Вечером 5 декабря пришел приказ о переброске дивизии в район Кивиниеми для проведения операции по форсированию р. Вуоксен-Вирта. К 11 часам 7 декабря стрелковые части 90-й сд вышли на правый берег

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 1591. Л. 4, 6.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Д. 1591. Л. 9.

реки. Артиллерия дивизии находилась еще на марше вместе с саперным батальоном. Добавим к этому, что не было проведено ни войсковой, ни инженерной разведки берегов. Тем не менее В.Ф.Яковлев отдал приказ о начале форсирования реки фактически с марша безо всякой подготовки. Как указано в журнале боевых действий дивизии: *«Попытки возражений о возможности переправы в таких условиях успеха не имели, и переправа была начата с подходом головы 5-го понтонного батальона. Командование дивизии имело только возможность произвести рекогносцировку и отдать предварительные распоряжения, сосредоточить части в районе переправы и провести некоторые неотложные мероприятия»*¹.

Переправа была начата с приходом первых трех понтонов около половины пятого вечера в полной темноте и продолжалась в течение ночи. Часть понтонов с личным составом 173-го сп была подхвачена на середине реки сильным течением и отнесена к разрушенному железнодорожному мосту. Другие были повреждены противником и затонули, поэтому противоположного берега достигли только 4 из них с бойцами и командирами трех рот. Попытка поддержать переправу силами роты «Т-37» 339-го танкового батальона также не увенчалась успехом: 5 танков застряли на подводных камнях и препятствиях у нашего берега, один перевернулся, а два оставшихся не смогли выбраться на берег. Высадившиеся бойцы рассыпались на несколько групп и под огнем противника залегли. Почти все высадившиеся за исключением нескольких людей, вернувшихся вплавь, погибли или были захвачены в плен².

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 1591. Л. 10.

² Там же. Л. 10—11.

8 декабря 1939 года В.Ф. Яковлев попытался вновь организовать форсирование, но командование полков и дивизий категорически заявило о недопустимости повторения подобных кровопусканий и потребовало время на подготовку переправы. Штабу 90-й сд путем рекогносцировки и разведки удалось установить, что в районе мыса Лэхти-ниemi толщина льда позволяет перейти озеро. Разведывательная рота 588-го сп уже перешла реку и заняла плацдарм на северном берегу, но в этот момент пришел приказ о переподчинении 90-й сд 19-му стрелковому корпусу и переброске ее в район Перк-ярви¹.

После неудачных боев у Кивиниеми части дивизии сосредоточились в районе Перк-ярви. 16 декабря был получен приказ штаба 19-го ск о проведении операции с целью прорыва УР противника на участке моста в 1 км юго-западнее о. Таастон-лампи. Дивизии были приданы дивизион 49-го корпусного артиллерийского полка и два дивизиона 301-го гаубичного артполка РГК. Однако попытки прорвать укрепленную полосу противника в ходе боев 17—19 декабря потерпели неудачу: танки и пехота попадали на минные поля, несли потери и отходили в исходное положение².

27—28 декабря 1939 года командование 7-й армии попыталось преподнести партии и правительству новогодний подарок, организовав еще одно наступление на Карельском перешейке с целью прорыва укрепленных позиций противника, однако вновь атаки захлеб-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 12.

² Там же. Л. 13—14.

нулись на всем фронте, в том числе и на участке 90-й сд. Ее полкам удалось только лишь захватить некоторые заграждения и сблизиться таким образом с противником, понеся при этом значительные потери¹. Еще левее, в центре Карельского перешейка, действовала 43-я стрелковая дивизия. Как и некоторые другие соединения 7-й армии, она в течение длительного периода находилась на Карельском перешейке. Задачей первого периода операции для дивизии был выход на рубеж Тармия, Алискала. Несмотря на слабое противодействие противника, части 43-й сд продвигались вперед медленно: только к вечеру 1 декабря после боя с группой прикрытия финнов правофланговый 181-й стрелковый полк овладел д. Кауксана, 147-й сп занял Вуоттала, а 65-й сп, имея локтевую связь с 24-й сд, вышел к развилке дорог в полутора километрах юго-восточнее Риихи-Сюрья². Таким образом, стрелковые полки продвинулись за два дня на 10 км. К вечеру следующего дня части дивизии вышли на рубеж Харриавийн, Виинноя, Лаутсильта, Пяствяринта. Весь день 3 декабря ушел на подтягивание отставших артиллерии и обозов, тем временем стрелковые подразделения готовились к новому наступлению.

4 декабря 181-й сп занял рубеж Тахвола, Пихлайстен, 147-й полк вышел в район Инкола, Харлайнен, а 65-й — северо-западнее населенного пункта Раухала. 5 декабря части дивизии вышли на рубеж правого берега р. Пуннус-йоки, Латтула, Кархула. Боевые порядки дивизии были расчленены озерами Пуннус-ярви и

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 1591. Л. 14.

² Там же. Д. 553. Л. 3.

Кирк-ярви, в связи с чем управление полками было затруднено¹. На следующий день 181-й сп наступал северо-западнее о. Иск-ярви. 147-й полк, находившийся в междуозерном дефиле Пуннус-ярви — Муола-ярви, преодолевая сопротивление 5-го пограничного и 2-го самокатного батальонов, к вечеру достиг подступов к местечкам Кирка Муола и Пяллила. В ночь на 7 декабря его подразделения попытались внезапной атакой овладеть этими населенными пунктами, но противник был настороже, и несколько десятков разрушенных домов остались за ним. 65-сп после короткого боя овладел д. Парккила².

Следующий день был успешным только для 65-го сп, который после упорного боя овладел Кююреля. Атаки 147-го полка на Кирка Муола и Пяллила были вновь отражены. Не удалась и попытка форсирования по льду р. Пуннус-йоки. Переправившаяся рота была встречена на левом берегу мощным огнем противника, остановилась, весь день провела в снегу и только с наступлением темноты возвратилась на правый берег. 8 декабря части дивизии вели упорные бои с минимальным продвижением, встречая сильное огневое сопротивление противника, причем стрельбу вели не только из окопов и сооружений полевого типа, но и из дотов. В штабе дивизии на этом основании сделали вывод о том, что стрелковые полки вышли на главную полосу сопротивления противника³. Это не соответствовало действительности: на самом деле это была полоса прикрытия, усиленная несколькими мощными железобе-

¹ Там же. Л. 4—6.

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 9—10.

тонными и каменными огневыми точками. 9—10 декабря разведывательные подразделения пытались нащупать слабые места в обороне финнов, но попытки 147-го сп взять Кирка Муола и Пяллила вновь не увенчались успехом, равно как и действия второго батальона 147-го сп на левом берегу Пуннус-йоки. После этого части дивизии на время прекратили активные действия и начали подготовку к новому наступлению¹.

В ходе развернувшихся 14 декабря наступательных операций успешнее остальных вновь действовал 65-й полк. Его подразделения прорвали оборону противника на глубину 5—6 км и вышли на южную окраину Ойнала, где были остановлены прибывшими подкреплениями финнов. Остальные части дивизии в этот день не сумели продвинуться вперед, хотя их действия поддерживали не только дивизионный танковый батальон, но и два батальона 35-й танковой бригады². Пехота в 43-й сд плохо умела взаимодействовать с танками, поэтому и в период наступления 15—17 декабря попытки продвинуться не имели успеха: стрелки залегали под огнем противника, а боевые машины, ворвавшиеся в глубину его обороны, израсходовав боезапас, вынуждены были возвращаться на исходные позиции, несмотря на то, что им дважды удавалось врываться в Ойнала и 5 раз — в Кирка Муола³. Наконец, когда 19 декабря 65-й сп прорвался на северо-восточную окраину Ойнала, финны вновь воспользовались неумением советского командования организовать совместные действия пехоты и танков. Когда последние вы-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 12—15.

² Там же. Л. 16.

³ РГВА. Ф. 34980, Оп. 9, Д. 624. Л. 11.

шли из боя для пополнения боекомплекта и запаса горючего, финские подразделения перешли в контратаку, в результате которой занятая ценой немалой крови окраина населенного пункта была оставлена¹.

21 декабря 43-я сд прекратила активные действия и приступила к тщательной рекогносцировке и разведке оборонительного рубежа противника. За период боев с 30 ноября по 21 декабря потери частей дивизии составили, по данным ее штаба, 407 человек убитыми и 1446 ранеными². 24 декабря 43-я сд была выведена в резерв 7-й армии, вместо нее передовые позиции заняла 136-я сд³. Так же как и соседняя 43-я сд, двигалась вперед, смещаясь из центра боевых порядков на левый фланг, 24-я стрелковая дивизия. За свои заслуги перед советским государством во время гражданской войны она была удостоена ордена Красного Знамени и почетного наименования «Железная». Выполняя приказы командующего 7-й армией и командира 19-го стрелкового корпуса, 24-я сд к вечеру 1 декабря заняла рубеж оз. Ахи-ярви, р. Линтулан-йоки, пройдя в два дня расстояние 10—12 километров, отделявшее эту линию от нарушенной государственной границы⁴.

На следующий день 168-й сп на рубеже оз. Ахи-ярви, Ярвеля встретил сильный огонь противника, преодолеть который пехота не смогла. Успешнее действовал 274-й сп, овладевший к вечеру населенным пунктом Кирка Кивенаппа. К исходу 3 декабря 168-й сп

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 10, Д. 553. Л. 20.

² Там же. Д. 557. Л. 50.

³ Там же. Д. 553. Л. 23.

⁴ Там же. Д. 299. Л. 2—3.

занял д. Коукон-мяки, а 274-й сп — д. Котселянкюля, продвинувшись на 20 км в глубину территории Финляндии¹. Уже в этот день пробки на дорогах, которых, к слову, в предполье было не так уж и мало, как представляли нам некоторые историки, достигли такой глубины и плотности, что главная ударная и огневая мощь соединения — танки и тяжелая артиллерия — не могла преодолеть их и выдвинуться на передовые позиции. 4 декабря 168-й сп вышел на подступы к д. Памппала, а 274-й сп, обходя с юго-востока оз. Суулаярви, овладел мест. Икола. 7-й сп, двигавшийся во втором эшелоне вслед за главными силами, остановился на ночлег в Пехтола и Рапамяки, где его передовые караулы отразили нападение диверсионного отряда противника².

5 декабря части дивизии продолжали движение вперед, преодолевая возрастающее сопротивление финнов. 274-й сп занял ст. Лоунатайоки, но дальнейшие попытки продвинуться вперед успеха не имели, т.к. этому мешал сильный огонь противника, засевавшего у противотанкового рва в километре от станции. Положение исправил 168-й сп, который овладел сначала северным берегом оз. Суулаярви, а затем фланговой атакой при поддержке батальона 40-й танковой бригады захватил станцию Перк-ярви, после чего финские подразделения, оборонявшиеся у противотанкового рва, вынуждены были под угрозой окружения покинуть свои позиции. В ночь на 6 декабря 168-й полк был отведен во второй эшелон дивизии, его участок занял свежий 7-й сп³.

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 4.

² Там же.

³ Там же. Л. 5.

6 декабря 7-й полк вышел к Вяйсяненскому укрепленному району — одному из крупнейших узлов обороны «линии Маннергейма», где и был остановлен сильным огнем. 274-й сп достиг правого берега р. Косен-йоки, которую ему не удалось форсировать ни с ходу, ни впоследствии после длительной артподготовки. В этот же день одна из финских диверсионно-разведывательных групп внезапно напала на колонну, в которой следовали саперный батальон дивизии вместе с ее штабом. Контратаку лично возглавил командир дивизии комбриг Петр Евгеньевич Вещев. Финская пуля оборвала его жизнь¹. Теперь один из населенных пунктов Карельского перешейка называется Вещево, и, наверное, мало кто из нынешних жителей этой местности знает, откуда взялось это название.

На левом фланге 7-й армии действовала 70-я стрелковая дивизия, та самая, чей 68-й стрелковый полк «подвергся провокационному обстрелу финской военщины» 26 ноября 1939 года. В отличие от остальных дивизий, чьи описания боевых действий составлены исключительно по документам, в этой части автор решил воспользоваться воспоминаниями участников боев.

Командир дивизии М.П. Кирпонос, получивший за умелое руководство частями своей дивизии звание Героя Советского Союза и встретивший Великую Отечественную войну в звании генерал-полковника на посту командующего сильнейшим в Красной Армии Киевским Особым ВО, писал: «В предполье части и

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 7.

подразделения дивизии встретились со своеобразной тактикой врага. Противник действовал мелкими группами, тщательно маскируясь, стремясь к внезапным ударам с флангов и тыла. Массированный огонь автоматов и пулеметов, которыми противник был вооружен, производил впечатление, что действует многочисленная живая сила противника. Личный состав дивизии действовал с беззаветной отвагой, но у многих не хватало опыта. Опыт и знания накапливались в боях, иногда ценой потерь, которые при более глубокой подготовке могли бы быть гораздо меньшими¹.

Вечером 30 ноября, на исходе первого дня войны, второй батальон 252-го сп под командованием капитана Николая Угрюмова ворвался на восточную окраину г. Териоки (ныне — г. Зеленогорск) и отразил в ночь на 1 декабря четыре контратаки финских подразделений. Утром с подходом главных сил полка город был занят². Забавно, но утром 2 декабря 1939 года «Правда» сообщила, что восставшие финские солдаты и представители левых партий создали правительство Финляндской демократической республики. В общем, получается, что одни контратаковали, а другие восставали и стреляли контратакующим в спину. Разумеется, «восставшие финские солдаты» — типичная советская пропагандистская ложь, направленная на то, чтобы сбить с толку слепо веривших в светлое будущее советских обывателей, а заодно и мировое общественное мнение.

¹ Кирпонос М. 70-я ордена Ленина стрелковая дивизия // Бои в Финляндии. Л., Воениздат, 1941. Т. 2. С. 305.

² РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 1084. Л. 48—49.

Кстати, описывая действия в первые дни войны батальона капитана Н.Н. Угрюмова, награжденного за мужество и умелое руководство вверенным ему подразделением «Золотой Звездой», писатель Владимир Ставский утверждал, что бесстрашный капитан обошел финские оборонительные позиции у Териоки... по льду Финского залива, как будто речь шла о февральских боях, когда трескучие морозы сковали воды. Читать это тем более любопытно, что через два дня у бойцов 252-го стрелкового полка под ногами, по словам того же В. Ставского, «хлюпал тающий снег»¹, а корабли Балтийского флота вплоть до конца декабря поддерживали сухопутные войска, нередко подходя к самому берегу.

В начале войны частям 70-й дивизии пришлось еще однажды вести упорный бой. Произошло это 2 декабря у станции Мустамяки на железной дороге Ленинград—Выборг, где финны в течение нескольких часов сдерживали наступление превосходящих сил, но вынуждены были отступить после того, как третий батальон 68-го стрелкового полка под командованием капитана В. Маричева (тоже ставшего Героем Советского Союза) обошел оборону противника по болоту². В дальнейшем, до выхода на главную полосу «линии Маннергейма» 16 декабря, серьезных боев частям 70-й дивизии вести не пришлось. А потом в течение нескольких дней ее бойцы и командиры, точно так же, как и в других дивизиях, пытались без надлежащей подготовки прорвать оборону противника. С теми же результатами³.

¹ Ставский В. Герой Советского Союза Николай Угрюмов // Бои на Карельском перешейке. Л., Воениздат, 1941. С. 49, 52.

² Маричев В. Третий батальон // Бои в Финляндии. Т. 2. С. 398—399.

³ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 1084. Л. 67.

2 декабря между флангами боевых порядков 24-й и 70-й стрелковых дивизий начал образовываться значительный разрыв. Однако командование 7-й армии сразу же выдвинуло из резерва 123-ю стрелковую дивизию. Поначалу она не встречала сопротивления противника¹. 3—4 декабря она совершила марш Куоккала—Лемпяля, достигнув последнего населенного пункта к вечеру, после нескольких стычек с диверсионными группами финнов, двумя полками первого эшелона (245 и 255-м, 272-й сп оставался во втором эшелоне)².

К 7 декабря полки первого эшелона заняли рубеж Уусикирка, Кирстиняла, Кирспилта, по-прежнему не входя в огневой контакт с отходящими финскими подразделениями прикрытия. Только на следующий день дивизия получила настоящее боевое крещение: 245-й сп после упорного трехчасового боя занял д. Антрола, а 255-й атаковал противника, занимавшего оборону в районе оз. Курви-ярви. Исход боя решил удачный маневр 245-го полка, обошедшего фланг подразделений финнов, защищавших позиции у озера и занявшего д. Варпулила³.

10 декабря в бой был введен и находившийся ранее в резерве 272-й стрелковый полк. К утру следующего дня 245-й полк занял д. Сипрола и Инванола, 255-й — д. Сеппяля, а 272-й — Бобошино⁴. Днем части и под-

¹ Алябушев Ф.Ф. 123-я ордена Ленина стрелковая дивизия // Бои в Финляндии. Т. 2. С. 5

² РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 2087. Л. 1—3.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 2118. Л. 3.

разделения 123-й сд были сменены 138-й стрелковой дивизией и после перегруппировки выдвинулись в течение двух суток к главной полосе обороны «линии Маннергейма», завязав бои за ее передовые укрепления. 17 декабря части дивизии после непродолжительной артиллерийской подготовки при поддержке танков перешли в наступление на участке Сумма-ярви (высота 65,5 м), однако танки вынуждены были остановиться у надолбов, а стрелки залегли у проволочных заграждений¹. Под покровом ночи подразделениям 245-го сп удалось прорваться через несколько рядов проволочных заграждений и захватить утром 18 декабря несколько огневых точек противника на высоте 65,5 м². Воспользовавшись этим, один батальон 245-го сп и два батальона 272-го сп овладели западным и южным скатами этой важной высоты³. В какой-то момент казалось, что еще одно усилие, и оборона противника будет прорвана, но в этот момент неподдавленные огневые точки противника вместе с артиллерией открыли сильнейший огонь. В результате все подразделения, занимавшие высоту, за исключением одной роты 245-го полка, укрывшейся в неприятельских укреплениях, вынуждены были покинуть занятые позиции. Попытки командования дивизии вновь занять высоту и деблокировать окруженных, повторялись в течение трех дней, но успеха они не имели, и лишь 22 декабря оставшиеся в живых бойцы и командиры получили разрешение на прорыв к главным силам, который был осуществлен при поддержке танков и артиллерии в

¹ Там же. Л. 5.

² Матюшин П. Первые дни перед «линией Маннергейма» // Бои на Карельском перешейке. С. 114.

³ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 2118. Л. 7.

ночь на 23 декабря¹. 24 декабря дивизия вновь приняла попытку ворваться в УР противника, но вновь безуспешно². После этого в полосе соединения установилось затишье, изредка прерывавшееся поисками разведчиков обеих сторон, во время которого велась рекогносцировка оборонительных позиций противника, принималось и обучалось пополнение, поскольку, по справедливому замечанию участника тех боев майора С. Степанова, *«одной храбростью, отвагой и мужеством не возьмешь укреплений врага. Для преодоления «линии Маннергейма» помимо бесстрашия требовались высокая организованность, выучка и взаимодействие всех родов войск»*³. Слова весьма верные, что и говорить, но если объективно оценивать действия многих командиров нашей армии среднего и высшего эшелонов в декабре 1939 года, то станет ясным, что подавляющее их большинство поняло эту истину уже во время тяжелых боев, а то и после завершения войны.

138-я стрелковая дивизия впервые вступила в бой лишь 11 декабря 1939 года, хотя значится в перечне действующих с 30 ноября. Но и 11 декабря 554-й стрелковый полк имел лишь короткую стычку с диверсионной группой финнов, которая предпочла не ввязываться в серьезный бой и отошла в лес⁴. 12 декабря с наступлением темноты 2-й батальон 554-го стрелкового полка сменил в районе Пихкала 255-й сп 123-й дивизии, а два батальона 650-го полка — 245-й сп на рубеже Сипрола, Сеппяля⁵.

¹ Матюшин П. Указ. соч. С. 114.

² РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 2118. Л. 8.

³ Степанов С. Прорыв // Бои в Финляндии. Т. 2. С. 14.

⁴ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 2471. Л. 1—4.

⁵ Там же. Л. 6.

В боях 13—14 декабря подразделения 554-го стрелкового полка овладели деревней Суурпентиккюля, но при попытке продвинуться на юго-запад, к оз. Куолема-ярви, были остановлены сильным огнем из стрелкового оружия и минометов. Один из батальонов все-таки вышел к озеру, но не сумел переправиться на его правый берег¹. 17 декабря дивизия принимала участие в попытке прорыва укрепленного района противника в районе Тайпала (не путать с Тайпале — крепостью на побережье Ладожского озера), но особых лавров, как и остальные соединения, не снискала. 23 декабря в тылу 138-й дивизии появились несколько немногочисленных, но хорошо вооруженных финских диверсионных групп, нападавших на тыловые подразделения, обозы и артиллерийские позиции. Их действия были поддержаны контратаками с фронта, и во многих подразделениях необстрелянные бойцы, услышав стрельбу в тылу, пришли в замешательство. То, что финны действовали, проникнув в ближайший тыл нескольких дивизий и бригад, заставляет предположить, что это была заранее подготовленная, хорошо спланированная акция штаба армии «Карельский перешеек».

Неизвестно, чем мог закончиться этот день в 138-й сд, если бы не личное присутствие командира дивизии, руководившего частями и подразделениями на передовых позициях и в других наиболее опасных местах. Комбриг Александр Иванович Пастревич предпочел сидению в теплом блиндаже присутствие в боевых порядках. К концу дня диверсионные группы противника в полосе дивизии были большей частью рассеяны и обстановка стала более спокойной.

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 5.

После тяжелого дня ему хотелось немного отдохнуть, но на командном пункте в собственном блиндаже по возвращении он обнаружил предвкушающих добычу особистов и разомлевших от чая и тепла борцов за большевистскую нравственность — военкома дивизии и начальника политического отдела. Последние, испугавшись стрельбы, решили отсидеться на хорошо охраняемом командном пункте и, не обнаружив командира дивизии на месте, обвинили его в том поступке, который совершили сами: состряпали донос, что Пастревич *«позорно бросил вверенное соединение и бежал в тыл»*. Пастревича арестовали, но, к счастью, он оказался не в руках костоломов-особистов, а в военной прокуратуре армии, куда пришел рапорт начальника штаба о действительном поведении командира 138-й дивизии и его «замполитов». Началась проверка, и выяснилось, что Пастревич с поля боя не убежал. В итоге Пастревича выпустили из-под стражи и сначала назначили в резерв командного состава при штабе Северо-Западного фронта, а 15 февраля — командиром 150-й стрелковой дивизии. Комиссаров же наказали, понизив в звании и должности, но в армии оставили¹.

До приказа о переходе 7-й армии к обороне к фронту успела подойти еще и 100-я стрелковая дивизия, переброшенная из Белоруссии и вернувшаяся вскоре после окончания «незначительной» войны в Слуцкие лагеря под Минском. В трагические первые дни Великой Отечественной она отличилась упорной обороной, внезапными контратаками, благодаря которым коман-

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 9, Д. 521. Л. 119—121.

дованию Западного фронта удалось превратить позорное бегство из Минска в более или менее планомерный отход и эвакуацию, затем ей удалось вырваться из вражеского кольца, сохранив большую часть своей артиллерии. Наконец, в боях под Ельней в сентябре 1941 года она станет Первой Гвардейской. А пока в день шестидесятилетнего юбилея горячо любимого вождя и учителя товарища Сталина, широко отмечавшегося по всей стране 21 декабря 1939 года, дивизия получила задачу сменить 70-ю стрелковую дивизию на рубеже Хейнопентиккюля, оз. Куолема-ярви. Полоса, занимаемая этим соединением, была очень невелика, и позиции занял только 331-й полк¹. На следующий день был получен приказ штаба 7-й армии о смене 138-й стрелковой дивизии, но в тот день большинство соединений армии боролись с настоящими диверсантами, что оказалось делом гораздо более сложным, чем искать их в своих рядах. А 331-й стрелковый полк совместно с 252-м полком 70-й дивизии отразил контратаку финнов в стык между двумя частями. Противник, убедившись в прочности обороны передовых позиций, быстро отошел на западный берег оз. Хатъялахден-ярви². 25 декабря 100-я стрелковая дивизия получила новый приказ: штурмовать укрепленный район в районе Инкиля, но он был отменен через несколько часов, и лишь артиллерия поддерживала действия и без того измотанных пехотинцев 70-й дивизии. 26—27 декабря 100-я и 138-я дивизии совершили рокировку³, а на следующий день 100-я стрелковая дивизия получила новый приказ: наступать на Хотиненский укреп-

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 1817. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 3—4.

ленный район при поддержке собственного танкового батальона. Однако приказ и в этот раз был отменен. Для командования 7-й армии новостью оказалось то, что состояние материальной части батальона после «освобождения» Западной Белоруссии было просто плачевным: 12 танков «Т-26» полностью выработали свой моторесурс, остальные боевые машины — 15 «Т-26», 14 «Т-38» и «Т-37» и 3 саперных «Т-26» требовали ремонта¹.

На этом наступательные действия 100-й стрелковой дивизии были приостановлены, как и на всех остальных участках фронта 7-й и 13-й армий (последняя была сформирована из Правой группы войск 7-й армии 25 декабря 1939 года). Следует отметить, что в первый период войны почти ничем себя не проявили танковые бригады, входившие в состав 7-й армии (4 участвовали в боевых действиях с первого дня войны, еще две присоединились к ним в первой декаде декабря). В первые дни боев танкисты боролись не столько с противником, сколько с заторами на дорогах. Да и в последующие дни лихих прорывов в глубину финской обороны не было, за исключением внезапного ночного удара 20-й танковой бригады, овладевшей в ночь на 2 декабря населенным пунктом Кивенаппа². В основном же танковые бригады придавались побатальонно стрелковым дивизиям, причем использовались общевойсковыми начальниками крайне неэффективно.

Причин тому было несколько: большинство танковых бригад (1, 13, 39 и 40-я) были укомплектованы

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 5; Оп. 9, Д. 888. Л. 2 об.; Д. 942. Л. 16.

² Там же. Оп. 11, Д. 216.

танками «БТ-5» и «БТ-7», имевшими своим предназначением стремительные прорывы в глубину вражеской обороны и экспорт революции в Западную Европу по ее прекрасным автострадам и ухоженным полям. Причем для этого был предусмотрен съем гусениц и движение на колесах. Но в снегах, лесах и болотах боевые машины проваливались на своих гусеницах и уже не были столь быстры, а их броня оказалась не такой прочной, как пелось в знаменитой песне. 35-я танковая бригада имела на вооружении «Т-26», чья недостаточная броневая защита и мощность двигателя открылись уже в войне в Испании, но нередко именно «Т-26», находившиеся и в танковых батальонах стрелковых дивизий в условиях Карельского перешейка, были более эффективными, чем быстроходные «БТ». Лишь на вооружении 20-й бригады состояли «Т-28», оказавшиеся грозным оружием: их броню не всегда пробивали основные противотанковые пушки финской армии — 37-мм и 40-мм калибра, а их собственные 76-мм пушки позволяли довольно быстро разрушать надолбы, препятствовавшие проходу боевых машин. Кроме того, в танковых батальонах стрелковых дивизий находились и плавающие танки «Т-37» и «Т-38», которые в первые же дни показали свою полную непригодность к серьезным боевым действиям ввиду тонкой брони (10 мм — лобовая броня и башня) и слабости вооружения (один пулемет). Поэтому вскоре их направили охранять тылы дивизий и командные пункты от диверсантов, а также иногда использовали для связи.

35-я танковая бригада, например, за период с 30 ноября по 30 декабря 1939 года потеряла 97 танков из 217, из них 40 — безвозвратно, а 40-я — 94 из 219, на-

конец, 20-я за период с начала войны до начала февральского наступления потеряла 25 танков сгоревшими, 81 — поврежденными артиллерийским огнем, 39 подорвалось на минах и фугасах, 14 утонуло, еще два пропало без вести, кроме того 116 раз танки выходили из строя по техническим причинам, если же учесть, что перед началом боевых действий бригада насчитывала 105 «Т-28», 11 «Т-26», 29 «БТ-5» и «БТ-7» и 20 бронеавтомобилей, то можно сделать вывод, что, как правило, каждая боевая машина по меньшей мере дважды подвергалась ремонту¹. Общие же потери танковых бригад и батальонов соединений 7-й армии составили 700 боевых машин, 140 из них — безвозвратно².

А вот что писал о действиях наших танковых частей финский генерал Х. Эквист, командовавший во время войны 2-м армейским корпусом: *«Легкие танки, применявшиеся русскими в начале войны, не произвели огромного впечатления. В первые дни на Карельском перешейке многие танки прорвались в тыл, большинство было уничтожено или вынуждено вернуться. Погоня за ними превратилась в спорт»*³.

В целом можно сказать, что танковые соединения и части не оправдали возлагавшихся на них надежд. Впрочем, первый месяц войны был месяцем утраченных и постепенно изживаемых иллюзий для всех бойцов и командиров, столкнувшихся с упорной оборонной финской армией.

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 11, Д. 1139; Д. 168. Л. 56; Оп. 9, Д. 624. Л. 11.

² Подсчеты автора по ряду дел РГВА.

³ РГВА. Ф. 34980, Оп. 11, Д. 116. Л. 4.

Финские рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, явно не собирались сбрасывать **«продажную клику Рюти—Таннера»** и не торопились влиться в равноправную семью советских народов. Они предпочитали защищать независимость своей страны с оружием в руках, видимо понимая, что равны будут лишь в нищете и бесправии.

Между Ладогой и Онегой

Несколько по-иному складывалась обстановка на фронте 8-й армии. Сначала соединения армии хотя и медленно (по 6—8 км в сутки), но двигались в глубину финской территории. Однако после проникновения на расстояние от 60 до 120 км на территорию Финляндии все соединения были остановлены решительными контратаками частей 4-го армейского корпуса (командующий Ю.В. Хеглунд) и группы полковника П. Талвела. Впрочем, не будем забегать вперед, а рассмотрим с тщательностью действия четырех стрелковых дивизий, входивших в состав 8-й армии: 56, 75, 139 и 155-й. Почему только четырех? Автор счел необходимым изложить историю боевых действий попавших впоследствии в окружение 18-й и 168-й стрелковых дивизий и 34-й легкотанковой бригады в главе «Трагедия окруженных».

В начале войны командование 8-й армии имело под своим руководством два стрелковых корпуса: 1-й и 56-й, а 75-я стрелковая дивизия, предназначенная 1-му корпусу, к 30 ноября еще только выдвигалась к границе.

Решение армейского командования и штаба 56-го

корпуса о нанесении двух ударов в несколько расходящихся направлениях (главный силами 18-й и 168-й стрелковых дивизий совместно с 34-й танковой бригадой — на питкьярантском и вспомогательный — 56-й стрелковой дивизией на лоймолловском) следует, наверное, признать правильным, как и направление главного удара 1-го корпуса на Толвоярви, с дальнейшим усилением его 75-й стрелковой дивизией. Выполнение его грозило финнам потерей важных позиций и части путей сообщения. Однако реализовать этот план оказалось делом крайне сложным.

30 ноября 56-я стрелковая дивизия начала наступление вдоль железной дороги и шоссе, ведущих к Лоймола. Сначала она практически не встречала серьезного сопротивления¹. Первый серьезный бой произошел 5 декабря, причем штаб дивизии донес, что в результате боя занята станция Питсийоки, но вскоре оказалось, что в действительности занят полустанок Нятяоя, находящийся несколько восточнее². Это свидетельствует о слабом знании командным составом 56-й стрелковой дивизии карельского театра боевых действий. Отметим, что 56-я стрелковая дивизия в течение длительного времени дислоцировалась в Ленинградском ВО в районе Пскова. Что же в таком случае можно было требовать от командиров тех дивизий, которые были переброшены из других округов?

К этому моменту против дивизии действовал усиленный батальон при поддержке бронепоезда. В ночь на 7 декабря 37-й стрелковый полк вышел к развилке

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 951. Л. 20—38.

² Там же. Л. 43—44, 54; Д. 961. Л. 12.

дорог в 10 км западнее Нятяоя, а 184-й стрелковый полк занял рубеж в 5 км юго-восточнее Лоймола¹.

Ситуация изменилась с прибытием в район боевых действий 35-го пехотного полка 12-й пехотной дивизии под командованием подполковника Тианена. Уже 12 декабря штаб 56-й стрелковой дивизии сообщал в штаб корпуса, что после боя, не принесшего существенного территориального успеха, части крайне утомлены².

Предпринятая на следующий день попытка обойти линию обороны противника с севера силами 2-го батальона 37-го стрелкового полка не увенчалась успехом: атакующие подразделения были встречены огнем снайперов и автоматчиков, тщательно замаскировавшихся на деревьях и под ними и создававших своими умелыми действиями видимость крупных сил и опасность окружения. 14 декабря батальон вернулся на исходные позиции, не понеся, впрочем, значительных потерь, составивших около 60 человек убитыми и ранеными³.

13—16 декабря продолжались упорные бои с переменным успехом. 37-й и 213-й стрелковые полки безуспешно атаковали позиции противника в районе озер Мантси-ярви и Коллан-ярви, а 184-й продолжал медленное, по несколько сот метров в день, продвижение к Лоймола⁴. 17 декабря финны перешли к более активным действиям, в результате в тот же день два батальо-

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 951. Л. 54, 56.

² Там же. Л. 76.

³ Там же. Л. 90.

⁴ Там же. Л. 85, 93, 107.

на 37-го и 213-го стрелковых полков оказались в окружении, но им удалось вырваться из него уже вечером. К 19 декабря 37-й стрелковый полк вынужден был отойти на 8—10 км, чтобы занять рубеж обороны в 2 км западнее Нятяоя, захватив железную и шоссейную дороги, вскоре это же пришлось сделать и другим частям, за исключением 3-го батальона 184-го стрелкового полка, продолжавшего удерживать свои позиции в районе Лоймола¹.

В последующие дни финские диверсионные группы на лыжах неоднократно нарушали коммуникации дивизии, для поддержания и восстановления которых требовалось затратить немалые силы. 22—23 декабря противнику даже удалось полностью прервать подвоз боеприпасов и продовольствия 184-му и 213-му полкам, но превосходство в силах, особенно в артиллерии, дало о себе знать, и на следующий день финны вынуждены были отступить².

Наконец, 24 декабря неприятелю удалось отрезать от главных сил дивизии наиболее угрожавший Лоймоле батальон 184-го стрелкового полка. Однако уничтожить его финны не сумели, и на следующий день он вырвался из вражеского кольца³.

С 26 декабря установилось относительное затишье, прерываемое лишь поисками разведчиков, бесшумно появлявшихся и исчезающих, словно призраки в заснеженных лесах.

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 109, 116.

² Там же. Л. 129—130.

³ Там же. Л. 135, 141.

Севернее 56-й дивизии действовали соединения 1-го стрелкового корпуса. На Толвоярви наступала 139-я стрелковая дивизия, сформированная в августе-сентябре 1939 г. по плану «Больших учебных сборов», накануне вторжения в Польшу, из находившихся в запасе жителей Духовщинского, Спас-Деменского и Демидовского районов Смоленской области. Многие из них до призыва на «Большие учебные сборы» не служили в армии, и поэтому уровень их боевой подготовки оставлял желать лучшего. «Освободительный поход» в Западную Белоруссию не дал дивизии значительного боевого опыта, равно как и времени на обучение бойцов и младших командиров. А как только дивизия приступила к занятиям, ее спешно перебросили под Петрозаводск. Фактически соединение вышло на войну недостаточно подготовленным даже по простейшим дисциплинам: стрельбе из винтовки и пулемета, метанию гранаты и окапыванию.

До 7 декабря дивизия не имела серьезных столкновений, за исключением боя 4 декабря у переправы через реку Айттакоски, в ходе которого финские подразделения в течение почти 10 часов сдерживали натиск передового 609-го стрелкового полка и отошли после того, как почувствовали опасность обхода своего правого фланга. Однако разгромить противника нашим частям не удалось: 2-й батальон 718-го стрелкового полка продвигался в тыл неприятеля крайне медленно ввиду отсутствия лыж¹.

К вечеру 7 декабря следовавшие в первом эшелоне

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 2592. Л. 5—7.

364-й и 609-й стрелковые полки вышли к восточному берегу оз. Ала-Толва-ярви, продвинувшись, таким образом, в глубь Финляндии почти на 100 км¹. 8 декабря 3-й батальон 364-го стрелкового полка переправился по льду через озеро и занял северную окраину поселка Толвоярви, но был выбит из занятых строений контратакой прибывших незадолго до этого финских подкреплений. Батальон организованно отошел на восточный берег и совместно с другими подразделениями начал готовиться к новым атакам².

Чтобы заставить противника покинуть оборонительные позиции, командир дивизии комбриг Н.И. Беляев сформировал два отряда для выхода во фланг и тыл неприятеля. Первый из них в составе двух батальонов 718-го стрелкового полка должен был обойти левый фланг обороны противника с севера и выйти в район в 8—10 км западнее Толвоярви. Задачей второго (усиленный батальон 609-го стрелкового полка) был обход правого фланга финнов³.

Однако замысел командования 139-й стрелковой дивизии не суждено было сбыться. Батальон 609-го полка потерял ориентировку и, как сказано в описании боевых действий дивизии, «*блудил и лишь 10 декабря возвратился, не выполнив задачи*»⁴. Батальоны 718-го полка вышли 9 декабря в район населенного пункта Хаутавара, но в этот день командир 1-го стрелкового

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 10.

² Там же. Л. 13.

³ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 2592. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 12.

корпуса отдал приказ о нанесении фронтального удара по позициям противника, не дожидаясь того, как обходная группа достигнет намеченного рубежа¹.

Командир был вынужден исполнить этот приказ и вернул подразделения, вышедшие в тыл противника. 10 декабря подразделения 364-го стрелкового полка вновь заняли северную окраину Толвоярви и две дамбы на озере Ала-Толва-ярви, однако дальнейшие попытки полностью овладеть Толвоярви успеха не имели, хотя атакующие получили подкрепления в лице двух батальонов 718-го стрелкового полка².

11 декабря командование дивизии разработало план проведения на следующий день решительной атаки, организовав предварительно артиллерийскую и авиационную подготовку. Но, как это часто случается на войне, события развивались не по плану, а согласно известной русской поговорке «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». Плохая погода помешала полетам бомбардировщиков и в значительной мере снизила эффективность артиллерийского огня. Но главной причиной неудачи этого и последующих дней было не это. За весь период боевых действий (а ведь прошло почти две недели с начала войны), когда части и подразделения дивизии сражались с противником либо совершали продолжительный и изнурительный, ввиду отсутствия лыж, марш, походные кухни отставали на забитых дорогах, и горячая пища выдавалась отнюдь не каждый день. Солдаты и коман-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 12.

² Там же. Л. 14.

диры вынуждены были разгрызать мерзлый хлеб или поджаривать его на кострах. Но последнее было опасно, поскольку финские разведчики то и дело стреляли на огонь. В итоге личный состав дивизии был настолько утомлен, что даже раскаты артиллерийской подготовки не могли разбудить стрелков¹. Разумеется, после того как их удалось поднять, атака не могла быть успешной. Под огнем противника батальоны залегли, приказа об отводе на исходные позиции не было, и замерзавшие цепи продолжали лежать на снегу. Тем временем в ночь на 13 декабря подразделения 16-го пехотного полка финнов, которым командовал подполковник А. Паяри, стали обходить с флангов поредевшие роты 139-й дивизии, которые с утра начали довольно-таки беспорядочный отход, усугублявшийся тем, что финским снайперам удалось вывести из строя многих командиров. Управление войсками было особенно затруднено после того, как многие подразделения отошли на дамбы и там перемешались с тылами и не вовремя подошедшими обозами. Из-за потери управления в ходе последующих атак противника в дивизии началась паника, люди бежали, оставляя стрелковое оружие и тяжелое вооружение. Бегство остановилось только на восточном берегу озера Ала-Толварви. Бегущих останавливали командир дивизии и командиры штаба. Им удалось вывести на передовую почти всех бойцов тыловых подразделений, которые могли держать оружие в руках. Помогли, наконец, и артиллеристы, получившие достаточное количество боеприпасов и остановившие наступательный порыв финнов мощным заградительным огнем².

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 15.

² Там же. Л. 16.

В тот день стрелковые полки оставили на поле боя помимо большого количества винтовок шесть 76-мм полковых пушек, 4 противотанковые «сорокопятки» и 64 станковых пулемета. Потери в личном составе были также весьма значительными: от 30% в 718-м стрелковом полку до 60% в 609-м¹.

На следующий день атаки частей группы полковника Талвела продолжались, и 139-я стрелковая дивизия вновь не могла сдержать натиск неприятеля. Возможно, что 14 декабря завершилось бы полным разгромом измотанной и деморализованной советской дивизии, но к середине дня к домику лесника вышел передовой батальон 28-го стрелкового полка 75-й дивизии. Он сдержал атаки противника на заданном рубеже и дал возможность организованно выйти из боя частям 139-й стрелковой дивизии. Таким образом, свежий батальон сделал то, что не могли сделать девять².

С этого момента 75-я и 139-я дивизии действовали до середины января 1940 года на одном участке фронта, сменяя друг друга на передовой. Отметим, что первая полностью сосредоточилась только 18 декабря³. На следующий день 2-й батальон 28-го стрелкового полка, спасший накануне 139-ю дивизию, атаковал противника во взаимодействии со 2-м батальоном 115-го стрелкового полка и почти дошел до позиций на восточном берегу Ала-Толва-ярви, но в результате продолжавшегося отхода частей 139-й дивизии батальоны

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 17.

² Там же. Д. 1238. Л. 10.

³ Там же. Д. 1238. Л. 10, Д. 2592. Л. 18.

попали в окружение¹, причем противнику удалось овладеть населенными пунктами Растисалмен и Маятало, где планировалось развертывание главных сил 75-й стрелковой дивизии. В итоге два батальона 28-го стрелкового полка вынуждены были вместо подготовки к последующим действиям выбивать противника из двух деревень. После второй атаки финны отошли на запад².

Днем 16 декабря вторые батальоны 28-го и 115-го полков вышли из окружения, понеся значительные потери: подразделения 28-го стрелкового полка потеряли 114 человек убитыми и 130 ранеными, а в батальоне 115-го полка был выбит почти весь командный состав. После выхода из окружения он был заменен 1-м батальоном полка и отправлен во второй эшелон дивизии³.

В течение 16 декабря батальоны 28-го полка продолжали удерживать район Растисалмен, Маятало, через который отходили на восток части 139-й дивизии, вносящие значительную дезорганизацию в действия своих товарищей по оружию. Так, например, полковая батарея 364-го стрелкового полка вместе с противотанковой батареей 609-го стрелкового полка стали внезапно сниматься с огневых позиций, что вызвало замешательство в рядах оборонявшихся. Только решительное вмешательство командира 28-го полка предотвратило панику⁴.

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 1238. Л. 6, 8.

² РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 1238. Л. 6.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 7.

Вечером 16 декабря подразделения 28-го полка по приказу командования дивизии отошли на гать в полукилометре восточнее Растисалмен, Маятало¹.

Судя по всему, в частях 139-й стрелковой дивизии помимо физической усталости проявился и моральный надлом. Похоже, что командование дивизии уже не могло руководить частями, в значительной степени утратившими свою боеспособность. 16 декабря 1939 года командир 139-й дивизии комбриг Беляев и начальник штаба майор Заалишвили были отстранены от своих должностей и их место заняли соответственно комбриг Понеделин и полковник Глушков. Одним из первых приказов новый командир дивизии сформировал своего рода прообраз будущих штрафных рот и батальонов — команду, в которую собрал паникеров и трусов со всей дивизии. За эту инициативу П.Г. Понеделин получил выговор в приказе по 8-й армии².

В течение четырех дней — с 17 по 20 декабря — 139-ю стрелковую дивизию приводили в более или менее боеспособное состояние за исключением переданного в оперативное подчинение 75-й дивизии 364-го полка, а части последней пытались в этот период сдержать наступавших финнов, но выходило это у них не слишком успешно.

К 5 часам утра 17 декабря 28-й стрелковый полк и два батальона 115-го стрелкового полка отошли на ру-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 8.

² Там же. Оп. 9, Д. 82. Л. 2.

беж южный берег озера Ягля-ярви, восточный берег озера Сярк-ярви, где удерживали оборону вплоть до 19 декабря, после чего отступили на Каркковара¹.

20 декабря два батальона 364-го полка пытались контратаковать противника, но безуспешно. Тем временем командование 139-й дивизии решило проверить результаты своих мероприятий по поднятию боеспособности и улучшению морального состояния личного состава и провело частную наступательную операцию силами 718-го стрелкового полка, занявшего деревни Лампивара и Ояселькя². После смены его подразделениями 75-й дивизии приказом командира 1-го стрелкового корпуса 139-я стрелковая дивизия была отведена в район Витаваара, Айттакоски, Хаповара для сооружения нового оборонительного рубежа.

Только за период боев с 8 по 17 декабря 1939 года 139-я стрелковая дивизия потеряла, по данным штаба соединения, 718 человек убитыми, 1570 ранеными и 1089 пропавшими без вести. Кроме того, было оставлено на поле боя 2247 винтовок, 165 станковых и 240 ручных пулеметов, тринадцать 45-мм, восемь 76-мм пушек и одна 122-мм гаубица³. При этом следует отметить, что, вполне возможно, эти данные, особенно касающиеся потерь личного состава, составленные уже после окончания боевых действий, недостаточно полны. Каковы основания для такого вывода? Они есть в журнале боевых действий дивизии, в разделе, посвященном январским боям в районе Витаваара. В это вре-

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 1238. Л. 9.

² Там же. Д. 2592. Л. 18.

³ Там же. Л. 63.

мя роты 609-го стрелкового полка насчитывали всего по 30—50 человек, то есть не более 30% штатной численности. Ненамного лучшей была укомплектованность стрелковых подразделений и в других полках¹.

Тем не менее говорить, как это сделал М.И. Семиряга, о «почти полном уничтожении» 139-й дивизии, приравнивая ее поражение к катастрофе 44-й стрелковой дивизии², не следует, поскольку 139-я стрелковая дивизия сохранила примерно 40% личного состава в стрелковых полках и большую часть тяжелого вооружения.

А 75-я стрелковая дивизия 22—24 декабря организованно отошла за р. Айттакоски, закрепив за собой плацдарм на ее западном берегу. За период с 14 по 24 декабря ее потери (по данным штаба) составили 954 человека убитыми, 1529 ранеными и 1619 пропавшими без вести, было оставлено и уничтожено огнем противника 1196 винтовок, 133 ручных и 103 станковых пулемета, восемь 45-мм и пять 76-мм пушек, 12 минометов, столько же танков и два броневедомола³. Так что и в этом случае не проверенные М.И. Семирягой слухи о разгроме советской дивизии оказались сильно преувеличенными.

Тем не менее стоит отметить, что с 13 по 24 декабря 1939 года 75 и 139-я стрелковые дивизии отошли на восток от Толворяви более чем на 50 километров. А ко-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 19.

² Семиряга М.И. Ук. соч. С. 26.

³ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 1242. Л. 25.

мандовавший Толвоярвской группой финской армии полковник Пааво Талвела получил за свои умелые действия чин генерала и оставил свой след в истории: группа толвоярвского направления в военно-исторической литературе нередко называется «Группой Талвела». Подполковник Паяри во время «зимней войны» получил чин полковника, а уже в период боевых действий 1941—1944 годов, которые финны называют «войной-продолжением», — генерал-майора. Впрочем, помимо этого Ааро Паяри стал одним из четырех героев двух войн, получивших два Креста Маннергейма.

Так же, как и 75 и 139-я дивизии, 155-я стрелковая дивизия прибыла в Карелию из Западной Белоруссии и была сформирована в основном из бойцов и командиров, призванных из запаса, и укомплектована автотранспортом и лошадьми, поступившими из гражданских организаций.

Вот что писал командир правофланговой дивизии 8-й армии о состоянии вверенного ему соединения: *«Наличная бронетанковая матчасть совершенно небоеспособна. Прибывшие из организаций и учреждений газогенераторные автомашины совершенно не приспособлены для работы на северном театре»*¹. Помимо этого большая часть личного состава до призыва совершенно не умела стрелять из боевого оружия, метать гранату и пользоваться саперной лопаткой. О лыжах и их боевом применении имели представление единицы.

Мягко говоря, неблестящая боевая подготовка усугублялась скверным снабжением: дивизия не имела самого необходимого, и ее полки и батальоны начали

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 2990. Л. 3.

войну без стальных шлемов, маскировочных халатов. Чувствовался острый недостаток полушубков, валенок и теплых перчаток¹, так что интенданты Красной Армии в полной мере позаботились о том, чтобы в госпитали поступило побольше обмороженных.

Разумеется, части дивизии боялись уходить с дорог в уже достаточно глубокий снег и пугавшие своим мрачным безмолвием леса. Штабы полков и батальонов под разными предлогами уклонялись от применения фланговых и обходных маневров². Только по приказу командира дивизии в 436-м и 659-м стрелковых полках были сформированы отряды для обхода позиций 1-го и 2-го лапуасских батальонов по реке Койттайоки. Несмотря на медлительность их действий и плохую координацию, финны, опасаясь охвата, начали отход в западном направлении³.

Финское командование, обеспокоенное довольно-таки глубоким продвижением соединений и частей Красной Армии на территорию страны, начало переброску резервов на те направления, где положение было наиболее угрожающим, в том числе и против 155-й стрелковой дивизии. Уже после разведывательному отделу дивизии удалось выяснить, что к 12 декабря в полосе действий соединения находились, помимо уже упомянутых 1-го и 2-го лапуасских батальонов, 3-й лапуасский, 5-й и 11-й резервный батальоны, 3-я самокатная, 3-я пулеметная и 4-я минометная роты общей численностью около 4500 человек, имевших на вооружении около 3500 обычных и около 150 автоматических винтовок, 965 пистолетов-пулеметов «Суоми»,

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 4.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 12.

148 ручных и 72 станковых пулемета, 13 пушек и 16 минометов¹.

Эти подразделения и отразили атаки частей 155-й стрелковой дивизии, заняв рубеж по реке Айтта-йоки 12 декабря. Потерпев неудачу в лобовых атаках, командир дивизии создал отряд в составе усиленного батальона для действий во фланг противника. Однако в течение последующих нескольких суток отряд действовал разобщенно с главными силами дивизии. Поэтому атаки производились разрозненно, не согласовывались по времени. В результате — обходивший отряд сам подвергся сильным контратакам и чуть не оказался в окружении. 15 декабря он возвратился к главным силам дивизии, после чего на этом участке фронта активные действия затихли².

С 12 по 15 декабря 155-я стрелковая дивизия недосчиталась в своих рядах 177 человек убитыми, 710 ранеными и 210 пропавшими без вести. Потери за весь период боев с 30 ноября по 15 декабря составили 336 человек убитыми, 926 ранеными и 251 пропавшими без вести, а также 504 винтовки, 31 станковый и 34 ручных пулемета, пять танков «Т-37», три «Т-26» и два броневедомола³.

Через неделю противник попытался нанести удар 786-му стрелковому полку, но его атака была отражена массированным огнем из всех видов оружия, в том числе и дивизионной артиллерии. Последовавшая

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 2935. Л. не указан.

² Там же. Д. 2990. Л. 14.

³ Там же.

контратака заставила неприятеля, надеявшегося на внезапность, а не на превосходство в силах, отступить, оставив трех пленных, 20 винтовок, 9 станковых и два ручных пулемета и главное — 635 пар лыж, которыми были немедленно оснащены разведывательные подразделения дивизии. Бои и небольшие столкновения во второй половине декабря обошлись 155-й дивизии в 47 убитых, 176 раненых и 18 пропавших без вести¹.

В Заполярье

Действия соединений 9-й армии будут изложены в уже упоминавшейся главе «Трагедия окруженных», поэтому автор решил сразу перейти к описанию операций самой северной, 14-й армии, действовавшей в Заполярье. Она лишь называлась армией. По своему составу же она представляла собой усиленный стрелковый корпус: три стрелковые дивизии, два танковых батальона, авиационная бригада. 25 ноября, когда еще не была закончена переброска морем 52-й стрелковой дивизии, она насчитывала всего 38 822 человека, 217 орудий и 38 танков².

Следует отметить и тот факт, что высшее командование Красной Армии очень опасалось возможных десантов с кораблей британского и французского флотов и для обороны побережья Кольского полуострова выделило 14-ю стрелковую дивизию, которая, за исключением одного полка, практически не принимала участия в боевых действиях.

Прибывшая из Западной Белоруссии 52-я стрелко-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 19, 21.

² Там же. Оп. 7, Д. 24. Л. 26.

вая дивизия была укомплектована кадровыми командирами и красноармейцами более чем наполовину, но основную тяжесть первых боев вынесла на себе 104-я горно-стрелковая дивизия, сформированная в мае-июне 1939 года. В ее составе выделялся 217-й горно-стрелковый полк, входивший до этого в состав 54-й горно-стрелковой дивизии, которая до развертывания значительных сил на советско-финской границе прикрывала все Заполярье и Северную Карелию. Им командовали более или менее опытные командиры, почти все солдаты и младшие командиры проходили срочную службу¹. Этот полк был одним из немногих, чей личный состав не боялся тундры, полярной ночи и умел ходить на лыжах.

Однако состояние других частей 104-й горно-стрелковой дивизии оставляло желать лучшего. Начальник штаба дивизии указывал впоследствии, что в июле 1939 года в подразделения поступило пополнение из частей ВНОС, состоявшее из бойцов и младших командиров второго года службы, которые рассчитывали на скорую демобилизацию. Разумеется, принятый в сентябре 1939 года новый Закон о всеобщей воинской обязанности, продливший срок службы младших командиров всех родов войск до трех лет, не встретил энтузиазма. В силу специфики частей ВНОС прибывшее пополнение было плохо подготовлено в стрелковом и тактическом отношении. Положение усугублялось еще и тем, что в ротах и батареях не хватало командиров рот, взводов и их заместителей, причем большую часть, как мы бы сказали сегодня, младших офицеров составляли выпускники краткосрочных

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 10, Д. 1882. Л. 1.

курсов младших лейтенантов, сдавшие экзамены по боевой и политической подготовке в апреле 1939 года¹.

Именно этой дивизии и была поставлена задача с рубежа реки Титовка овладеть районом Луостари во взаимодействии с 95-м стрелковым полком 14-й дивизии и 58-м стрелковым полком 52-й дивизии, наступавшими с полуострова Рыбачий. В дальнейшем соединения 14-й армии должны были продвигаться на юг, содействуя наступлению 9-й армии, обеспечивая частью сил безопасность побережья Баренцева моря. 104-я стрелковая дивизия совместно с пограничниками двинулась на запад, не встречая сопротивления, поскольку основные силы финской армии в районе Петсамо (Печенги), насчитывавшие всего полтора батальона, до 2 декабря удерживали два наших полка на перешейке, отделявшем полуостров Средний от материка². К вечеру 2 декабря 58-й и 95-й стрелковые полки заняли Петсамо, после чего началась переброска в этот порт из Мурманска остальных частей 52-й стрелковой дивизии³.

3 декабря эти же части заняли Луостари, после чего финны начали отступление, опасаясь окружения. 95-й стрелковый полк вернулся на полуостров Рыбачий, а 58-й стрелковый полк, чьи станковые пулеметы и артиллерия еще находились в пути на Петсамо, занял оборону⁴.

В этой ситуации командование 104-й горно-стрелковой дивизии решило, что пора проявить свои таланты, и отдало приказ о подготовке налета на позиции

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 3.

² Там же. Оп. 7, Д. 24. Л. 6—7.

³ Там же. Оп. 10, Д. 900. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 3.

противника в ночь на 5 декабря. Распоряжение не было отменено после того, как пограничники, хорошо владевшие лыжами и знавшие местность, известили штаб дивизии о том, что они не смогут участвовать в операции. Сначала операция развивалась успешно, и роте 273-го полка, заметим, не самого лучшего в дивизии, удалось захватить 5 автомашин и 3 орудия, но часовой, убитый секундой позже, успел подать сигнал тревоги. В ночном бою командир роты совершенно не умел управлять подразделением, которое при контратаке противника отошло, ведя беспорядочный огонь в расстроенном состоянии. Противник не только вернул потерянные было орудия, но и захватил еще 4 станковых и 4 ручных пулемета. Потери в личном составе достигли почти половины штатной численности: 33 убитых и 32 раненых. Лейтенанта, который командовал ротой, отдали под суд и расстреляли¹.

После этого 104-я стрелковая дивизия активных действий не проводила, ограничиваясь охраной границы с Норвегией и побережья. Только 273-й стрелковый полк, переданный в 122-ю стрелковую дивизию 9-й армии, участвовал в дальнейших боях.

12 декабря, после полного сосредоточения 52-й стрелковой дивизии, наступление возобновилось. Финны начали отход по дороге на Рованиemi, минируя ее и делая завалы. 13 декабря противник попытался контратаковать на пятидесятом километре шоссе Линнахамари—Рованиemi шедший головным 1-й батальон 58-го стрелкового полка, но, встретив сильный огонь, поспешно отошел на юго-запад².

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 10, Д. 1882. Л. 16.

² Там же. Д. 900. Л. 4.

На следующий день шедший в головной походной заставе 2-й батальон того же полка встретил огонь за-слона противника и развернулся в боевой порядок, что дало противнику возможность отойти на поселок Сальмиярви, оставленный без боя 15 декабря. Вечером 16 декабря подразделения 58-го полка встретили упорное сопротивление противника, оборонявшегося на 95-м километре шоссе. Финны вели бой до вечера 17 декабря и отошли, увидев, что против них разворачивается весь полк, поддерживаемый ротой танков и дивизионной артиллерией. На следующий день был занят поселок Питкьярви¹.

В журнале боевых действий дивизии есть запись об этом столкновении: «*Излишняя смелость командного и политического состава привела к большим жертвам*»². Что и говорить, подход к потерям явно нехарактерный для командного состава Красной Армии, особенно если учесть, что за весь период боев с 1 по 18 декабря 1939 года дивизия потеряла всего 7 человек убитыми и 54 ранеными³.

19 декабря командование дивизии получило приказ штаба 14-й армии о переходе к обороне⁴. К этому моменту 58-й стрелковый полк, по-прежнему бывший головным, находился на 110-м километре дороги, продвинувшись несколько юго-западнее Питкьярви. Так что М.И. Семиряга, написавший о продвижении войск

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 5, 13.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. Д. 892. Л. 6.

⁴ Там же. Оп. 7, Д. 24. Л. 19.

14-й армии на 150—200 км в глубину территории Финляндии¹, вновь несколько преувеличил.

С момента перехода к обороне части 52-й стрелковой дивизии укрепляли оборону коммуникаций. Штаб соединения справедливо предполагал, что финны попытаются нарушить подвоз боеприпасов и продовольствия и вызвать тем самым недовольство и панику в полках и батальонах. 26 декабря финны попытались нанести стремительный удар 112-му стрелковому полку, но после неразберихи первых минут боя его подразделения наладили огневое взаимодействие и, пользуясь превосходством в огневой мощи, оттеснили их из района обороны. Поняв, что паники не возникло, финны ретировались так же быстро, как и появились. Потери полка в этом бою составили 7 человек убитыми и 10 ранеными².

Потери всех частей и соединений 14-й армии за период с 30 ноября по 30 декабря 1939 года составили 64 человека убитыми, 111 ранеными, 2 пропавшими без вести и 19 погибшими от разного рода несчастных случаев, в основном от пожаров³.

Вот так переходом к обороне на всех направлениях закончился первый месяц этой бесславной и бессмысленной войны, которая показала, что Красная Армия, конечно, всех громадней и страшней, но вовсе не всех сильней. Финские пчелы, по выражению военного корреспондента «Times», жалили русского медведя, который громко ревел и рычал, рыл лапами землю, ло-

¹ Семиряга М.И. Указ. соч. С. 20.

² РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 892. Л. 13—14; Д. 900. Л. 15.

³ Там же. Оп. 7, Д. 52. Л. 3.

мал окрестные кусты, но поймать своих врагов не мог и, чтобы укрыться, спрятался в своей берлоге. Впрочем, пчела, как известно, погибает вскоре после того, как оставляет жало в теле укушенного. А медведь, зализывая раны, тем временем размышлял, как бы с меньшими потерями добраться до заветных пасек Ханко и Выборга.

Глава 5

ПОСЛЕ БУРИ, ПЕРЕД ШТОРМОМ

Фронт после напряженных декабрьских боев, казалось бы, застыл. Но это было обманчивое впечатление: каждый день советская артиллерия, особенно на Карельском перешейке, громила позиции противника. Финны, в свою очередь, укрепляли оборону: рыли новые ходы сообщения, строили железобетонные и каменные огневые точки, запасные капониры для своих немногочисленных орудий и минометов. А для того, чтобы зоркие сталинские соколы не обнаружили их сверху, над расположением батарей раскидывали громадные белые полотнища, сливавшиеся с заснеженными лесами и полянами.

Командование финской армии осознавало возможность того, что после оперативной паузы на вверенные ему полки, бригады и дивизии может обрушиться удар огромной силы и оборона не выдержит. Поэтому в тактической и оперативной глубине накапливались резервы для коротких и решительных контратак по нашим соединениям, вклинившимся или прорвавшимся сквозь укрепления. Создавались также и

дополнительные отсечные позиции для флангового огня по наступающим.

Тем временем по другую сторону линии творилось нечто невообразимое: маховик неповоротливой, но гигантской и страшной советской военной машины, не собиравшейся останавливаться после сокрушительного удара по Польше, набирал обороты. Напомним, что войну со стороны Советского Союза начали 17 стрелковых дивизий, 5 танковых и 2 мотострелковые бригады. Еще в период развития боевых действий в декабре в состав действующих соединений вошли: 123, 138, 100, 113 и 150-я стрелковые дивизии, 39 и 35-я танковые бригады в 7-ю армию (150-я сд и 39-я тбр вскоре оказались в 13-й армии), 4-я и 136-я стрелковые дивизии в 13-ю армию, 8-я армия получила помимо 75-й дивизии еще и 164-ю, облегченного (два стрелковых и один артиллерийский полки против обычных трех стрелковых и двух артиллерийских) состава, в 9-ю армию кроме 44-й стрелковой дивизии вошла 88-я стрелковая дивизия.

Во время оперативной паузы переброска войск продолжалась не меньшими темпами. В 7-ю армию прибыли 7, 51, 84, 86, 91, 95 и 173-я стрелковые дивизии. За этот же период 13-я армия пополнилась 8, 17, 50, 62, 80 и 97-й стрелковыми дивизиями, в состав 8-й армии вошли 11, 60 и 72-я стрелковые (последние две дивизии — облегченного типа) и 25-я мотокавалерийская дивизии. Отметим, что 17, 84, 86, 91, 95 и 173-я дивизии официально имели наименование мотострелковых, но больших отличий в численности личного состава или вооружении между мотострелковыми и обычными стрелковыми дивизиями не просматривается, лишь некоторые из них имели вместо отдельного

танкового батальона танковый полк двухбатальонного состава, кроме того в некоторых из этих дивизий все имущество, вплоть до станковых пулеметов, грузилось на автомобили, что в условиях Карельского театра военных действий нельзя назвать большим удобством.

К началу операции по прорыву обороны финской армии на Карельском перешейке в первые дни февраля в 7-й армии из отдельных рот и батальонов Карельского укрепленного района была сформирована 42-я легкая стрелковая дивизия, в 8-ю армию прибыли 37-я и 128-я мотострелковые и 24-я мотокавалерийская дивизии и три (201, 211 и 214-я) авиадесантные бригады. Нельзя упустить и еще одну крайне интересную деталь: в состав 7-й армии вошел также прибывший из Белоруссии 3-й кавалерийский корпус (7 и 36-я кавалерийские дивизии). Примечателен, конечно, сам факт прибытия кавалерийских соединений на театр боевых действий, совершенно не подходящий для применения конницы. Но еще интереснее то, что эти две дивизии предназначались для выхода в тыл укреплений «линии Маннергейма» по льду Финского залива во взаимодействии с танковой бригадой и одной-двумя стрелковыми дивизиями.

Тем, чья молодость прошла в лихих конных рейдах по донским и украинским степям и на кронштадтском льду, явно не терпелось увидеть сабельные атаки в снегах Карельского перешейка и Междоузья. К счастью, наследники Ворошилова и Буденного так долго готовились к своему ледовому походу, что закончили его на северном берегу Финского залива в районе Выборга как раз в тот момент, когда боевые действия уже закончились и необходимость в кавалерийских атаках уже отпала. Однако даже сам замысел действий кавалерийских соединений в этот момент был уже отменен.

лерийских соединений, пусть даже при поддержке артиллерии, танков и пехоты, поражает своим исключительным идиотизмом и полным отсутствием даже малой толики здравого смысла.

Однако отдадим должное Главному командованию в умении сосредоточить огромные силы и средства на нужном направлении: к 10 февраля на фронте и в ближайшем резерве находились 47 стрелковых и мотострелковых, 2 кавалерийские и 2 мотокавалерийские дивизии, 7 танковых, 3 авиадесантные бригады и 2 мотострелковые бригады, не говоря уже о большом количестве лыжных батальонов (около 30). Основная масса войск была сосредоточена на Карельском перешейке.

Уже после окончания советско-финляндской войны командовавший 2-м армейским корпусом генерал-лейтенант Х. Эквист писал: *«Для нас было сюрпризом, что русские сконцентрировали неслыханную по своей мощи военную силу. Для нас было неожиданностью то, что эта огромная армия могла свободно передвигаться на ограниченном пространстве Карельского перешейка»*¹.

Действительно, если в начале войны соединения Красной Армии, действовавшие против Финляндии, насчитывали не более 400 тыс. человек, то уже к 10 января 1940 года такое же количество войск сосредоточилось на Карельском перешейке, а к 10 февраля оно достигло 700 тысяч. Общая же численность личного состава превысила миллион человек².

Пока к линии фронта шли все новые и новые соединения и части, советские артиллеристы, пользуясь своим колоссальным превосходством, выкатывали 122-мм и 152-мм пушки и 152-мм гаубицы-пушки на

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 14, Д. 116. Л. 2.

² Подсчеты автора по делам фонда 34980.

дистанцию не более километра и прямой наводкой, вопреки всем уставам, вели стрельбу на разрушение укреплений противника. Остальные орудия полков и дивизионов подавляли финские батареи, не позволяя им противодействовать разрушению дотов и дзотов.

Об этом рассказал в своем очерке «Прямой наводкой по ДОТам» наводчик орудия одного из корпусных артиллерийских полков В. Яковлев¹, подтверждают эти сведения и документы: например, на участке 150-й сд артиллерией было разрушено 4 дота, еще два было разрушено перед 49-й сд².

Слабая лыжная подготовка частей и соединений Красной Армии, казалось бы, должна была заставить Главное командование перебрасывать на фронт дивизии из снежных районов Сибирского, Забайкальского и Уральского военных округов и Дальневосточного фронта. Но, видимо, переброска на многие тысячи километров представлялась в Москве чересчур дорогостоящей, кроме того, в Генеральном штабе, похоже, боялись ослабить войска этих округов ввиду сохранявшейся напряженности в отношениях с Японией, и за все время войны из более чем тридцати дивизий, прибывших на фронт, из Сибирского ВО были переброшены всего две: 37-я и 91-я, еще одна — 128-я — из Уральского ВО.

Отметим, что 37-ю стрелковую дивизию сибирской можно назвать только с известной долей условности: в июне-июле 1939 года ее перебросили из Белорусского Особого ВО под Омск с целью последующего направления на Халхин-Гол, но, пока дивизия вела боевую

¹ Яковлев В. Прямой наводкой по ДОТам // Бои на Карельском перешейке. С. 144—149.

² РГВА. Ф. 34980, Оп. 1, Д. 2627. Л. 3.

учебу, конфликт на территории Монголии закончился, ее частям пришлось начать зимовку в чистом поле, поэтому начавшуюся в декабре 1939 года передислокацию на финский фронт командование дивизии, да и многие бойцы восприняли как благо.

Во многих дивизиях этих округов формировались лыжные батальоны из лучших бойцов. Остальные же соединения прибывали из Центральной России или с Украины и Белоруссии, причем некоторые из Одесской или Львовской (7, 44, 95-я) областей, где, как известно, условия для лыжных тренировок даже глубокой зимой оставляют желать лучшего.

Пока артиллеристы громили укрепления противника, вскрытые разведчиками, в большинстве частей шла напряженная боевая подготовка. Командир 123-й сд генерал-майор (в период войны — комбриг) Ф.Ф. Алябушев писал: *«В тылу мы устроили учебное поле. На нем день и ночь проводились занятия. То, что обнаружилось в системе укреплений противника, мы старались воспроизвести на учебном поле и тренировались в условиях, максимально приближенных к боевым. На учебном поле преодолевали проволочные заграждения, вели огонь по укрепленным точкам, блокировали ДОТы и т.д. Главное внимание обращали на движение пехоты за огневым валом, на использование броневых щитков и взаимодействие на поле боя с танками, с полковой и батальонной артиллерией»*¹.

О тщательной подготовке к штурму пишут и многие другие участники боев. Командир 13-й легкой танковой бригады полковник В.И. Баранов рассказывал: *«Во время этой передышки танкисты использовали заня-*

¹ Алябушев Ф. Указ. соч. С. 7.

тые нашими войсками укрепленные рубежи, где имелись надолбы, противотанковые рвы, речушки с болотистыми берегами, и начали практиковаться в преодолении этих препятствий совместно с пехотой и саперами»¹.

Интересно, что именно в этот период в танковых и стрелковых частях появились бронешитки для защиты одиночного бойца и бронированные сани для буксировки пехоты и саперов за боевыми машинами. Можно понять, почему бронесани появились лишь в январе 1940 года, но вот почему до конца декабря 1939 года у наших саперов не было миноискателей простейшей конструкции и им приходилось обходиться щупами², объяснить невозможно.

Точно так же невозможно найти разумные обоснования того, что до войны танкисты не умели взбираться на противотанковые рвы и разбивать бетонные надолбы, а многие пехотинцы, даже в полках и дивизиях, считавшихся кадровыми, не умели метко стрелять и маскироваться. О лыжах и их использовании и говорить не приходится. Ведь весной и летом 1939 года командованием Ленинградского ВО было отдано пять приказов о сбережении и улучшении содержания лыжного имущества, тем не менее эти нехитрые приспособления даже в кадровых частях почти не использовались. Когда лыжи появились, то многие командиры не нашли ничего лучшего, как заставлять своих подчиненных учиться лыжным премудростям... в шинелях, которые не очень-то удобны для подобных занятий. Командир 70-й стрелковой дивизии М.П. Кирпонос

¹ Баранов В. В решающих боях //Бои в Финляндии. Т. 2. С. 58.

² Из личной беседы с И.Г. Стариновым, занимавшим в период советско-финляндской войны должность начальника оперативной группы разграждения Северо-Западного фронта.

собственным приказом прекратил эти упражнения, и в дальнейшем занятия велись в ватных куртках и теплых штанах. Помимо этого, будущий Герой Советского Союза сумел убедить руководителей ленинградских текстильных фабрик перешить длинные маскировочные халаты в комбинезоны.

Многим другим командирам дивизий не хватало желания вникать в такие «мелочи», как трудности рядового бойца. По этому поводу «Хельсингин саномат» писала, то ли серьезно, то ли издеваясь: *«Русские ходят на лыжах в каких-то длинных пальто»*. У финнов не хватало широты ума, как это можно ходить на лыжах в шинелях, а у интендантов и некоторых начальников не хватало элементарного здравого смысла, чтобы понять, что это неудобно в обычной обстановке и может стоить жизни в боевой.

Впрочем, отнюдь не везде было тихо. На участке 142-й стрелковой дивизии финские разведывательные группы не раз проверяли бдительность нашего боевого охранения и даже пытались ворваться на позиции, расположенные на южном берегу оз. Суванто-ярви. Эти действия предпринимались дважды: 14 и 18 января. Оба раза финны, встретив сопротивление, а затем и сильный заградительный огонь артиллерии, поспешно откатывались на свои позиции на северном берегу. В свою очередь действия советских разведгрупп заставили финнов установить на своих позициях прожектора¹.

В другой январский день 212-й стрелковый полк 49-й стрелковой дивизии, находившийся на плацдарме на левом берегу Тайпален-йоки, начал разведку бо-

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 2687. Л. 54, 56—57.

ем, не известив командиров других частей. Командир соседнего, 222-го полка решил, что началась частная наступательная операция, и решил помочь товарищам по оружию. Однако финны перешли в контратаку и потеснили наши подразделения, которые вернули свои прежние позиции только после мощного огневого налета, совершенного находившимися на противоположном берегу дивизионными и корпусным артиллерийскими полками. Этот аттракцион с фейерверком обошелся его советским участникам в 500 человек убитыми и ранеными¹.

Но если на фронте 7-й и 13-й армий в основном шла скрытая работа по подготовке к наступлению и обороне, то в полосе, занимаемой 8-й армией, неоднократно возникали очаги напряженных боев.

Так, накануне Нового года финны преподнесли весьма неприятный сюрприз 139-й и 75-й дивизиям, овладев населенным пунктом Витавара. Однако празднование Нового года внесло некоторую расслабленность в финские подразделения, и они оставили Витавара вечером 1 января под натиском четырех рот 1-го и 2-го батальонов 609-го стрелкового полка, насчитывавших всего 180 штыков².

Но на следующее утро финны, воспользовавшись малочисленностью наших подразделений и отсутствием артиллерийской поддержки, вновь овладели Витавара и продолжали развивать наступление в восточном направлении на Хаповара, грозя отрезать пути подвоза двум дивизиям 1-го стрелкового корпуса³. В течение последующих трех дней части 139-й стрелковой дивизи-

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 9, Д. 153. Л. 17—18, Оп. 10, Д. 699. Л. 2.

² Там же. Оп. 10, Д. 2592. Л. 19.

³ Там же.

зии при поддержке 34-го стрелкового полка 75-й дивизии вели упорные бои, отражая попытки противника выйти к Хаповара и одновременно контратакуя Витавара. 6 января финны ослабили натиск на Хаповара, чем немедленно воспользовался комбриг Понеделин, перебросивший главные силы соединения под Витавара. В студеную ночь на 7 января 2-й батальон 34-го стрелкового полка совместно с 1-м батальоном 718-го стрелкового полка штыковой атакой выбили финнов из Витавара, чтобы больше ее уже не отдавать¹. Сражения в этом секторе фронта затихли на две недели. Попытка группы Талвела повторить успех соединений 4-го корпуса, окруживших в конце декабря — начале января две дивизии и одну танковую бригаду 56-го стрелкового корпуса, не увенчалась успехом.

21 января соединения 8-й армии начали частные наступательные операции, имевшие своей целью улучшение занятых позиций, отвлечение противника от окруженных соединений, а в случае удачного развития событий и деблокирование попавших в кольцо.

В 139-й стрелковой дивизии в это время было не до наступления. Даже после получения пополнения стрелковые батальоны по своей численности не превышали 300—350 штыков, т.е. полки были укомплектованы максимум на 40—50%². Тем не менее приказ есть приказ, и в течение недели части дивизии вели упорные бои с противником, занимавшим удобные для обороны позиции на высотах. В результате стрел-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 20.

² Там же. Л. 22.

ковым полкам удалось продвинуться на запад на 1,5—2 километра¹.

За период частной наступательной операции потере дивизии составили 318 человек убитыми, 1121 ранеными и 192 пропавшими без вести².

75-я стрелковая дивизия, бывшая левофланговым соседом 139-й дивизии, также начала атаки 21 января. К исходу дня 34-й стрелковый полк занял излучину реки Вигарус-ярви, где и был остановлен сильным огнем противника с ее западного берега. Другие подразделения продвинулись на 1,5—2 км на северо-запад от Витавара, но затем вынуждены были остановить свое наступление ввиду сильного сопротивления финнов, засевавших на высотах³. В течение последующих трех суток пространство между Витавара и высотами несколько раз переходило из рук в руки, пока 26 января 115-й стрелковый полк не занял высоту с вышкой, а 364-й стрелковый полк 139-й дивизии, временно переданный в оперативное подчинение 75-й дивизии, высоты в 2 км западнее Айттакоски, после чего противник покинул позиции в районе Витавара⁴. За время операции 75-я дивизия недосчиталась 276 человек убитыми, 328 ранеными и 395 пропавшими без вести⁵.

28 января соединениями был получен приказ штаба 1-го стрелкового корпуса о прекращении активных действий⁶. Начальник штаба этого соединения, майор С.П. Иванов считал, что основными причинами мало-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 23—25.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Д. 1238. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 15.

⁶ Там же. Оп. 9, Д. 70. Л. 222—223.

го успеха частных операций являлись неумение пехоты следовать за огневым валом артиллерии, разрозненные и плохо скоординированные действия отдельных подразделений, атаковавших поодиночке и без надлежащей поддержки артиллерии, отсутствие инициативы командиров младшего и среднего звена (взвод-батальон)¹. Похоже, будущий видный советский военачальник был недалек от истины.

21 января 1940 года начала наступление и 56-я стрелковая дивизия. Первый же день показал, что оно не будет легким: подразделения 213-го стрелкового полка продвинулись лишь на 300—500 м, причем первый батальон вышел на восточный берег оз. Колланярви. 184-й стрелковый полк вклинился в оборону противника на 800 м². На следующий день первый батальон 213-го полка занял северо-западный берег озера Петя-лампи, после чего связь с ним была потеряна. 23 января та же история повторилась с 3-м батальоном этого же полка. 24 января 3-й батальон 184-го стрелкового полка решительной штыковой атакой овладел рощей, где уничтожил гарнизоны четырех финских дзотов, прикрывавших отход оборонявшихся подразделений³.

Только 25 января выяснилось, что 1 и 3-й батальоны 213-го стрелкового полка обороняются в роще на берегу Петя-лампи, отражая попытки противника расчленивать их позиции. Атаки 184-го полка в этот день успеха не имели. Командование дивизии сформировало от-

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 9, Д. 44 Л. не указан.

² Там же. Оп. 10, Д. 962. Л. 86.

³ Там же. Л. 89, 95, 99.

ряд в составе подразделений 37-го стрелкового полка и лыжного батальона¹. Вечером 25 января отряд скрылся в лесу и больше не появлялся. Группы 38-го разведывательного батальона искали отряд, с которым связь была прервана еще 27 января, но лишь 2 февраля были найдены подразделения лыжного батальона, которые, в отличие от роты 37-го полка, сумели выйти из окружения².

28—29 января части дивизии отошли почти в исходное положение. Отступление прикрывали разведывательный батальон и остатки (как указано в оперативной сводке) двух батальонов 213-го стрелкового полка³.

4 февраля в серьезный переплет попали и сами разведчики. Разведывательная группа во время одного из поисков «языка» оказалась окруженной автоматчиками и снайперами противника и вышла из кольца в ночь на 5 февраля лишь после упорного боя, в ходе которого ее поддержали главные силы батальона и лыжный батальон. Потери группы составили 41 человек убитыми и 24 ранеными⁴. Соотношение потерь позволяет предположить, что разведчики нарвались на засаду и не сразу сумели организовать отпор противнику.

Предприняла несколько атак и 164-я стрелковая дивизия, но результат ее усилий, как и других соединений, был невелик: два ее полка продвинулись всего на

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 104.

² Там же. Л. 120—122.

³ Там же. Л. 115.

⁴ Там же. Л. 118, 139—140.

километр и были остановлены¹. Для охраны коммуникаций командование дивизии сформировало на узкоколейной ветке от станции Питсийоки некое подобие бронепоезда из четырех бронеплощадок, на которых были установлены обыкновенные пушки и пулеметы. Поезд начал курсировать 25 января и, видимо, серьезно мешал действиям финских диверсионных и разведывательных групп. 1 февраля взорвали пути, но бронепоезд продолжал свои рейсы. Наконец, 4 февраля неприятельские диверсанты взорвали рельсы прямо перед паровозом. Поезд свалился с насыпи и получил серьезные повреждения².

Не имели успеха и попытки пробиться к окруженным соединениям. Части 60-й и 72-й стрелковых дивизий, отвоёвав у противника около полутора километров заснеженного пространства, залегли под плотным огнем и далее продвинуться не смогли.

27 января командование 8-й армии предприняло еще одну операцию: 194-й стрелковый полк 60-й дивизии должен был выбить финнов с острова Лункулансаари на Ладожском озере, обстрел с которого серьезно затруднял снабжение 168-й дивизии, чьи коммуникации проходили по льду Ладоги. Однако командованию дивизии не удалось полностью сосредоточить весь полк, который вел бои в районе Уома. Тем не менее, сначала батальон 194-го стрелкового полка сумел ворваться на остров и закрепиться на его юго-восточной части. Контратаки финнов усиливались, и командование прислало в качестве подкрепления батальон

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 3209. Л. не указан.

² Там же.

6-го полка Финской народной армии, который при виде наступавшего противника пустился в такое бегство, что не выдержали и подразделения 194-го стрелкового полка¹.

В эти же дни 273-й горно-стрелковый полк, действовавший в составе 122-й стрелковой дивизии, и 426-й стрелковый полк 88-й дивизии в секторе 9-й армии попытались выбить противника с выгодных позиций в районе Сайя. Но если 273-й полк действовал достаточно умело и решительно, то 426-й во многом предопределил неудачный исход операции. Впрочем, противнику помогали не только суровая зима, но и обстрелы наступающих собственными артиллерией и авиацией².

Тем временем на Карельском перешейке завершались последние приготовления. Час штурма «линии Маннергейма» приближался...

Глава 6

ТРАГЕДИЯ ОКРУЖЕННЫХ

В Приладожской Карелии

Превосходство Красной Армии над финскими вооруженными силами в численности личного состава и боевой технике было достаточным если не для стремительного продвижения вперед и разгрома противника, то для медленного его выталкивания с позиций, где не было серьезных укреплений.

Однако советские военачальники умудрились вести боевые действия таким образом, что ряд соедине-

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 9, Д. 273. Л. 205.

² Там же. Оп. 5, Д. 57. Л. не указаны.

ний 8-й армии, наступавших в начале войны северо-западнее Ладоги, и 9-й армии в приполярной Карелии оказался в окружении.

Для начала уточним, какие именно части и соединения попали в это трудное положение, поскольку до сих пор этот вопрос не освещен достаточно полно. А.М. Носков в своей статье писал только лишь о поражении 44-й стрелковой дивизии¹. Михаил Иванович Семиряга, как обычно, сделал громкое заявление: на этот раз о том, что *«были почти полностью уничтожены 139-я и 75-я стрелковые дивизии, а 163-я дивизия попала в окружение и потеряла почти 5 тысяч бойцов. Посланная ей на выручку 44-я стрелковая дивизия также была окружена и почти полностью погибла. И в конце февраля положение на этом направлении оставалось сложным. Еще две дивизии попали в окружение: 18-я и 168-я. Причем если 168-я дивизия, снабжавшаяся по воздуху, смогла продержаться до конца войны, то 18-я дивизия при попытке вырваться из окружения была почти полностью уничтожена»*².

Отнюдь не все это соответствует действительности. Начнем с того, что ни 139-я, ни 75-я стрелковые дивизии в окружение не попадали (читатели могут убедиться в этом в главе «Первый месяц войны») и уничтожены не были. 163-я и 44-я дивизии, попав в окружение, понесли тяжелые потери, только действовали они во все не на одном направлении с 18-й и 168-й и даже в составе разных армий. Но на изучение таких «мелочей» у М.И. Семиряги, скорее всего не смотревшего в

¹ Носков А.М. Северный узел // Военно-исторический журнал, 1990, № 7. С. 9.

² Семиряга М.И. Указ. соч. С. 26.

ЦГАСА-РГВА дела, посвященные советско-финляндской войне, просто не хватает времени и желания, равно как и на то, чтобы узнать, что 18-я и 168-я стрелковые дивизии оказались в неприятельском кольце еще в январе вместе с 34-й легкой танковой бригадой. Кроме того, никто из известных мне авторов ни словом не обмолвился о действиях в окружении 54-й горно-стрелковой дивизии. Поэтому в этой главе повествование ограничится в основном действиями всего шести соединений 8-й и 9-й армий: 18, 44, 163 и 168-й стрелковых дивизий, 54-й горно-стрелковой дивизии и 34-й легкой танковой бригады.

Историю боевых действий окруженных соединений 8-й армии необходимо рассматривать в их совокупности, ибо они оказались в сложнейшей ситуации примерно в одно и то же время. Перед войной они входили в 56-й стрелковый корпус 8-й армии, главной задачей которого было наступление на сортавальском направлении.

Отметим, что 18-я стрелковая дивизия была кадровой и в течение длительного времени дислоцировалась в Карелии, тогда как 168-я была сформирована в августе во время «больших учебных сборов» и уже в начале сентября переброшена к границе. 34-я легкая танковая бригада была переброшена в район Петрозаводска в октябре, причем один из ее батальонов — 86-й — временно вывели из состава бригады и направили еще севернее — в район Мурманска, где он и принял участие в войне. Уже к 14 сентября на границе Видлицы были передовые части обеих дивизий¹.

¹ РГВА. Коллекция Оп. 1, Д. 232. Л. 11.

168-я стрелковая дивизия получила все типичные «детские болезни» второстепенных дивизий, сформированных в основном из резервистов, большей частью даже не служивших ранее в армии. Поэтому их пришлось обучать самым простейшим азам военного дела, и времени на проведение серьезных тактических занятий, в ходе которых командиры сумели бы овладеть навыками управления войсками в сложных природных условиях, оставалось крайне мало. В дивизии так и не был сформирован гаубичный артполк, а половине дивизионного автотранспорта, поступившего из разных ведомств и организаций, требовался ремонт¹.

Тем не менее в первые дни боевых действий и 168-я, и 18-я дивизии вместе с поддерживавшей их танковой бригадой продвигались медленно, но без особенных проблем, тем более что против них действовали лишь два егерских батальона (8-й и 9-й). Несмотря на значительное превосходство, лишь 10 декабря, на неделю позже срока, предусмотренного планом, 402-й стрелковый полк 168-й дивизии занял г. Питкяранта. К этому моменту части 18-й и 168-й дивизий и поддерживавшей их танковой бригады продвинулись на 45—50 км и вышли в район Леметти². В последующие двое суток продвижение в западном и северо-западном направлениях продолжалось, но уже с более упорными боями, поскольку в район боевых действий вышли части 13-й пехотной дивизии и подразделения 35-го и 36-го пехотных полков 12-й пд. К 15 декабря на фронте находились 2-й батальон 37-го пехотного полка, 8-й егерский батальон, 38-й пехотный полк, батальон 36-го

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 3260. Л. 7, Оп. 11, Д. 210. Л. 71.

² Там же.

пехотного полка и батальон 39-го пехотного полка. Кроме того, в ближайшем тылу находились по два батальона 37-го и 39-го полков и батальон 36-го полка¹.

18 декабря 1939 года 367-й стрелковый полк 168-й дивизии занял населенный пункт Вурилампи, после чего левофланговые части 56-го стрелкового корпуса уже никуда больше не продвигались².

Финские части и соединения не стали контратаковать в лоб. Командир 4-го армейского корпуса финской армии генерал-майор Ю.-В. Хеглунд прекрасно понимал, что такие действия вряд ли приведут к успеху, поскольку, несмотря на значительные потери (168-я стрелковая дивизия, например, потеряла около 3000 человек убитыми и ранеными³) и усталость, советские дивизии сохраняли превосходство в живой силе и особенно в технике и вооружении. Поэтому по мере накопления сил финны, пользуясь своим превосходством в лыжной подготовке и разрывами в боевой линии, стали проникать в тыл советских дивизий, прерывая их коммуникации и минирруя дороги. От последних крайне зависели советские войска, либо не имевшие лыж, либо не умевшие ими воспользоваться. К 22 декабря части 56-го стрелкового корпуса окончательно перешли к обороне. Уже первые нападения финских отрядов на немногочисленные дороги заставили командование 56-го корпуса вывести с фронта для их охраны 83-й танковый батальон 34-й танковой бригады, а затем и роту 82-го батальона⁴.

¹ Sotaarkisto (Военный архив Финляндии, далее — SA) P-1150/1. Л. не указан.

² РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 3260. Л. 10.

³ Там же. Л. 53.

⁴ Там же. Оп. 11, Д. 210. Л. 12.

Тем не менее к 26 декабря финнам удалось создать два минированных завала на дороге Лаваярви—Леметти в районе Уома и к 28 декабря полностью прервать сообщение по этой трассе. К этому моменту на фронте против левофланговых соединений 56-го корпуса находились следующие финские силы: второй батальон 35-го пехотного полка, 8-й специальный батальон, по два батальона 38 и 37-го пехотных полков и батальон 36-го пехотного полка. Кроме того, в резерве в ближайшем тылу находились третьи батальоны 37-го и 38-го полков, батальон 36-го полка и полностью 39-й полк¹. Следует отметить, что финское командование с первых же дней напряженных боев в Приладожье неоднократно выводило во второй эшелон и в резерв подразделения, дольше других находившиеся на передовой и понесшие наибольшие потери, чего сначала не хотел, а затем и не мог делать штаб 56-го корпуса.

28 декабря финнам удалось окончательно перерезать дорогу в районе Уома, и хотя атаки на 316-й стрелковый полк не привели к успеху, положение частей и соединений, глубоко продвинувшихся на территорию Финляндии, резко осложнилось². Командование 56-го корпуса сразу же попыталось ликвидировать опасную ситуацию. В период с 1 по 5 января 1940 года группа войск корпуса в составе 82-го танкового батальона, двух рот 179-го мотострелкового батальона, батальона 97-го стрелкового полка и некоторых тыловых подразделений неоднократно атаковала позиции финнов в районе Уома. Однако, несмотря на упорство, прояв-

¹ SA P-1150/1. Л. не указан.

² РГВА. Ф. 34980, Оп. 11, Д. 210. Л. 13.

ленное советскими солдатами и командирами, не удалось прорвать оборону противника и провести в Леметти колонну из 168 машин с продовольствием, боеприпасами и горючим¹.

В это же время финнам удалось рассеять гарнизон Леметти на две части, которые в советских сводках назывались южной и северной, а в финских — восточной и западной. В Леметти северном находились 76-й танковый батальон 34-й бригады, некоторые тыловые подразделения 18-й стрелковой дивизии общей численностью около 750 человек, два орудия и около 30 танков. В южной части гарнизона оказались штабы 18-й дивизии и 34-й бригады, 83-й танковый батальон, подразделения 201-го отдельного огнеметного танкового батальона, две роты 97-го стрелкового полка, батарея 3-го артполка, зенитно-пулеметная рота, отдельные орудия из корпусного и гаубичного артполков, всего около 4000 человек, 226 автомобилей, около 10 орудий и более 80 танков². Командованию двух соединений оставался выбор между пассивным ожиданием подхода своих, попыткой соединения с остальными гарнизонами и самостоятельным прорывом на восток, к главным силам 8-й армии.

Командование окруженных соединений предпочло первый вариант, не пытаясь даже соединиться с ближайшими соседями в северном Леметти. Помимо этого в районе южного Леметти не была налажена система обороны. И по финским схемам захваченного района, и по заключению комиссии штаба 15-й армии не были заняты выгодные рубежи обороны, танки нахо-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 14.

² Там же. Оп. 8, Д. 20. Л. 149; Оп. 9, Д. 1176. Л. 6.

дились в полном беспорядке, их даже не попытались расположить так, чтобы они огнем орудий и пулеметов усиливали боевые порядки, более того, некоторые из них так и остались в качестве мишеней на дороге. Как было указано в докладе штаба 15-й армии: «...оборона Леметти южное организовывалась стихийно, части и подразделения, прибывшие в Леметти, строили оборону там, где они остановились, для непосредственной охраны себя. Это привело к тому, что район обороны был растянут вдоль дороги на 2 км, а в ширину имел всего лишь 400—800 м. Такая ширина обороны поставила гарнизон в исключительно тяжелое положение, так как противник простреливал его действительным огнем из всех видов оружия. Допущенная ошибка в организации обороны обусловила то, что высота «А», представлявшая большую тактическую ценность, не была занята, а командная высота над районом Леметти южное «Б» занималась недостаточными силами (60 чел. с одним пулеметом) и поэтому при первой же атаке противника была оставлена. Противник, заняв высоты, получил полную возможность в упор расстреливать людей, боевые и транспортные машины, наблюдать за поведением и действиями гарнизона... Большинство танков 34 тбр и 201 тбб не были расставлены как огневые точки, а находились непосредственно на дороге... Количество огнеприпасов точно установить не представляется возможным, но нужно сказать, что их было достаточно, к моменту выхода из окружения... оставалось до 12 тыс. снарядов и 40—45 тысяч патронов. К 5 января танки имели до двух заправок горючего. Это позволяло поставить их на более удобные позиции для обороны, чего сделано не было...»¹.

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 811, Д. 39. Л. 153—154.

Командование 18-й стрелковой дивизии и 34-й танковой бригады не сумело восстановить положение и после того, как 168-я стрелковая дивизия выслала на помощь два батальона 462-го полка и батальон 402-го полка. В результате неумелого руководства со стороны штаба 56-го стрелкового корпуса атаки частей 168-й стрелковой дивизии не имели полного успеха и высланные батальоны сумели дойти только до района Митро, Руокоярви, где находились подразделения 208-го и 316-го стрелковых, 3-го артиллерийского и 12-го гаубичного артиллерийского полков, 381-го танкового и 56-го разведывательного батальонов 18-й дивизии, а также 82-го танкового, 224-го разведывательного и 179-го мотострелкового батальонов 34-й бригады¹.

Не удалось прорвать финскую оборону в районе Уома и прибывшим пограничникам, хотя даже финны отмечали, что их действия носят более осмысленный характер и бороться с ними, неплохо владеющими лыжами, значительно сложнее, чем с армейскими частями².

Уже 8 января финны разбросали с самолетов листовки следующего содержания: *«Бойцы 18-й и 168-й дивизий! Вам известно, что вы окружены и все ваши связи с Родиной порваны. Почему вы продолжаете эту ненадежную (видимо, хотели сказать безнадежную. — П.А.) борьбу против нашего перевеса, мороза и голода. Обоз 8-й армии, которого вы ожидаете, финны истребили около Сальми. Предлагаем вам немедленно сдаться»*.

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 20. Л. 150; Оп. 11, Д. 210. Л. 14

² SA P-1147/4. Л. 21.

Другая листовка содержала не меньше грамматических ошибок: *«Не вы виноваты в нападении в Финляндию, это затеяли ваши командиры и комиссары, поджигатели войны. Мы это знаем и не хотим проливать вашу кровь. Советуем вам следующее:*

ЗДАЙТЕСЬ !

Для этого вы должны выбрать из своей среды переговорщиков, которые должны явиться завтра утром в 9 часов в следующие места:

- 1. У полотна железной дороги в Кителя*
- 2. На перекрестке у Руокоярви*
- 3. У Рухтинамяки*
- 4. В дер. Лаваярви*
- 5. На мосту 5 километров на юг от Уксу.*

Переговорщики должны быть безоружными и иметь кол с белым платком. Так уже сделали тысячи ваших товарищей на севере будьте рассудительными и следуйте их примеру.

Командир и солдаты 4-й финской армии»¹.

Помимо грамматических и лексических ошибок, листовки содержат наивное заблуждение финнов, что русские солдаты так просто сдадутся на милость врагу, причем ни бдительные политруки, ни еще более бдительные особисты не помешают сдаче в плен.

Разведывательный же отдел штаба 4-го армейского корпуса оценивал обстановку на 10 января следующим образом: советские войска любыми средствами пытаются удержаться в этом важном районе. При этом мо-

¹ SA P-1150/2. Л. 321, 348.

ральное состояние большей части войск в значительной степени пошатнулось, обе дивизии и танковая бригада понесли крупные потери, при этом в 168-й дивизии, несмотря на получение примерно тысячи человек пополнения, укомплектованность стрелковых полков не превышает половины. Знали финны и об отправке на помощь 18-й дивизии трех батальонов из 402-го и 462-го стрелковых полков. По их сведениям, два батальона 462-го полка были влиты в 208-й стрелковый полк 18-й дивизии, после чего он насчитывал около 500 человек, 316-й стрелковый полк с начала войны не получал пополнений и был крайне малочислен, не вполне верно финны рассчитали силы 34-й танковой бригады в Леметти: по их данным, там находились всего около 500 человек и лишь 15—20 исправных танков.

Знали они и о подходе к Уома подразделений 620-го стрелкового полка, который, по их данным, имел неплохое снаряжение, в том числе и лыжи, и вооружение, но качество командного состава справедливо оценивалось ими как невысокое¹.

12 января 1940 года командиры некоторых частей 18-й стрелковой дивизии отдали приказ о наведении порядка в тылах и движении бойцов и командиров на передовой линии и во втором эшелоне, однако вскоре он оказался ненужным: фронт был уже со всех сторон.

16—19 января противник предпринял новое наступление, в котором участвовали 38-й пехотный полк в полном составе, по два батальона 37-го и 39-го полков,

¹ SA P-1150/2. Л. 283.

а также 2-й батальон 35-го полка, 22-й специальный и 4-й егерский батальоны, три батальона (1-й и 3-й 36-го пехотного полка и 1-й 34-го полка) образовывали внешнее кольцо окружения, кроме того еще пять батальонов (по одному из 36, 37 и 39-го полков и 8 и 18-й специальные) были введены в бой в ходе операции, которая привела к значительному успеху финской армии на этом направлении: финнам удалось выйти на подступы к Питкяранта¹, главному пункту снабжения и сосредоточения советских войск, они даже попытались с ходу взять город, но штурм был отражен подошедшими частями 11-й стрелковой дивизии (219-й стрелковый полк) и 60-й дивизии (194-й стрелковый полк). Тем самым значительно уменьшились возможности оказания помощи окруженным войскам путем прорыва в район блокады. Помимо этого финны овладели рядом островов, которые командование 8-й армии выпустило из-под своего контроля. Оставив небольшие гарнизоны на островах Петя-саари, Зуб, Максиман-саари и Лункулан-саари, противник получил возможность угрожать левому флангу 8-й армии посредством диверсий на дорогах и обстреливая ледовую коммуникацию, по которой шло снабжение 168-й стрелковой дивизии, т. к. фланги ее обороны опирались на Ладожское озеро.

Кроме того, в период с 16 по 20 января финнам удалось окружить и прочно заблокировать гарнизон Уома (подразделения 97-го и 620-го стрелковых полков, 82-го танкового батальона, некоторых других частей 18-й дивизии, насчитывавшие в общей сложности около 1100 человек, примерно половину которых составляли раненые и обмороженные, 8 танков, 6 ору-

¹ SA P-1150/2. Л. 287.

дий, 34 пулемета, более 50 автомашин), у развилки дорог (подразделения тех же стрелковых полков, а также 3-го артиллерийского, 467-го корпусного артиллерийского полков, 82-го танкового батальона и 64-го противотанкового дивизиона, всего — более 1200 человек, 8 танков, 8 орудий, 20 пулеметов, примерно 40% личного состава были ранены и обморожены), гарнизон у оз. Сари-ярви (третий батальон, противотанковая и 76-мм полковая батарея 97-го стрелкового полка, танковый взвод 83-го танкового батальона, всего 476 человек, 3 танка, 8 орудий и 36 пулеметов), гарнизон Лаваярви (первый и второй батальоны (без трех рот) и разведывательная рота 97-го стрелкового полка, лыжный батальон 18-й стрелковой дивизии, батарея 467-го корпусного артполка, всего более 1100 человек, 8 орудий, 45 пулеметов)¹.

168-я стрелковая дивизия была заблокирована противником несколько раньше, но несмотря на значительные потери в предыдущих боях и выделение трех батальонов на помощь 18-й дивизии (из их состава возвратились в дивизию лишь немногие), сумела удержать свой район обороны, несколько сократив его для уплотнения боевых порядков, но с другой стороны — сохранив за собой несколько важных высот, господствовавших над расположением дивизии². Вместо перерезанных коммуникаций по льду Ладожского озера была проложена дорога (предвестник знаменитой «Дороги жизни»), которую финны, несмотря на постоянные обстрелы и попытки нападения на обозы, так и не смогли прервать. Именно она и позволила выстоять

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 8, Д. 20. Л. 150.

² Там же. Оп. 10, Д. 3260. Л. не указан.

дивизии почти два месяца в осаде. Финны, ободренные успехом боев второй декады января, попытались, правда, расчленив оборону соединения, но после нескольких неудачных атак перешли к осаде, беспокоя время от времени окруженный гарнизон короткими артиллерийскими налетами¹.

Окружение 18-й и 168-й дивизий вместе с 34-й легкой танковой бригадой явилось результатом плохого управления войсками со стороны штабов 56-го стрелкового корпуса и 8-й армии, неудовлетворительного ведения разведки, а также низкого уровня лыжной подготовки, что полностью лишало наши части возможности маневрировать вне дорог. Посланный в распоряжение штаба 8-й армии полковник Н.П. Раевский, назначенный вскоре начальником штаба 164-й стрелковой дивизии, в своем донесении К.Е. Ворошилову писал: *«Удивительно, что наши войска несут огромные потери... из-за того, что не умеют ходить на лыжах, несмотря на массу ранее отданных приказов о лыжной подготовке...»*². Для ликвидации такого положения он предлагал призвать на военную службу мастеров лыжного спорта для создания специальных отрядов, которые уже существовали в финской армии.

Однако остальные предложения полковника Раевского были, мягко говоря, трудновыполнимыми. В частности, он предлагал перейти к тактике сплошного прочесывания лесов, для чего следовало сосредоточить максимально возможное количество войск НКВД и даже милиции, а кроме того, для затруднения действий диверсионных групп противника прислать на

¹ РГВА. Указ. соч.

² Там же. Оп. 14, Д. 90. Л. не указан.

финский фронт все саперные и дорожные части из внутренних округов, а также специальную технику для вырубki леса и прокладки дорог¹.

Для большевиков, как говорил товарищ Сталин, нет непреодолимых трудностей. *«Надо перейти к тактике сплошного прочесывания, для чего нужно много войск. Но разве их у нас мало?»*² По его мнению, видимо, причина была именно в малом количестве войск, половину которых можно было бы положить перед окопами противника, а вторая задавила бы его. Типичный пример советского полководческого искусства. Впрочем, подобная тактика — скорее не вина, а беда полковника Раевского, как, впрочем, и многих других командиров в то время, когда всей армией руководил человек, умственные возможности которого позволяли в лучшем случае командовать бригадой или дивизией. Но он руководил многомиллионной Красной Армией и не слишком хотел слушать начальника Генерального штаба.

Тем временем финны, надежно блокировав гарнизоны, начали их поэтапную ликвидацию, точно выбирая момент, когда голод и холод подкосят силы красноармейцев и командиров. Маршал Маннергейм и генерал Хеглунд хорошо знали историю войн, в том числе и войны 1812 года, только зимой 1939/40 годов Генерал Мороз был не на русской стороне.

Уже 25 января из отдельных гарнизонов стали поступать сведения об истощении продовольственных запасов. Дальше — хуже. 29 января из штаба 18-й стрелковой дивизии: *«Продовольствия не сбросили, по-*

¹ РГВА. Указ. соч.

² Там же.

чему — непонятно. Голодные, положение тяжелое». В тот же день из гарнизона у развилки дорог пришло другое сообщение: «Окружены 16 суток, раненых 500 человек. Боеприпасов, продовольствия нет. Доедаем последнюю лошадь»¹.

2 февраля финнам удалось уничтожить гарнизон Леметти северное. В бою погибло и было взято в плен более 700 человек. Лишь двадцати удалось пробраться в Леметти южное, чтобы продолжить борьбу в таких же нечеловеческих условиях².

По данным финских историков, трофеями частей 4-го армейского корпуса стали 32 танка (большой частью неисправных), 7 орудий и минометов, большое количество стрелкового вооружения и 30 грузовых машин³.

5 февраля от гарнизона «Развилка дорог» поступила еще одна радиограмма: «Положение тяжелое, лошадей съели, сброса не было. Больных 600 человек. Голод. Цинга. Смерть»⁴.

Удивительно, но и в обстановке, когда не хватало продуктов и боеприпасов, под перекрестным огнем противника из всех видов оружия наши бойцы и командиры продолжали держаться на заснеженных клочках земли, которая через несколько месяцев станет частью территории советской Карелии. Непонятно ради чего, но держались, сражаясь до последнего.

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 9, Д. 1187. Л. 4, 6.

² Там же. Оп. 11, Д. 210. Л. 15.

³ Talvisodan historia t. 3 Porvoo, 1978, s. 92.

⁴ РГВА. Ф. 34980, Оп. 9, Д. 1187. Л. 10.

8 февраля: *«Продовольствие сбросили восточнее, часть подобрал»*¹. После этого радиোগраммы стали несколько более спокойными; поскольку окруженные явно слышали звуки артиллерийской канонады и боя. 9 февраля войска 8-го стрелкового, вошедшего в состав южной группы 8-й армии, начали наступление с целью деблокады 18-й и 168-й дивизий. Однако оно не получило развития: продвинувшись на расстояние от нескольких сот метров до полутора километров, части корпуса остановились и стали закрепляться на завоеванных большой кровью позициях. После этого блокада вновь усилилась, положение наших подразделений вновь ухудшилось. 13 февраля из гарнизона *«Развилка дорог»*: *«Умираем с голоду, усильте сброс продовольствия, не дайте умереть позорной смертью»*².

Впрочем, финнам эти победы давались тоже не бескровно. На 26 декабря финские подразделения имели следующую численность: 1-й батальон 36-го пехотного полка — 704 чел., 2-й — 759, 3-й — 895, 1-й батальон 37-го полка — 730, 1-й батальон 38-го полка — 660, численность батальонов 39-го полка составляла 718, 710 и 731 человек соответственно. К 1 февраля все батальоны, в том числе появившиеся на фронте позднее, значительно поредели. Так, оставшийся на фронте 2-й батальон 36-го полка насчитывал всего лишь 459 солдат и офицеров, батальоны 37-го полка — 567, 578 и 381, в 38-м полку — 502, 489 и 813, в 39-м — 526, 476 и 426, наконец, значительные потери понесли два батальона 64-го полка, прибывшие на фронт к началу

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 23.

² Там же. Л. 43.

январского финского контрнаступления, имевшие всего лишь 418 и 403 человека, более или менее полнокровным был 8-й егерский батальон — 717 человек, остальные два егерских батальона — 4-й и 18-й — насчитывали всего 472 и 511 человек: ненамного больше, чем кавалерийский эскадрон 13-й дивизии¹. Отметим, что штатная численность батальона финского пехотного полка составляла около 800 человек, а егерского — примерно 850.

15 февраля противник усилил натиск на гарнизон Митро-полустанок Рускасет, или «КП четырех полков» (в документах 4-го армейского корпуса он значится как «gukmentti motissa» — окруженные полки), где находились батальоны 208-го и 316-го стрелковых и батареи 3-го артиллерийского и 12-го гаубичного артиллерийского полков 18-й дивизии. В ночь на 18 февраля его остатки общей численностью около 1700 человек начали прорыв из окружения. По одним данным, колонна, половину личного состава которой составляли раненые и обмороженные, пыталась пробиться в Леметти южное, но более реальной представляется версия о том, что целью гарнизона являлся район обороны 168-й дивизии. Отход прикрывали бойцы и командиры 83-го танкового и 224-го разведывательного батальонов 34-й бригады. Они сражались до последнего, чтобы их боевые товарищи прорвались к своим. Из этого боя не вернулся **ни один** танкист и разведчик². Однако и стрелкам, и артиллеристам также не удалось вырваться из окружения: днем 18 февраля эта

¹ SA P-1150/6.

² РГВА. Ф. 34980, Оп. 11, Д. 210. Л. 15.

группа была уничтожена в районе высоты 79,0. В район обороны 168-й стрелковой дивизии прорвались лишь 30 человек¹. По финским данным, трофеи составили 20 танков, 32 полевых и 2 противотанковые пушки, 6 зенитных четырехствольных, 63 станковых и ручных пулемета, 17 тракторов, 25 автомобилей, более 200 повозок. В финском плену оказалось более 250 человек².

Единственным успехом можно считать в этой ситуации выход из окружения гарнизона Ловаярви, который в ночь на 15 февраля уничтожил финский заслон и 16-го числа соединился с главными силами только что созданной 15-й армии. К своим вышли 810 человек с 34 пулеметами. 280 человек погибли и пропали без вести, тяжелое оружие было уничтожено при выходе³. Положение остальных окруженных гарнизонов постепенно ухудшалось.

18 февраля из Леметти южное: *«Почему морите голодом, дайте продфуража»*.

19 февраля из «Развилки дорог»: *«Сброса нет»*. В тот же день от командира 34-й легкотанковой бригады комбрига С.И. Кондратьева (Леметти): *«P-5 все сегодня сбросили противнику»*⁴.

В ночь на 19 февраля финны, воспользовавшись плохой организацией обороны в Леметти, овладели несколькими высотами, что позволило им полностью

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 8, Д. 20. Л. 151, Оп. 9, Д. 1175. Л. 27.

² SA P-1147/4. Л. 33.

³ РГВА. Ф. 34980, Оп. 8, Д. 1175. Л. 151.

⁴ Там же, Оп. 9, Д. 1187. Л. 67, 75, 78.

взять под контроль все перемещения окруженных, площадь их обороны сократилась до одного километра в длину и примерно 400 метров в ширину¹.

21 февраля от комбрига С.И. Кондратьева: *«Помогите, умираем голодной смертью»*.

22 февраля, в канун дня Красной Армии, отсюда же: *«Авиация по ошибке бомбила нас. Помогите, выручайте, иначе погибнем все»*. В этот же день от «Развилки дорог»: *«Положение тяжелое, несем потери, срочно помогите, держаться нет сил»*². Однако они вдруг откуда-то появлялись, похоже, осажденные держались «одним ожесточением воли».

23 февраля, красный день календаря. От гарнизона «Развилка дорог»: *«40 дней окружены, не верится, что противник силен. Освободите от напрасной гибели. Мы все истощены. Судьбу Кожекина (речь идет о гарнизоне Сари-ярви. — П.А.) не знаем, нет сил, положение тяжелое»*³.

А в Кремле в тот день был очередной банкет в честь 22-й годовщины Красной Армии. Пили и ели, как и всегда, много. Семен Михайлович Буденный, по обыкновению, с большим чувством играл на баяне, кто-то подпевал, кто-то плясал. Правда, на этом банкете не было Начальника Генерального штаба РККА Б.М. Шапошникова. Он, возможно, разрабатывал оче-

¹ SA P-1147/4. Л. 44.

² РГВА. Ф. 34980, Оп. 9, Д. 1187. Л. 92—93, 99.

³ Там же. Л. 104, 106.

редной план вывода из окружения войск 56-го корпуса.

Все остальные руководители Красной Армии не отказались от застолья, тем более что был повод выпить и закусить: на Карельском перешейке прорвали «линию Маннергейма». Вряд ли кто из них вспомнил о тех, кто, находясь за полторы-две тысячи километров от Москвы, не мог отметить это событие не то что фронтowymi ста граммами и банкой консервов, а даже половиной буханки мерзлого хлеба.

Финны тем временем преподнесли Ворошилову очередной неприятный подарок. 23 февраля был уничтожен гарнизон у озера Сари-ярви. Спасшихся не было. Уже после войны на месте расположения 3-го батальона 97-го стрелкового полка были обнаружены 131 труп и две братские могилы, сооруженные финнами. По данным финских источников, трофеями 4-го армейского корпуса были 6 полковых и 6 противотанковых пушек, 4 миномета, 4 танка, около 60 пулеметов, часть которых была неисправна¹.

Впрочем, для финнов захват каждого орудия, даже каждого пулемета и винтовки был очень важен: в феврале 1940 года, т.е. в разгар боев, штаб 4-го армейского корпуса отдал приказ, в котором указывалось на необходимость бережного отношения к устаревшему оружию, тщательного сбора трофейного стрелкового и артиллерийского вооружения. Более того, войскам предписывалось изготавливать оружие в мастерских².

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 8, Д. 20. Л. 152.

² SA P-1150/5. Л. не указан.

25—27 февраля к гарнизону «Развилка дорог» попытался прорваться лыжный эскадрон, но к окруженным вышли лишь три обморожённых бойца, эскадрон был разгромлен¹.

26 февраля командование гарнизона Леметти южное отправило в штаб 56-го корпуса еще одну радиogramму: «Помогите, штурмуйте противника, сбросьте продукты и покурить. Вчера три ТБ развернулись и улетели, ничего не сбросили. Почему морите голодом? Окажите помощь, иначе погибнем все»². Командующий 15-й армией командарм 2-го ранга В.Н. Курдюмов в ответной телеграмме посоветовал окруженным успокоиться и запросил командование окруженных гарнизонов о возможности посадки самолетов на занятой территории. Те ответили отрицательно. Тогда Курдюмов попросил продержаться еще пару дней и пообещал помощь³. Однако командование окруженного гарнизона требовало разрешения на выход из окружения. Военный Совет 15-й армии, получив в ночь на 28 февраля разрешение Ставки, приказал начать отход из Леметти с наступлением темноты, указав на необходимость вывоза раненых и вывода материальной части из строя⁴.

По какой-то непонятной причине гарнизон был разделен на две колонны: северную, под командованием командира 34-й танковой бригады комбрига Кондратьева, и южную, под командованием начальника штаба 18-й дивизии полковника Алексеева (комбриг Г.Ф. Кондрашев был ранен 25 февраля), общей чис-

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 9, Д. 1187. Л. 137.

² Там же. Л. 140.

³ Там же. Оп. 8, Д. 20, Л. 124.

⁴ Там же. Д. 39, Л. 156.

ленностью 3261 человек¹. По донесению комиссии штаба 15-й армии: «Кондрашев организовал выход очень плохо. Даже часть командного состава не знала, какие подразделения входят в состав каких колонн... План выхода был разработан с расчетом на более легкий выход северной колонны, в которой, по плану, следовало командование, штабы и наиболее здоровые люди...

Колонна Кондрашева из Леметти южное выступила около 22 часов и двигалась от командного пункта 34-й легкотанковой бригады вдоль дороги, проходящей по тропе к юго-западному берегу оз. Вуортана-ярви. Личный состав колонны был вооружен винтовками и револьверами, кроме того колонна имела 3 комплексных зенитных установки и 2—3 танка БТ-7, которые предполагалось использовать для поддержки выхода, но в силу плохой организации их не использовали и даже забыли предупредить экипажи о выходе... Приказание Военного Совета о порче техники и материальной части полностью выполнено не было.

Несмотря на приказание Военного Совета армии обязательно взять с собой всех больных и раненых, тяжело больные и раненые были оставлены, причем выход гарнизона был преднамеренно скрыт от них...»².

Интересно, чувствовал ли угрызения совести раненый комбриг Кондрашев, которого несли на руках, оставляя более 120 своих тяжелораненых соратников в землянках на голодную и холодную смерть, или надеялся на доброту финнов, окружавших его гарнизон. Впрочем, то, что сделали финны с оставленными ранеными, судя по документам штаба 15-й армии, выхо-

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 20. Л. 125.

² Там же. Д. 39. Л. 156—157.

дило далеко за рамки не только Гаагской конвенции, но и обыкновенной человечности: часть землянок была забросана гранатами (некоторые раненые, возможно, пытались сопротивляться), а часть была обнаружена сожженными, причем некоторые обгоревшие скелеты сохранили следы колючей проволоки, которой беззащитных людей прикрутили к нарам¹.

При выходе северная колонна растянулась, потеряла управление, чем воспользовались финны, уничтожившие ее почти полностью. Опасаясь то ли плена, то ли особиствова, застрелились командир танковой бригады комбриг С.И. Кондратьев, начальник штаба полковник Н.И. Смирнов, начальники политотделов дивизии и бригады И.А. Гапанюк и И.Е. Израецкий, а также начальник особого отдела танковой бригады капитан Доронин². Финнам, помимо иных трофеев, досталось и боевое знамя 18-й Ярославской Краснознаменной стрелковой дивизии. Дивизия вскоре после окончания войны была расформирована, и в июне 1940 года ее номер приняла 111-я стрелковая дивизия.

Южная колонна была выведена полковником Алексеевым. К своим пробилась 1237 человек, 900 из которых были ранены или обморожены, 48 человек погибли при прорыве.

Таким образом, из 18 тысяч человек, находившихся в подразделениях 18-й стрелковой дивизии и 34-й танковой бригады к началу войны, примерно 2,5 тысячи оказались вне кольца, еще чуть больше тысячи из окружения вышли. Остальные были убиты или попали в плен.

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 20. Л. 122.

² Там же. Л. 125.

Это были не последние жертвы войны на этом направлении: 4 марта был взят под стражу раненый комбриг Кондрашев, которого впоследствии расстреляли, а 8 марта, видимо, боясь ответственности за поражения соединений корпуса, застрелился комдив И.Н. Черепанов¹.

Согласно документам, соединения 56-го корпуса понесли следующие потери: 168-я стрелковая дивизия — 6742 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести, 18-я стрелковая дивизия без учета потерь 97-го стрелкового полка, часть которого оказалась вне кольца, — 8754 человека, сам вышеупомянутый полк — 3097 человек. Наконец, 34-я танковая бригада — еще более 1800 человек, 143 танка и 14 броневых автомобилей².

Впрочем, данные о потерях личного состава требуют проверки по следующей причине: потери личного состава давались в документах как разность между численностью личного состава на 9 декабря и 13 марта, тогда как некоторые подразделения, оставшиеся с основными силами армии, пополнялись и вновь несли потери, кроме того, судя по всему, штабы 18-й и 168-й дивизий не учитывали потери трех батальонов 402-го и 462-го стрелковых полков, переданных в январе в 18-ю дивизию. Штаб последней по-прежнему считал их «чужими», а штаб 168-й — «выбывшими из состава дивизии». Известно, что только в районе гарнизона Леметти южное было найдено более 1600 трупов, а всего, по неокончательным данным штаба 15-й армии, окруженные гарнизоны потеряли около 3,5 тысячи человек убитыми³.

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 29. Л. 67; из личной беседы с внучкой Г.Ф. Кондрашева Г.В. Максимовой, живущей ныне в Петербурге.

² РГВА. Ф. 34980, Оп. 8, Д. 20. Л. 135; Д. 29. Л. 93; Д. 39. Л. 149.

³ Там же. Д. 20. Л. 135.

Отметим, однако, что финнам эти победы дались тоже отнюдь не бескровно: за период боевых действий части 13-й пехотной дивизии, вынесшие на себе основную тяжесть боев в Приладожской Карелии, потеряли 1171 человека убитыми, 3155 ранеными и 158 пропавшими без вести, кроме того приданные части и подразделения (64-й пехотный полк, егерские, партизанские и специальные батальоны, саперные роты) недосчитались еще 924 убитых, 2460 раненых и 102 пропавших без вести. Наконец, не назовешь малыми и потери частей 12-й пехотной дивизии, которые также участвовали в боях против левофланговой группировки 56-го корпуса: 36-й пехотный полк потерял 253 человека убитыми, 763 ранеными и 67 пропавшими без вести, а 35-й пехотный полк — 261, 470 и 27 человек соответственно¹.

Всего же 12-я пехотная дивизия, сражавшаяся в основном на лоймоловском направлении, вместе с приданными частями и подразделениями потеряла 1458 человек убитыми, 3860 ранеными и 220 пропавшими без вести².

Отметим, что соотношение потерь советских и финских войск на этом участке фронта превышает даже «обычное» для этой войны соотношение убитых 5:1.

В Приполярье

В планах советского главного командования важная роль отводилась 9-й армии, действовавшей на широком фронте — от побережья Онежского озера до По-

¹ SA P-1148/8. Л. не указан.

² Там же.

лярного круга. Это было вовсе не случайно, ведь именно в районе Суомуссалми полоса финской территории между советской границей и Ботническим заливом наиболее узка. При умелом ведении операций, благоприятном стечении обстоятельств можно было разрезать фронт противника пополам и выйти в кратчайший срок на побережье Ботнического залива на участке Оулу—Кеми. Этим решался целый ряд задач: изоляция северной Финляндии от всей остальной территории, лишение Финляндии железнодорожной коммуникации со Швецией, кроме того ставилась под угрозу и автомобильная дорога Ваза—Умео, проложенная по льду Ботнического залива, а также значительно уменьшалась опасность действий войск других иностранных держав в случае их высадки в Северной Норвегии.

Однако сил для крупномасштабного наступления на 400-километровом фронте было явно маловато. К началу войны 9-я армия фактически представляла собой стрелковый корпус, в составе которого находились три стрелковые дивизии — 122-я и 163-я стрелковые и 54-я горно-стрелковая дивизия, подход четвертой — 44-й дивизии ожидался не ранее середины декабря. Помимо этого армия могла быть усилена частями 88-й стрелковой дивизии, основные силы которой выполняли задачи обороны побережья Белого моря.

По планам командования армии и округа, армия должна была наступать поддивизионно на запад в трех расходящихся направлениях, а прибывающая 44-я дивизия предназначалась для развития успеха. 122-я стрелковая дивизия назначалась для наступления в полосе Алакуртти, Салла, впоследствии ей предписывалось наступать вдоль железной дороги на Кеми, Торнио, где она должна была соединиться с войсками 14-й

армии¹. Основным направлением действий 163-й стрелковой дивизии было суомуссальминское, после овладения этим городом ей надлежало наступать на Оулу².

Действующая на 150-километровом левом фланге армии 54-я горно-стрелковая дивизия имела на первом этапе главной задачей овладение районом Реболы, Кухмониemi, Хиликко³.

Похоже, что командование 9-й армии (командующий до 23 декабря 1939 года — комкор М.П. Духанов, начальник штаба до 7 января 1940 года — комдив А.Д. Соколов) считало предстоящие боевые действия небольшой зимней прогулкой. И в своих оперативных планах определяло дневной темп продвижения для всех трех дивизий в 23—24 км в сутки. При этом оно, видимо, надеялось, что соединениям армии не придется совершать никаких фланговых маневров⁴.

Забавно, что бывший преподаватель кафедры тактики Академии им. Фрунзе Соколов не замечал, что во время марша наших войск к границе среднесуточная скорость колонн при продвижении по дорогам без всякого сопротивления противника составляла от 12 до 16 км в сутки⁵.

Еще один не менее занимательный момент: командование армии не считало только, что по мере продвижения в глубину территории Финляндии войска будут двигаться только по дорогам, но и то, что сопротивление финской армии будет полностью подавлено в первых боях, после чего скорость продвижения возрастет

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 5, Д. 3. Л. 3.

² Там же. Л. 4—5.

³ Там же. Оп. 10, Д. 925. Л. не указан.

⁴ Там же. Оп. 5, Д. 3. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 14.

до 28—30 км в сутки. Трагическое заблуждение или элементарное пренебрежение военной наукой, стоившее многих тысяч жизней.

Каково же было состояние соединений армии? 122-я стрелковая дивизия до «Больших учебных сборов» в сокращенном составе дислоцировалась в Белорусском Особом ВО. Она приняла участие в «Освободительном походе» в Западную Белоруссию, а в октябре 1939 года была переброшена в район Кандалякши. Две трети личного состава поступили из военных комиссариатов Витебской и Могилевской областей. Но, судя по дальнейшему ходу боевых действий, командованию дивизии удалось создать боеспособное соединение, значительная часть личного состава которого овладела искусством боевых действий на лыжах. Поэтому при контрударе противника в районе Салла дивизия не поддавалась панике, как это случилось с 44-й и 163-й дивизиями.

163-я стрелковая дивизия была сформирована в период с августа по начало сентября в Ленинградском ВО. Помимо обычной для второочередного соединения болезни — плохой боевой подготовки личного состава, она испытывала также серьезные осложнения со снабжением, обмундированием и амуницией, необходимой для ведения войны в Приполярных районах. Командир дивизии комбриг А. И. Зеленцов незадолго до 30 ноября доносил в штаб армии, что во вверенном ему соединении отсутствуют маскировочные халаты, лыжи и даже валенки¹. Можно себе представить, как чувствует себя человек при 25—30-градусном морозе в кирзовых и брезентовых сапогах. Для усиления бое-

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 10, Д. 3111. Л. не указан.

способности дивизии в середине ноября ей был дан в помощь 81-й горно-стрелковый полк 54-й дивизии, взамен которого последняя получила 529-й стрелковый полк 163-й дивизии.

Значительно лучше обстояли дела в 54-й горно-стрелковой дивизии, которой командовал комбриг Н.А. Гусевский. Эта дивизия в течение длительного периода дислоцировалась в Северной Карелии и Заполярье, в ней преобладал кадровый личный состав, неплохо умевший действовать в условиях лесисто-болотистой местности. Однако даже в 54-й дивизии дела обстояли не так блестяще, как может показаться на первый взгляд. Небольшое количество приписников, прибывших в дивизию в сентябре 1939 года, не было обучено действиям на лыжах в той же степени, как кадровый состав, и при быстром передвижении они становились обузой¹. Как отрицательную, так и положительную сторону имел тот факт, что горно-стрелковые полки, в отличие от обыкновенных, имели в своем составе всего 4 роты, а не 9. То, что было, помогало при боях в горной и лесисто-болотистой местности (легче управлять подразделениями), но становилось помехой при фронтальных действиях (значительно меньше личного состава и соответственно возможностей для маневра силами и средствами для развития наступления). Поэтому нельзя однозначно отрицательно оценивать тот факт, что третьим полком дивизии вместо 81-го стал 529-й.

Из всего вышесказанного следует, что 54-я горно-стрелковая дивизия была лучшей в 9-й армии, поэто-

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 925. Л. не указан.

му, наверное, армейское командование надеялось на нее более других и первоначально планировало использовать прибывавшую по плану 44-ю дивизию на ребольском и кухмониемском направлениях, где ожидался наибольший успех¹.

Я не располагаю данными о том, были ли в штабе армии командиры, которые осознавали, что операция плохо продумана и спланирована, но вот в оперативном отделе штаба Ленинградского ВО один такой человек нашелся. Им оказался начальник отделения оперативного отдела ЛВО майор Сергей Гаврилович Чернов.

Когда я несколько раз прочел и проанализировал текст «Замечания по решению Военного Совета 9-й армии», мне показалось, что я уже где-то видел подобный хладнокровный и четкий разбор планов операций сторон. Похоже, что во время учебы в Академии имени Фрунзе (с третьего курса которой Чернов был назначен на должность в Ленинградском округе) этот командир старался восполнить недостаток общего образования (всего 5 классов) чтением военно-исторических трудов.

Честное слово, после прочтения «Замечаний» я стал лучше думать о командирах Красной Армии того времени. Велики все-таки таланты русского народа: никакие расстрельные ямы и ГУЛАГи его не вместят. Всех, несмотря на огромные усилия НКВД, уничтожить, посадить и превратить в лагерную пыль не удалось. Поэтому командный состав Красной Армии состоял не только из Ворошилова и Буденного, считавших кавалерию главной ударной силой будущей вой-

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 5, Д. 3. Л. 9.

ны, Кулика, называвшего автомат «оружием полиции», Книги, водившего свою кавдивизию на танки, наконец Голикова, клавшего на стол вождю тот или иной вариант сводки Разведуправления Красной Армии в зависимости от его настроения, и прочих, похожих на генерала Дрынова из «Чонкина». Помимо этих командиров в РККА были Борис Михайлович Шапошников, Василий Дмитриевич Соколовский, Константин Константинович Рокоссовский, был Сергей Гаврилович Чернов, накануне войны уже преподававший в Академии имени Фрунзе, были сотни и тысячи талантливых командиров, оказавшихся на своем месте и делавших свое дело вопреки удушавшему любую инициативу режиму. Благодаря им Красная Армия сумела преодолеть сопротивление финнов в «незнаменитой» войне и победить в Великой Отечественной.

А теперь внимательно вчитаемся в «Замечания» майора Чернова, они действительно заслуживают этого.

«Роль 9-й армии и ее задачи поняты командованием 9-й армии в основном правильно, но решение построено на том, что противник не окажет никакого сопротивления...»

В среднем темп операции запланирован 22 км в сутки, в то время когда свои войска к границе шли 12—16 км в сутки с большой растяжкой частей и отставанием техники (артиллерии, главным образом). Как же можно планировать такие темпы на территории противника?! Это значит построить операцию на песке, без реальной обстановки и особенностей фронта. При планировании, видимо, противник в расчет вообще не принимался и бездорожье также не учитывалось, за это можно попла-

таться срывом всей операции в самом ее начале, особенно если противник окажет хотя бы небольшое сопротивление путем заграждений и прикрытия погранчастями, не говоря уже о подборке полевых войск...

При движении 9-й и 8-й армий вглубь будет образовываться разрыв между ними. Наличие у финнов дорог (железных и шоссе) дает возможности создавать реальную угрозу флангам и тылу 9-й и 8-й армий и ее отдельным дивизиям... Коммуникации их (дивизий 8-й и 9-й армий. — П.А.) все будут перерезаны диверсионными группами противника, и они могут оказаться без питания и боеприпасов, причем тактика финнов к этому в основном и будет сводиться...

При дивизиях нужно создать отряды из хороших лыжников и озаботиться обеспечением лыжами всех дивизий. Без лыж будет очень плохо: солдаты не смогут сойти с дорог и будут сбивать противника в лоб, а это будет сильно задерживать движение...»

Далее С.Г. Чернов сделал следующие выводы:

«1. Предложить Венному Совету 9-й армии свое решение пересмотреть...

2. Иметь на фланге сильный резерв.

3. План операции не должен превышать 10 км в сутки на первом этапе и до 15 км на всех остальных этапах...

6. По существу, дивизии еще не готовы для выступления на глубину этой операции...»¹.

Замечания были составлены 27 ноября 1939 года и в тот же день сданы начальнику оперативного отдела штаба ЛВО полковнику П.Г. Тихомирову. Казалось бы, с грядущей катастрофой можно и нужно было бо-

¹ РГВА. Указ. соч. О. 5, Д. 3. Л. 13.

ротья, одернуть чересчур спешащих руководителей 9-й армии, переработать план операции и по сосредоточению новых соединений нанести более мощный и лучше спланированный удар.

Однако голос разума не был услышан. Вечером 29 ноября возвратившийся из Майнилы Тихомиров объявил Чернову: *«Темпов сбавлять и уменьшать нам никто не разрешит, а теперь вообще некогда этим заниматься, нужно действовать по тому плану, что есть»*. Чернов по этому поводу написал на полях своих «Замечаний»: *«Эта спешка может кончиться плохо, операция не продумана, не знаю, как другие армии, но дело может сорваться, особенно по 9-й и 8-й армиям»*¹. Предсказания эти сбылись в полной мере.

30 ноября соединения 9-й армии вместе со своими товарищами по оружию пересекли государственную границу, встречая поначалу сопротивление лишь пограничных застав, усиленных тремя-четырьмя егерскими батальонами. Боевых столкновений было немного, в ходе них финские подразделения, выполнив свою задачу — задержать советские войска на несколько часов, — отходили в глубину своей территории, минировав дороги и взрывая мосты. Единственный серьезный бой имела 12 декабря 54-я горно-стрелковая дивизия в дефиле озер Алас-ярви и Сауна-ярви. Ее 118-й и 337-й полки не стали тратить времени на бесплодные атаки в лоб и обошли финские подразделения по льду озер. Почувствовав угрозу окружения, финны начали отход, при этом два батальона, занимавших междуозерную позицию, понесли довольно серьезные потери².

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 17.

² Там же. О. 10, Д. 925. Л. не указан.

До 17 декабря, дня, когда 163-я стрелковая дивизия овладела городом Суомуссалми, соединения 9-й армии не понесли сколько-нибудь ощутимых потерь. В 122-й дивизии они составляли 76 человек убитыми и 266 ранеными, в 163-й — 89 и 154, а в 54-й — 79 и 286¹. Однако главные сражения на этом участке еще предстояли. К этому времени финское командование завершило переброску на север Финляндии 9-й пехотной дивизии, 1-й пехотной бригады и нескольких отдельных батальонов. 18 декабря части последней контратаковали в лоб полки 54-й горно-стрелковой дивизии, но, получив отпор, отошли на Нурмес, где начали перегруппировку с целью обхода дивизии с флангов и выхода на ее коммуникации².

20—22 декабря после тяжелых боев действовавшие на флангах 54-й дивизии отряды Маклецова и Алексеенко были вынуждены возвратиться к главным силам³. 23 декабря 3-й батальон 529-го стрелкового полка вынужден был прорываться из окружения на восток. Когда он вышел в район поселка Лендеры, в его рядах оставалось всего 132 бойца и командира⁴.

Тем временем появившиеся в районе Суомуссалми передовые отряды 9-й пехотной дивизии сковали части 163-й стрелковой дивизии, действовавшие исключительно по дорогам и пытавшиеся сбить противника только лобовыми атаками. Командир финской дивизии генерал И. Сииласвуо писал впоследствии: «Мне

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 5, Д. 356. Л. не указан.

² Там же. Оп. 10, Д. 925.

³ Там же. Д. 915. Л. 187, 198.

⁴ Там же. Л. 188.

было непонятно и странно, почему русские не имели лыж и поэтому не могли оторваться от дорог и несли большие потери»¹.

Таких nepозволительных «странностей» у советского командования было в эту войну слишком много. А в данной конкретной ситуации, с 18 по 20 декабря 1939 года, это обошлось 163-й дивизии в 448 убитых, 810 раненых и 226 обмороженных².

Гром грянул 21 декабря, когда финским лыжным группам удалось выйти на коммуникации дивизии, уничтожить часть тыловых обозов и создать угрозу окружения ее основных сил. Попытки отдельных частей 44-й дивизии, направление действий которой было изменено в связи с неустойчивым положением на центральном участке армии, отбросить финские отряды с дороги успеха не имели. Тому было несколько причин. Во-первых, отправка 44-й дивизии была крайне непланомерной, и в результате первым отправился не целый полк, а отдельные батальоны, которые почему-то вводились в бой поочередно без надлежащей огневой поддержки и управления³. В течение нескольких дней третий батальон 305-го стрелкового полка при поддержке полковой артиллерии и 312-го танкового батальона пытался прорвать оборону противника, занявшего позиции на 25-м километре дороги на Важенваара, но безуспешно. Не принесли успеха атаки и после ввода 1-го батальона 25-го стрелкового полка⁴.

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 14, Д. 194. Л. 17.

² Там же. Оп. 10, Д. 3111; Оп. 5, Д. 356.

³ Там же. Оп. 5, Д. 45. Л. 12.

⁴ Дудорова О. Неизвестные страницы «зимней войны» // Военно-исторический журнал, 1991, № 9. С. 18.

Вскоре после выхода главных сил 163-й дивизии из окружения Особым отделом 9-й армии были арестованы командир 662-го стрелкового полка полковник Шаров и батальонный комиссар Подхомутов. Они, разумеется, сознались в своих «преступных» действиях по дезорганизации полка и приведении его в небоеспособное состояние. Думаю, что приговор Трибунала оглашать не стоит. Стрелочников нашли. Опыт столь быстрого выяснения виновных, видимо, понравился командованию 9-й армии и присутствовавшему в качестве члена Военного Совета армии начальнику ПУ РККА Л.З. Мехлису, одному из самых ярких и поэтому самых вредных представителей комиссарского племени. Вскоре его используют еще раз.

Тем временем противник начал беспокоить тылы частей 44-й стрелковой дивизии, устроив завалы на дороге ближе к границе¹.

Командование 163-й стрелковой дивизии не сумело в этих сложных условиях организовать отход, и если бы не героизм бойцов и командиров 81-го горнострелкового полка, прикрывавшего отступление главных сил дивизии, то потери могли бы быть гораздо большими. Хотя их и так нельзя назвать малыми. С 20 декабря по 1 января погибло 353 человека, ранено 486, попало в плен 107, пропало без вести 346 и обморожено 65. Всего с начала войны убитых было 890, раненых 1415, обмороженных почти 300. Потери вооружения и боевой техники исчислялись в 130 пулеметов, две 37-мм, восемь 45-мм и семь 76-мм пушек, 140 автомашин².

¹ Дудорова О. Указ. соч.

² РГВА. Ф. 34980, Оп. 5, Д. 411. Л. 110; Д. 264. Л. 138.

А 1 января части 9-й дивизии начали операцию, которая закончилась их крупной победой. В 8 часов утра противник начал атаку на 146-й стрелковый полк 44-й дивизии. Атака была отбита с большим напряжением и только после ввода всех сил полка¹. В ночь на 2 января финны вновь атаковали этот же полк и на этот раз окружили его, перерезав важенаварскую дорогу на 21 и 23-м километрах².

Помимо финнов бойцам и командирам дивизии пришлось бороться и с холодом. Ввиду поспешности отправки дивизия отбывала из Тернополя в обыкновенном осеннем обмундировании — шинелях и брезентовых сапогах. Теплое обмундирование — телогрейки и валенки — обещали доставить во время следования эшелонов. Но советские интенданты отличались почему-то медлительностью и необязательностью. Соответственно зимнюю амуницию начали получать только по прибытии на станцию Кемь. В очередной спешке с переброской на фронт она оказалась не у всех.

На следующий день командир 44-й стрелковой дивизии комбриг А.И. Виноградов с оперативной группой штаба выехал в распоряжение 25-го стрелкового полка, где попытался организовать разгром неприятеля, прервавшего сообщение между полками и батальонами, но несколько атак, предпринятых 3 января, были безрезультатными. Движению подразделений, выделенных для атаки, в значительной степени мешали обозы полков и тыловых учреждений дивизии, скопившиеся на дороге и затруднявшие любой маневр. Финны были в значительной степени осведомлены о

¹ Дудорова О. Указ. соч. С. 14.

² Там же.

планах советского командования: по свидетельству генерала Сииласвуо, 27 декабря им удалось перехватить значительное количество приказов по 44-й дивизии¹.

Неудачным действиям способствовало также и то, что переброска соединения из Тернополя была похожа на спешный отъезд жителей-неплательщиков из снятой квартиры: на фронт дивизия отправлялась не полковыми эшелонами, а побатальонно, кроме того два отдельных батальона — саперный и разведывательный, чье участие в боевых действиях в сложных природно-климатических условиях с первого дня было крайне важно, — выгрузились последними и оказались в хвосте колонны². Атаки в течение следующих суток вновь оказались неудачными по причине того, что они носили исключительно фронтальный характер и в них не участвовали значительные силы, предназначенные для перехода в наступление. Противник тем временем вновь вышел на дорогу и сделал еще два завала — на 20 и 19-м километрах. Шедшие на помощь ударной группе подразделения разведбатальона и 3-го пограничного полка были встречены сильным ружейно-пулеметным и минометным огнем противника³. Таким образом, ударная группа оказалась отрезанной от остальных подразделений дивизии. Положение усугубилось тем, что около шести часов вечера 2-й батальон 146-го стрелкового полка, бойцы и командиры которого уже несколько дней не получали горячей пищи, самовольно оставил фронт, открыв тем самым левый фланг дивизии, чем не замедлил воспользоваться неприятель⁴.

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 14, Д. 184. Л. 38.

² Там же. Оп. 5, Д. 45. Л. 12.

³ Дудорова О. Указ. соч. С. 21.

⁴ Там же. С. 21—22.

К этому моменту некоторые части не получали продовольствия и боеприпасов по 2—3 дня. Поэтому какие-либо активные действия были крайне затруднены.

К 4 января группировка противника в районе Важенваара (или, как его называли финны, сектор Раатте) имела в своем составе три пехотных полка и три отдельных батальона. В этой обстановке командир дивизии и начальник штаба полковник О.Н. Волков запросили командование 9-й армии о помощи, а также, в случае отсутствия последней, разрешение на вывод из окружения людей с оставлением материальной части и тяжелого вооружения. Виноградов доносил в штаб 9-й армии: *«В связи с вытеснением второго батальона 146 сп из района обороны левый фланг остался открыт. Заполнить его не удастся. Противник сосредотачивает силы с целью перерезать оборону дивизии. В связи с отсутствием продфуража настроение плохое, лошади дохнут, бензин и боеприпасы на исходе»*¹.

Командующий 9-й армией комкор В.И. Чуйков в донесении Наркому обороны К.Е. Ворошилову сообщал: *«Считаю положение 44-й дивизии очень серьезным и если к 4.00 5 января очистить дорогу не удастся, прошу разрешения части 44-й стрелковой дивизии отвести на новый рубеж к востоку от 19 километра»*².

Финны 5 января атаковали дивизию в стык 146-го и 25-го полков в районе 23-го километра, в свою очередь части 44-й дивизии предприняли очередную по-

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 5, Д. 46. Л. 114.

² Дудорова О. Указ. соч. С. 22.

пытку прорыва обороны, причем артподготовка запоздала... на три часа после начала атаки¹.

А вот как представлялся этот день с другой стороны. Генерал Сииласвуо писал: *«5 января был взорван мост через реку Пурос-йоки... Артиллерийский огонь противника на участке его 25-го стрелкового полка был особенно сильным и метким, в результате наши части понесли большие потери.»*².

5 января в 23.00 Военный Совет 9-й армии приказал Виноградову пробиваться к 19-му километру³, полагая, что этот участок занят нашими войсками, тогда как в действительности финны укрепились и там. На следующие сутки дивизия продолжала вести бой в окружении, командование пыталось вывести и людей, тяжелое вооружение и технику. Безуспешно. Из 146-го стрелкового полка несколько раз приходила радиogramма одного и того же содержания: *«Дайте помощь, нас добивают, дайте помощь»*. Получив в десять часов вечера разрешение командования 9-й армии *«действовать по собственной инициативе»*⁴, Виноградов отдал приказ выводить людей, приводя в негодность оставляемую на территории противника материальную часть с северной стороны дороги на Важенваара⁵.

Сииласвуо писал о событиях 6 января следующее: *«Паника окруженных все росла, у противника больше не было совместных и организованных действий, каждый пытался действовать самостоятельно, чтобы спасти свою жизнь. Лес был полон бегущими людьми...»*⁶.

¹ Дудорова О. Указ. соч.

² РГВА. Ф. 34980, Оп. 14, Д. 194. Л. 51, 53.

³ Там же. Оп. 5, Д. 44. Л. 25.

⁴ Там же. Оп. 5, Д. 46. Л. 77—78.

⁵ Дудорова О. Указ. соч. С. 22.

⁶ РГВА. Ф. 34980, Оп. 14, Д. 194. Л. 58.

К вечеру 7 января первые группы личного состава дивизии во главе с ее командиром прибыли в Важенваара. Выход из окружения продолжался в течение нескольких дней. Вернулись не все. По данным штаба дивизии, за период с 1 по 7 января потери соединения составили 1001 человек убитыми, 1430 ранеными, 2243 пропавшими без вести. Потери вооружения и техники были более значительны: 4340 винтовок, 1235 револьверов и пистолетов, почти 350 пулеметов, тридцать 45-мм, сорок 76-мм пушек, семнадцать 122-мм гаубиц, 14 минометов и 37 танков¹.

Сииласуо, в свою очередь, так рассказывал о событиях 7—9 января: *«В полдень противник начал сдаваться, голодные и замерзшие люди выходили из землянок. Одно-единственное гнездо продолжало сопротивляться, на время его оставили в покое... Мы захватили немыслимо большое количество военных материалов, о которых наши части не могли мечтать даже во сне. Досталось нам все вполне исправное, пушки были новые, еще блестящие... Трофеи составили 40 полевых и 29 противотанковых пушек, 27 танков, 6 броневедомостей, 20 тракторов, 160 грузовых автомобилей, 32 полевые кухни, 600 лошадей...»².*

В следующие несколько дней страницы западных газет были буквально нашпигованы статьями о разгроме 44-й дивизии, появились и фотографии, напоминающие кадры германской хроники лета и осени 1941 года. Когда смотришь на эти фотографии — понурые лица пленных, замерзшие трупы, разбитая техника, брошенные пушки и пулеметы, становится нестерпи-

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 5, Д. 46. Л. 11—12.

² Там же. Оп. 14, Д. 194. Л. 61—63.

мо больно. Но еще больнее — отвратительнейшее вранье, которым пытались сначала затушевать поражение дивизии, а затем — несколько десятков лет трусливого молчания, которое хранили историки. 14 января 1940 года в советских газетах было опубликовано «Опровержение штаба Ленинградского ВО: *«За вторую трехнедельку боевых операций на фронте существенных изменений не произошло... Дело ограничилось в большинстве случаев стычками разведки сторон и небольших пехотных частей. Внезапно наступившие сильные морозы (какая, право, неожиданность — сильный мороз в декабре в Карелии. — П.А.) значительно облегчили положение финских войск, но, несмотря на это, последние не смогли серьезно использовать благоприятную обстановку.*

В 44-й дивизии имелось не больше 10 тысяч бойцов, из которых было потеряно не более 900 человек, причем больше из-за морозов, финны же — не менее двух тысяч, причем щюцкоровцы добивали своих раненых, чтобы не оставить языков»¹.

Последний абзац омерзителен настолько, что не нуждается в комментариях. К счастью, в 1994 году эта историческая несправедливость была устранена: в Суомуссалми поднят памятник работы скульптора О. Комова «Своим сынам — скорбящая Россия». Лучше поздно, чем никогда.

Советская пропаганда не могла уменьшить интерес мировой общественности к событиям в Финляндии. Особенной популярностью в эти дни пользовались генералы Сииласвуо и командующий Лапландской группой Э.Валениус. Последний в интервью газете «L'Exelssior» на вопрос о том, кто активнее других по-

¹ «Правда», 14 января 1940 г.

ставляет боевую технику Финляндии, недолго думая, зло и остроумно ответил: «Русские, конечно!»¹

Почти сразу же после выхода из окружения Виноградов, Волков и начальник политического отдела дивизии полковой комиссар И.Т. Пахоменко предстали перед судом (комиссар дивизии полковой комиссар Д.Н. Мизин по какой-то причине избег наказания). Им вменялось в вину то, что они *«преступно игнорировали приказы высшего командования Красной Армии и военного совета 9-й армии о постройке на коммуникациях дивизии оборонительных сооружений, блокгаузов, расчистке и разрядке леса по обеим сторонам шоссе... Разбросали части дивизии на отдельные отряды и группы, между собой не связанные, спасая свою шкуру, позорно бежали с небольшой группой людей в тыл»*². Расстрельный приговор привели в исполнение перед остатками личного состава дивизии 11 января 1940 года. На них была возложена вся вина за поражение дивизии. Действительно, Виноградов, Волков и Пахоменко не сделали всего возможного для того, чтобы избежать катастрофы. Но могли ли наладить управление соединением комбриг Виноградов, в июне 1937 года командовавший всего лишь батальоном, и его начальник штаба, учившийся в Академии им. Фрунзе в тот период, когда из нее были изгнаны светила отечественной военной науки, а количество учебных часов на изучение марксизма-ленинизма едва ли не превышало время на изучение тактики и стратегии? Вряд ли. Тем более что руководство дивизии действовало согласно директивам Главного командования и штаба армии, безоглядно гнавших соединения вперед без учета обстановки.

¹ «L'Exelssior» 11 janvier 1940.

² Дудорова О. Указ. соч. С. 15.

После боев конца декабря—начала января советские войска практически не предпринимали широко-масштабных наступательных операций. Все усилия сводились к деблокаде 54-й дивизии. Как справедливо отметил в своей статье «Решительный этап войны в Финляндии» генерал Валениус, *«инициатива перешла в наши руки и оставалась у нас до конца войны»*¹.

Во второй половине января главные силы Лапландской группы, нанеся поражение 44-й и 163-й дивизиям, перенесли свои усилия на 54-ю дивизию. Вскоре они вышли на ее коммуникации, которые были окончательно прерваны к 1 февраля, одновременно противнику удалось разрезать район ее обороны на 8 частей².

До 10 февраля финны пытались разгромить отдельные оборонительные участки, но, встретив упорное сопротивление подразделений 54-й горно-стрелковой дивизии, перешли к осаде. Необходимо сказать, что командование дивизии сумело создать в гарнизонах запасы продовольствия, которых вместе с теми, что сбрасывались авиацией, хватило на все время блокады. По крайней мере командование 54-й дивизии не посылало в вышестоящие штабы радиogramм, подобных сигналу «SOS!».

В конце февраля финны перешли к тактике подавления отдельных секторов артиллерийским огнем. В ночь на 3 марта после четырехдневной артиллерийской подготовки противник атаковал район, где находились 2-я рота 118-го горно-стрелкового полка и 7-я

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 14, Д. 104. Л. не указан.

² Там же. Оп. 10, Д. 925. Л. не указан.

батарея 86-го артполка. Защитники этого сектора были уничтожены почти все, за исключением 25 человек, которые отошли на линию обороны, уже занятую другими подразделениями¹. В течение двух последующих суток подразделения 337-го полка при поддержке нескольких танков пытались выбить противника из дефиле, разделявшего восточный сектор и район обороны КП дивизии. Потеряв до 50 человек убитыми и танк, наши подразделения вернулись в расположение полка. 6 марта противник начал ожесточенный артиллерийско-минометный обстрел восточного сектора. В ночь на 7 марта ему удалось прорвать оборону и практически полностью занять его. При этом было убито и захвачено в плен около 230 бойцов и командиров, около 100 удалось уйти по льду озера Сауна-ярви и присоединиться к защитникам КП². 11—12 марта противник вел интенсивный многочасовой обстрел позиций этого сектора, в результате чего большинство блиндажей и землянок были разрушены. Утром 13 марта финны перешли в атаку, которая, несмотря на огонь прямой наводкой, была отбита: передовые цепи не дошли до окопов каких-то 25—30 метров³. Любопытно, что остальные сектора в эти дни подвергались лишь спорадическому обстрелу.

Впрочем, более активным действиям финнов мешало наступление Ребольской оперативной группы 9-й армии, начатое силами переброшенной на этот участок 163-й стрелковой дивизии, 593-го стрелкового полка 131-й дивизии и нескольких лыжных батальонов. Хотя цель операции (деблокада 54-й дивизии) не

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

была достигнута полностью, действия наших частей заставили противника перебросить значительные силы против наступавших и тем самым ослабить натиск на окруженные гарнизоны.

Разумеется, это была не первая попытка командования 9-й армии деблокировать дивизию. 30 января группа под командованием майора Кутузова в составе 3-го и 17-го лыжных и 11-го инженерного батальонов начала наступление, но в результате скверного управления войсками и потери связи между отдельными подразделениями она была наголову разгромлена 4—5 февраля¹.

11 февраля еще одну попытку прорыва блокады предприняла «лыжная бригада» под командованием полковника Долина в составе 9, 13 и 34-го лыжных батальонов. Она была разгромлена 13—14 февраля после потери ориентировки и боев с финскими лыжными отрядами. Потери батальонов, участвовавших в этих двух операциях, составили 1274 человека убитыми, 903 ранеными, 583 пропавшими без вести и 323 обмороженными². Потери 163-й дивизии за период операции 29 февраля — 13 марта составили 993 человека убитыми, 3295 ранеными и 191 пропавшими без вести³. Общие же потери этого соединения, сумевшего овладеть Суомуссалми, побывав в окружении и в еще одном, не слишком удачном наступлении, составили 2274 человека убитыми, 7670 ранеными, 769 пропавшими без вести и 888 обмороженными, т.е. примерно 70% штат-

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 5, Д. 292. Л. 112.

² Там же. Л. 115; Д. 429. Л. 182.

³ Там же. Д. 429. Л. 16—17.

ного состава¹. В самой же 54-й дивизии, которая была блокирована в течение 46 дней, потери исчислялись в 2118 человек убитыми, 3732 ранеными и 573 пропавшими без вести², что составляло 60% штатного расписания горно-стрелковой дивизии.

Тысячи убитых и пропавших без вести, десятки тысяч раненых и обмороженных — такова была цена некомпетентности и торопливости, проявленных подавляющим большинством советского военно-политического руководства. Добавим только то, что подавляющее большинство из шести тысяч советских военнослужащих, взятых в плен в период советско-финляндской войны, состояли в списках именно тех дивизий 8-й и 9-й армий, описание действий которых было приведено выше в этой главе. А ведь 8-й армией с декабря 1939 года командовал участник боев в Испании, у Хасана и Халхин-Гола, дважды Герой Советского Союза Григорий Михайлович Штерн, а 9-й с того же периода — будущий защитник Сталинграда В.И. Чуйков. Скажем прямо, никаких лавров эта война им не прибавила.

Возникает вопрос: а могло ли советское командование избежать столь тяжелых потерь и окружения целых соединений противником, значительно уступавшим и в численности личного состава, и особенно — в технике? На наш взгляд, вполне. Об этом свидетельствуют примеры 75-й и 139-й дивизий, которые противник явно пытался взять в кольцо и в декабре 1939, и в январе 1940 года. Интересен в этой связи и ход боевых действий 122-й стрелковой дивизии, единствен-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 188.

² Там же.

ной из соединений 9-й армии, принимавшей участие в войне с первого дня и избежавшей тяжелого поражения. Как и остальные дивизии Красной Армии, 122-я стрелковая дивизия, прибывшая из Белоруссии в район Кандалакши накануне войны, перешла границу 30 ноября. В 15 часов ее 596-й и приданный 273-й горно-стрелковый полки, практически не встречая сопротивления, заняли поселок Алакуртти, который финны сожгли при отходе. В тот день финны обстреляли головную заставу 273-го полка из стрелкового оружия, но безрезультатно. Зато в случайной перестрелке пулеметного взвода 596-го стрелкового полка и головной заставы 273-го горно-стрелкового полка первый потерял двух человек ранеными, а вторая — двух убитыми. В тот же день были захвачены в плен два финских солдата. Дивизион 285-го артиллерийского полка, приданный 596-му полку, отстал от боевых порядков пехоты в первый же день¹. Следующие сутки прошли без боя: финны отходили, минируя дороги.

2 декабря шедший в головной заставе первый батальон 596-го полка и эскадрон 153-го разведывательного батальона при подходе к высотам в 26 км западнее Алакуртти были встречены пулеметным и минометным огнем с хорошо замаскированных позиций 22-го пограничного батальона. Несмотря на небольшие потери (всего 6 раненых), наследники Буденного спешили и бросили лошадей под огнем. Подразделения развернулись и залегли. Через некоторое время подошли два батальона 596-го полка и 273-й полк, а также полковая артиллерия (дивизионная вновь прибыла к месту боя после его окончания). После второй

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 10, Д. 1995. Л. 7.

атаки, в четыре часа дня 3 декабря, противник оставил высоты, на месте боя было обнаружено 10 трупов, еще 3 финна были захвачены в плен. Потери частей дивизии составили 24 человека убитыми и 89 ранеными¹.

Следующий бой части дивизии вели в районе Кайрала. Противник силами уже упоминавшегося 22-го пограничного и Салльского батальонов занял оборону на западном берегу р. Куола-йоки на фронте около 3 км. Позиции были усилены завалами, проволочными заграждениями и надолбами. 5 декабря вечером 596-й стрелковый полк попытался овладеть позицией с ходу, но неудачно. Повторная атака подразделений 273-го и 596-го полков 6 декабря также не увенчалась успехом. В ночь на 7 декабря две роты захватили плацдарм на западном берегу реки, к вечеру на него переправились и другие подразделения, которые в семь часов вечера выбили противника с занимаемых позиций. После этого финны поспешно отходили, периодически обстреливая части дивизии из засад². Вечером 9 декабря 420-й стрелковый полк занял без боя Куолаярви, большая часть которого также была сожжена.

11 декабря противник попытался оказать сопротивление у д. Мяркярви. Оборонительные позиции финны практически не подготовили (имелись только окопы для стрельбы лежа) и не сменили понесший значительные потери Салльский батальон на прибывший из резерва батальон «А». Кроме этого, против всякого обыкновения не был взорван мост. Это дорого стоило оборонявшимся: два танка 100-го отдельного

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 8—9.

² Там же. Л. 10.

танкового батальона успели проскочить по мосту, провалились в тыл противника и разгромили его обозы. Финны поспешно покинули свои позиции, не успели сжечь Мяркярви и оставили 8 пулеметов¹.

14 декабря передовой батальон 420-го стрелкового полка с ротой танкового батальона овладел поселком Курсу. В тот же день, в 8 часов вечера, лыжные подразделения противника, обойдя фланги передового батальона, атаковали полковую артиллерию и батарею 285-го артполка. В ходе упорного боя, в котором артиллеристы вынуждены были вести огонь на картечь и даже из личного оружия, материальная часть серьезно повреждена не была, но потери в конском составе были велики. Финны отошли после того, как на помощь артиллеристам прибыл второй батальон 420-го полка. В тот же день неудача постигла 596-й стрелковый полк, который при поддержке танков пытался овладеть высотами на дороге в 69 километрах западнее Куолаярви. Впервые у противника появились орудия ПТО, которые сожгли 3 танка. Судя по всему, они принадлежали появившемуся на фронте 9-му отдельному батальону².

16 декабря, уже в сумерках, 420-й стрелковый полк вышел на восточную окраину поселка Йоутсиярви. 17 декабря он атаковал позиции противника, но неудачно. В тот же день к фронту подошли 715-й стрелковый полк и саперный батальон 122-й стрелковой дивизии. Тем временем 273-й горно-стрелковый полк совместно с 153-м разведывательным батальоном и ротой 596-го

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 11.

² Там же. Л. 12.

стрелкового полка овладел переправой через р. Кеми-йоки в районе д. Пелкосниemi, потеряв 20 человек убитыми, 46 ранеными и 3 танка «Т-38»¹.

18 декабря 420-й стрелковый полк вместе с батальоном 715-го стрелкового полка вновь безуспешно наступал на позиции противника, причем батальон 715-го полка, одетый в черные пиджаки (это зимой-то в Заполярье! — П.А.), потерял связь с главными силами, подвергся контратаке противника и понес большие потери. Командир и комиссар батальона были ранены. 420-й полк после боя был отведен на два километра в тыл².

19 декабря противник контратаковал и наши части, переправившиеся через Кеми-йоки, в ходе боя они потеряли 27 человек убитыми и 73 ранеными и отошли на 14 км к северу³. В тот же день два батальона 596-го стрелкового полка и 715-й стрелковый полк вновь атаковали позиции противника у Иоутсиярви, обороняемые четырьмя батальонами. 715-й стрелковый полк безуспешно атаковал противника в лоб, а тем временем один батальон 596-го полка вышел на северную окраину поселка, а другой фланговым маневром — на вторую полосу неприятельской обороны. Но вместо того чтобы ударить в тыл противнику, его командир стал выжидать выгодный момент для того, чтобы ударить по отходящей колонне. В результате он дождался того, что финны, отбив наступление с фронта, контратаковали батальон и окружили его. При отходе ба-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 13.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. Л. 15.

тальон понес значительные потери и оставил противнику все свои станковые пулеметы¹.

После этого командование 9-й армии отдало приказ сконцентрировать части дивизии в районе северо-западнее и юго-западнее Куоляярви. Непонятно, что мешало ему вовремя отдать приказ об отходе 163-й дивизии.

3 января 1940 года противник попытался овладеть артиллерийскими позициями, но был отбит. 4 января он повторил свою попытку, но вновь безуспешно. Наконец, 13 января дивизия получила приказ об отступлении в район Мяркярви². После этого активные действия на участке дивизии затихли. Стороны время от времени перестреливались и обменивались налетами лыжников. Любопытно, что на рубеже Мяркярви дивизионная артиллерия была изъята в армейский резерв и огневую поддержку стрелкам оказывали лишь полковые батареи, которые имели по нескольку позиций и в случае необходимости могли сконцентрировать огонь на участке одного полка. Противотанковая артиллерия вела огонь по укреплениям противника и даже по отдельным людям³.

Интересно также и то, что даже 19 февраля в дивизии не хватало 7000 лыж. Предназначенная для уплотнения боевых порядков 88-я стрелковая дивизия до конца войны так и не вышла на фронт в полном составе: ее артиллерийский полк оказался без тягачей, а 758-й стрелковый полк — без лыж, в танковом батальоне не хватало 30 боевых машин⁴.

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 16.

² Там же. Д. 1994. Л. 16.

³ Там же. Д. 2024. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 1995. Л. 1—3.

Таким образом, можно с полной ответственностью сказать, что командованию Лапландской группы финнов удалось сдержать натиск соединений 9-й армии в первый период войны и затем, нанеся поражение трем дивизиям и окружив до конца войны еще одну, удерживать инициативу в своих руках.

Глава 7

СВИНЦОВЫЙ ШКВАЛ

Карельский перешеек

Пока западные журналисты изощрялись в каламбурах по поводу неудач Красной Армии на полях сражений, в Генеральном штабе, штабах Северо-Западного фронта, армий, корпусов, дивизий и бригад шла напряженная работа над планами прорыва финской обороны на всем протяжении фронта, растянувшегося на многие сотни километров.

Один из французских военных корреспондентов в январе ловко переименовал название Красная Армия (*l'Armée Rouge*) на созвучное *la masse rouge* (красная масса). Статья его называлась «Красная масса споткнулась»¹. Добавим: больно упала, расквасила нос, набила шишек и насажала заноз. Однако все было отнюдь не так просто, как пытались представить некоторые сотрудники западноевропейской прессы. Занозы вытащили, синяки на могучем организме Красной Армии заживали быстро, а на месте понесшей серьезные потери или окруженной дивизии появлялись две, а то

¹ «Figaro» 20 jan. 1940.

и три, словно новые головы вместо отрубленных у сказочных драконов.

Первоначальный план операции на Карельском перешейке предусматривал нанесение главного удара на Выборгском направлении и вспомогательных — на кексгольмском и в обход укреплений противника по льду Финского залива, для чего создавалась группа комкора Д.Г. Павлова в составе трех стрелковых дивизий (86, 91 и 173-я) 3-го кавалерийского корпуса (7 и 36-я кавалерийские дивизии) и 29-й танковой бригады¹.

Согласно плану, соединения 7-й и 13-й армий должны были выйти на линию Выборг—станция Антреа-Кексгольм к восьмому—десятому дню операции и решить тем самым исход войны.

Ставка Главного Военного Совета одобрила общую идею наступления, поручив штабу фронта более детальную разработку операции. 3 февраля 1940 года Военный совет СЗФ утвердил окончательный план прорыва «линии Маннергейма» и разгрома финской армии на Карельском перешейке. 13-я армия получила задачу наступать на всем своем фронте, от устья р. Тайпален-йоки до оз. Муола-ярви, нанося главный удар силами пяти стрелковых дивизий и танковой бригады на левом фланге на 25-километровом участке от озера Вукси-ярви до Муола-ярви и два вспомогательных — первый двумя дивизиями на правом фланге с плацдарма на западном берегу Тайпален-йоки, а второй — 142-й стрелковой дивизией по льду Суванто-ярви. По плану соединения 13-й армии должны были выйти на рубеж Лохийоки, Пурпуа, Ритасаари, Ильвес на четвертый-

¹ История Великой Отечественной войны в 6 тт. Т. 1. С. 266.

пятый день операции и в дальнейшем развивать наступление на Кексгольм и ст. Антреа¹.

7-й армии поручался прорыв укрепленной полосы противника на участке от оз. Муола-ярви до Финского залива. Главный удар наносился по плану девятью стрелковыми дивизиями, пятью танковыми и стрелково-пулеметной бригадами на участке от Муола-ярви до Кархула на правом фланге и в центре. На левом фланге, у побережья Финского залива, предусматривалось нанесение вспомогательного удара силами двух стрелковых дивизий. На четвертый-пятый день операции войскам армии предписывалось выйти на рубеж Ильвес, ст.Кямря, Хумола, наступая впоследствии на Выборг и Антреа².

К этому моменту был определен состав армий, действующих на Карельском перешейке. В 7-ю были включены четыре стрелковых корпуса: 10, 19, 34 и 50-й (7, 24, 42, 43, 51, 70, 80, 90, 100, 113, 123 и 138-я стрелковые дивизии), 1, 13, 20, 35 и 40-я танковые и 15-я мотострелково-пулеметная бригады. В состав 13-й входили 3, 15 и 23-й стрелковые корпуса (4, 8, 17, 49, 50, 62, 136, 142 и 150-я стрелковые дивизии) и 39-я танковая бригада.

Обе армии имели мощные артиллерийские ударные группировки, в 7-й армии помимо дивизионной и корпусной артиллерии было 7 полков и 2 дивизиона артиллерии большой мощности РКК, а в 13-й — 6 полков и 2 дивизиона³. Кроме того, в полосу действий Северо-Западного фронта прибыли железнодорожные

¹ История Великой Отечественной войны. С. 267.

² Указ. соч. С. 268.

³ Указ. соч. С. 266—267.

батареи Балтийского флота. Каждая армия имела и собственную авиацию: 7-я армия 10 полков, а 13-я — 5¹.

В составе Северо-Западного фронта, включавшего в себя резервную группу Павлова и ряд других частей разных родов войск, к 10 февраля насчитывалось 705 360 бойцов и командиров, 109 739 лошадей, 35 546 автомашин, 4519 тракторов, 727 мотоциклов, 14 879 ручных, 5293 станковых и 984 зенитных пулемета, 5796 орудий и минометов (1540 45-мм, 1520 76-мм, 23 107-мм, 199 122-мм и 36 152-мм пушек, 707 122-мм, 731 152-мм, 96 203-мм и 3 234-мм гаубиц, 28 280-мм мортир и 904 миномета, а также 4 180-мм, 3 305-мм и 2 356-мм орудия Балтийского флота), 2303 танка (1149 «Т-26», 570 «БТ-5» и «БТ-7», 99 «Т-28», 492 «Т-37» и «Т-38», а также два экспериментальных КВ и один Т-100), около 2200 самолетов (с учетом авиации Балтийского флота)².

Вся эта поистине колоссальная мощь была сосредоточена на ограниченном пространстве Карельского перешейка против «Армии Эстермана», насчитывавшей всего около 100 тысяч человек, менее 500 орудий и минометов, около 30 танков и 200 самолетов.

Таким образом, советские войска превосходили противника на этом направлении в живой силе примерно в 7 раз, в артиллерии в 12 с половиной раз, в авиации в 11 раз и абсолютно — в танках. Правда, данные разведывательного отдела штаба фронта были не до конца точны, так, они явно не учитывали береговую артиллерию противника, имевшую орудия вплоть до 254-мм калибра.

¹ История Великой Отечественной войны.

² РГВА. Коллекция Оп. 1, Д. 645. Л. не указан; Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1917—1941. С. 641.

По моему мнению, план, предусматривавший прорыв обороны противника на участке свыше 50 км, то есть превышавшем треть общей протяженности фронта, был не самым удачным, поскольку снижал возможность нанесения сокрушительного удара на одном-двух направлениях. В последнем случае при ограниченности резервов финской армии и большого превосходства наших соединений такое развитие событий не могло не привести к отходу «армии перешейка» в менее выгодных условиях, чем это случилось в действительности.

Чрезмерное увлечение идеей Брусиловского прорыва — взламывания укрепленной полосы в нескольких местах привело также и к распылению тяжелой артиллерии на широком фронте. В данной ситуации советские стратеги явно недоучли различия в условиях проведения наступательной операции Юго-Западного фронта летом 1916 года и Северо-Западного зимой 1940 года. В первом случае русские армии наступали на широком фронте, имея относительно небольшое превосходство над австро-германскими войсками, которые могли довольно свободно маневрировать, оставляя пространство, отходить на новые рубежи для налаживания обороны на них с подходом резервов. Ограниченность площади Карельского перешейка вместе с относительно небольшим расстоянием до Хельсинки не позволяли применить финскому командованию стратегический отход на большую глубину, тем более что в Юго-Западной Финляндии не имелось рубежей, подобных «линии Маннергейма». Кроме того, как уже отмечалось, колоссальное превосходство в силах вряд ли позволило бы финнам вести сколько-

нибудь успешные наступательные действия на широком фронте.

Вместе с тем идея наступления на широком фронте отражала некоторую боязнь советского командования повторения на Карельском перешейке событий декабря 1939 года, когда соединения, дальше всех углубившиеся на финскую территорию, подверглись фланговому обходу, а некоторые и окружению. В этой ситуации было решено растянуть оборону противника с целью заставить его использовать в первые же дни свои немногочисленные резервы.

Тем временем два соединения 7-й армии — 100-я и 113-я стрелковые дивизии — начали своеобразную разведку боем на своих участках.

113-я стрелковая дивизия 3—4 февраля дважды пыталась овладеть высотой 38,2 в районе Кархула, однако обе атаки были отражены противником с большими потерями, после чего части дивизии два дня готовились к новому наступлению. Виновником неудачи был признан командир дивизии полковник А.Н. Нечаев, отстраненный от занимаемой должности 6 февраля. Вместо него соединение возглавил полковник Х.Н. Алавердов¹. Однако смена командира не привела к более успешному ведению операций в полосе дивизии. Неоднократные попытки захватить в течение 7—9 февраля высоту, являвшуюся одной из ключевых финских позиций, не дали результата. Единственным успехом за три дня было взятие 9 февраля третьим батальоном 513-го стрелкового полка высоты «Груша», фланкировавшей с левого фланга подступы к злополучной 38,2².

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 1901. Л. 13.

² Там же. Л. 14.

10 февраля бесплодные атаки были прекращены, дивизия, как и остальные соединения фронта, готовилась к решающему штурму неприятельских позиций.

Более успешно развивались события на участке 100-й стрелковой дивизии, где после длительной и кропотливой разведки, тщательно маскируемых инженерных работ, сблизивших наш и финский передние края, 3 февраля второй батальон 355-го стрелкового полка внезапным броском оседлал один из дотов Хотиненского укрепрайона — № 45. Финны пытались очистить укрепление артиллерийским огнем, а затем уничтожить оставшихся в живых бойцов и командиров, однако успеха не имели¹. Как вспоминал впоследствии командир батальона капитан Сипович (ставший вскоре Героем Советского Союза), «*в роте осталось 28 человек. (Какое-то магическое число для Красной Армии. — П.А.) Оставшиеся люди действуют не хуже, чем рота в полном составе*»². Ночью под прикрытием темноты и артиллерии саперы подвезли к «сорок пятому» около полутора тонн взрывчатки. После того как стрелки были отведены в укрытия, над дотом поднялся столб пламени и дыма, перемешанного с осколками арматуры и бетона. Тем не менее часть этого оборонительного сооружения уцелела и после этого, поэтому для окончательной ликвидации гарнизона была выделена еще одна рота под прикрытием трех танков³.

На следующий день после упорного боя, сопровождавшегося многочисленными контратаками против-

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 1817. Л. 28.

² Сипович М. Падение первых дотов Хотинена // Бои на Карельском перешейке. С. 132.

³ Указ. соч. С. 133.

ника, был блокирован дот № 44. Ночью на танках были доставлены заряды, взрывами которых был окончательно добит дот № 45 и разрушен № 44¹.

5 февраля финны неоднократно пытались выбить батальон с занимаемых позиций, но бойцы и командиры цепко удерживали завоеванное пространство при поддержке танков и артиллерии. В течение последующих двух дней части дивизии продвинулись, обходя Хотинен, на три километра в глубину мощнейшего укрепрайона противника, который с целью недопущения прорыва обороны на этом участке стянул к месту вклинения свои немногочисленные резервы, полагая, что именно на этом направлении будет нанесен главный удар.

Когда 11 февраля после двухчасовой артиллерийской подготовки части 100-й стрелковой дивизии вновь рванулись вперед, успеха они не достигли, им удалось продвинуться всего на 200—300 метров, после чего вынуждены были залечь под сильным огнем, который велся из района Сумма и с фланга района Хотинен². Бои с 3 по 9 февраля обошлись дивизии в 196 человек убитыми, 1502 ранеными, 89 обмороженными и 4 пропавшими без вести³.

Бои 100-й стрелковой дивизии помимо тактического успеха имели весьма важное значение: противник накануне предстоявшего генерального наступле-

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 1817. Л. 28.

² Там же. Л. 29.

³ Там же. Л. 66.

ния был дезориентирован относительно места нанесения главного удара. Несмотря на то что против двух дивизий 50-го стрелкового корпуса, находившихся на переднем крае (100 и 123-й, 7-я находилась во втором эшелоне), противник сосредоточил до десяти батальонов, основные его силы на этом участке находились против 100-й стрелковой дивизии¹.

Добавим к этому, что 113-я стрелковая дивизия в течение боев 11—13 февраля не достигла каких-либо крупных успехов, только ее 679-й стрелковый полк сумел занять юго-восточные скаты ставшей камнем преткновения высоты 38,2.

Тем временем в 8 часов 40 минут утра 11 февраля залпы продолжавшейся в течение двух с лишним часов артиллерийской подготовки возвестили о начале генерального наступления Красной Армии на Карельском перешейке. В 11 часов передовые части рванулись вперед.

В этих боях прославилась 123-я стрелковая дивизия. Уже через полтора часа ее 245-й стрелковый полк овладел рощей «Молоток» и высотой 65,5 и развил наступление на рощу «Фигурная», захватив 5 дотов противника. Любопытно, что 245-м стрелковым полком командовал майор И.И. Рослый, который в звании генерал-майора в должности командира корпуса принимал участие во взятии Берлина. 255-й стрелковый полк к вечеру овладел высотой «Язык». Наступление пехоты поддерживали батальоны 1 и 20-й танковых бригад (в составе последней помимо штатных «Т-28» действовали экспериментальные «КВ», бывшие неуязвимыми для неприятельской противотанковой артиллерии),

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 9, Д. 1048. Л. не указан.

дивизионная и корпусная артиллерия, несколько дивизионов большой мощности и саперы¹. Так, при тесном взаимодействии всех родов войск в течение нескольких часов была взломана линия укреплений противника, в бесплодных неподготовленных атаках на которую пали тысячи бойцов и командиров.

Вечером противник, несмотря на то что значительная часть его резервов была связана боем с подразделениями 100-й стрелковой дивизии, попытался контратаковать наступавших, но успеха не достиг: командование 50-го корпуса ввело в бой из второго эшелона 27-й стрелковый полк 7-й стрелковой дивизии. Последний ударил во фланг финнам, которые были вынуждены отойти на север вдоль реки Мая-йоки².

На следующий день 272-й стрелковый полк 123-й дивизии, сменивший на передовых позициях 255-й стрелковый полк, достиг рубежа 600 м севернее высоты 65,5, а вот 245-й стрелковый полк, встреченный сильным огнем, продвинуться не смог³. 13 февраля командование 50-го корпуса ввело в бой также 257-й стрелковый полк, разведывательный и танковый батальоны 7-й стрелковой дивизии, которые, действуя на левом фланге 123-й стрелковой дивизии, заняли высоты «Арбуз» и «Каска»⁴.

В этот же день после часовой артиллерийской подготовки в бой пошли и части 123-й дивизии, однако решающий успех был достигнут на следующий день, когда части 7-й стрелковой дивизии заняли район

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 10, Д. 2118. Л. 14.

² Там же. Д. 103. Л. 1.

³ Там же. Д. 2118. Л. 14.

⁴ Там же. Д. 103. Л. 2.

Катрес-Лампи¹. Таким образом, оборона финнов была прорвана на 8—10 километров. В этот же день в прорыв была введена подвижная группа в составе 13-й танковой и 15-й мотострелково-пулеметной бригад, которая в два часа дня 16 февраля ворвалась на станцию Кямьяря, важнейший пункт снабжения правого фланга финской армии перешейка².

Днем раньше 123-я стрелковая дивизия овладела районом Лехтола—Маяккюля. Дальнейшее продвижение было остановлено в связи с тем, что при отходе финны взорвали мост и лед на реке Мая-йоки³.

7-я стрелковая дивизия в этот же день заняла район Хумолан-аутио, выйдя во фланг Хотиненского УР, а 100-я стрелковая дивизия после тяжелого боя овладела рощей «Сапог», школой поселка Туртта и районом Пелтола⁴.

16—17 февраля соединения 50-го стрелкового корпуса продолжали операцию по расширению и углублению прорыва. 123-я стрелковая дивизия при этом овладела районом развилки дорог севернее местечка Куйвола, 7-я дивизия после четырехчасового боя овладела Хумола и северной окраиной Кивеля⁵.

Наконец, 100-я дивизия заняла хутор Харьюмяки и рощу «Топор»⁶. Таким образом, клин, вбитый в оборону противника, достиг к 17 февраля уже 12—15 километров в глубину и 10—12 по фронту. В ходе прорыва главной полосы «линии Маннергейма» соединения

¹ РГВА. Указ. соч.

² Там же. Оп. 11, Д. 100. Л. 41.

³ Там же. Оп. 10, Д. 2118. Л. 17.

⁴ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 103. Л. 2; Д. 1817. Л. 35.

⁵ Там же. Д. 2118. Л. 18; Д. 103. Л. 3.

⁶ Там же. Д. 1817. Л. 37.

50-го стрелкового корпуса уничтожили Сумма-Хотиненский, Лейпясуоский, Междуболотный и Тайпальский укрепленные районы.

С этого момента можно, наверное, говорить о переломе в ходе боевых действий, по крайней мере на главном театре.

Однако замысел командования Северо-Западного фронта о прорыве обороны противника на широком фронте не был полностью реализован, поскольку остальные соединения действовали не так удачно, как дивизии 50-го корпуса.

Например, пехотинцы 138-й стрелковой дивизии 10-го стрелкового корпуса 11 февраля вынуждены были залечь под сильным огнем финнов у проволочных заграждений. 13 февраля части дивизии вышли на южную опушку роши «Угольник», понеся значительные потери от применения оборонявшимися новой тактики: они пропускали первые цепи атакующих и открывали огонь по последующим, не ожидавшим решительного сопротивления, а затем били в тыл прошедшим в глубину подразделением¹.

Лишь в ночь на 16 февраля 554-й стрелковый полк овладел частью роши «Угольник», а ближе к вечеру высотой «Безымянная», оседлав дорогу Кархула—Туртта².

Не особенно удачно действовала и отличившаяся в декабрьских боях 24-я стрелковая дивизия. Штурмуя Вяйсяненский укрепленный район в период с 11 по 17 февраля, ее части сумели продвинуться всего на 400—500 м³.

¹ РГВА. Д. 2471. Л. 16, 18.

² Там же. Л. 21.

³ Там же. Д. 299. Л. 13—17.

Безуспешным было также наступление 15-го и 23-го стрелковых корпусов 13-й армии, предпринятое с целью прорыва передовой полосы «линии Маннергейма» в течение 11—15 февраля.

В приказе по войскам Северо-Западного фронта, посвященном итогам боевых действий в период с 11 по 18 февраля, отмечалось полное отсутствие фланговых и обходных маневров, приводившее, по мнению командования фронта, к неудаче во время наступления и излишним потерям¹. Однако следует учесть тот фактор, что нередко у командиров дивизий и полков не было никакой возможности для каких-либо маневров ввиду трудных природных условий (глубокий снег, болота, обширные минные поля).

С 11 по 17 февраля очередную попытку вырваться на оперативный простор с Тайпаленского плацдарма предприняли 49-я и 150-я стрелковые дивизии, причем основная тяжесть боев легла на последнюю, в течение недели упорно атаковавшую позиции противника. К 17 февраля 469-й и 674-й стрелковые полки сумели захватить частично разрушенные артиллерией доты №№ 102, 107, 108 и 141 и вклиниться в укрепленный район противника, однако решающий успех достигнут не был, а командир дивизии полковник С.Д. Князьков оказался очередным стрелочником и был отстранен от занимаемой должности².

Новый командир соединения — уже известный вам комбриг А.И. Пастревич считал главными причинами малого успеха наступления большие промежутки между переносом огня артиллерии в глубину и началом

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 9, Д. 521. Л. 156—157.

² Там же. Д. 610. Л. 54; Оп. 10, Д. 2827. Л. 3.

атаки, слабую интенсивность пехотного огня и плохое взаимодействие между подразделениями, решавшими общие задачи¹.

Довольно успешно действовала 70-я стрелковая дивизия. В ходе боев 11—14 февраля она сумела овладеть частью укреплений Кархульского района, заставив противника полностью очистить его, и к 17 февраля вышла на побережье Финского залива, в районе Юханнес, что вынудило неприятельское командование отвести свои части на запад и северо-запад².

Но решающими в ту февральскую неделю были не неудачи целого ряда соединений, а успешные действия дивизий 50-го стрелкового корпуса 7-й армии, натиск которого пробил солидную брешь в железобетонном щите финской обороны, для прикрытия которой у неприятельского командования не было ни сил, ни средств, поскольку большая часть резервов армии «Карельский перешеек» уже была ранее втянута в бой, а части и соединения, перебрасываемые с других участков, еще не успели прибыть к месту назначения. Вечером 17 февраля соседи 50-го корпуса получили сведения разведки об отходе противника в своих секторах³. Свинцовый шквал все нарастал, постепенно переходя во всесокрушающий железный поток, вернее даже топот, грозящий смести все преграды на своем пути.

17 февраля перешли в наступление 42-я и 43-я стрелковые дивизии, действовавшие в составе 34-го стрелкового корпуса на приморском направлении.

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 2823. Л. 14.

² Кирпонос М. Указ. соч. С. 308

³ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 1901. Л. 18; Д. 299. Л. 18; Д. 553. Л. 44; Д. 2471. Л. 21.

17 февраля 42-я стрелковая дивизия при поддержке берегового отряда сопровождения Балтийского флота овладела д. Муурила на побережье Финского залива, а 19 февраля — Келлолатси¹. После этого особо напряженных боевых действий дивизия не вела, за исключением атаки второго батальона 459-го стрелкового полка на северный берег острова Койвисто (Бьорке) 23 февраля, в ходе которой была захвачена д. Патола. Вечером следующего дня батальон сдал свой участок 65-му стрелковому полку 43-й дивизии, а 25 февраля 42-я стрелковая дивизия вышла в резерв 7-й армии².

43-я стрелковая дивизия 19 февраля вела упорные бои севернее поселка и железнодорожной станции Хумалийоки, а на следующий день вышла к побережью Финского залива на участке Томмола, Койвисто, Виртаниemi, Кирвиниemi и овладела городом и крепостью Койвисто³.

21 февраля был получен приказ штаба 34-го стрелкового корпуса о совместной атаке смежными флангами 43-й и 70-й стрелковых дивизий острова Пии-саари, однако выполнить эту задачу оказалось очень непросто: расстояние от материка до берегов острова колеблется от 3 до 4,5 километра, с его высоких скалистых берегов хорошо просматриваются все подходы к острову по берегу залива, все они были пристреляны с финской аккуратностью. Рядом с удобными для про-

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 507. Л. 18; Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1917—1941. С. 644.

² Там же. Л. 19.

³ Там же. Д. 553. Л. 46—47.

рыва пляжами в лед были вморожены фугасы и мины для подрыва и недопущения выхода атакующих на берег.

Поэтому 21 февраля предпринятое без достаточной подготовки наступление успеха не имело. 22 февраля ротам удалось зацепиться только за юго-восточный берег Пии-саари, причем подразделения понесли большие потери, так как в один из моментов боя финнам удалось заставить атакующих лечь на снег и лед. Лишь вечером, когда сгустились сумерки, советская артиллерия подавила прожектора и под прикрытием огневого вала штурмовые группы ворвались на берег¹. Однако упорные бои продолжались вплоть до вечера 23 февраля: финны неоднократно контратаковали наши части и подразделения на Пии-саари, а потерпев неудачу, под натиском 43-й и 70-й стрелковых дивизий вынуждены были окончательно оставить остров, что вынудило отойти под угрозой окружения и гарнизон острова Тиурин-саари, испытывавший сильное давление подразделений 65-го и 147-го стрелковых полков (за Пии-саари вел бой 181-й стрелковый полк). В ночь на 24 февраля финны, подорвав береговые укрепления и портовые сооружения, очистили Бьоркский архипелаг². А 26 февраля 43-я стрелковая дивизия перешла в резерв 7-й армии, а 70-я овладела частью полуострова Койвисто³.

Наступавший правее 10-й стрелковый корпус вплоть до 18 февраля не встречал серьезного сопротивления. По этой причине его 113-я стрелковая дивизия

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 48.

² Там же. Л. 49.

³ Там же. Л. 51.

была выведена во второй эшелон, но уже 19 февраля 138-я стрелковая дивизия на рубеже станция Сомме, поселок Иля-Соммес встретила упорное противодействие финнов, оборонявших укрепленную полосу, прикрывавшую Выборг. Лишь к вечеру подразделения 554-го стрелкового полка заняли южную окраину Иля-Соммес, остальные части дивизии в этот день сколько-нибудь заметно не продвинулись¹.

В этот же день 7-я стрелковая дивизия пыталась овладеть школой в районе Иля-Соммес, но встреченные фронтальным и косоприцельным огнем противника ее 27-й и 257-й стрелковые полки залегли². Неудача 7-й дивизии во многом была обусловлена тем, что 100-я стрелковая дивизия не сумела овладеть школой Кивеля, укрепившись в районе которой, неприятель не давал возможности продвинуться правому флангу³.

На следующий день, 20 февраля, 7-я стрелковая дивизия перешла в оперативное подчинение 10-го стрелкового корпуса, от штаба которого было поручено распоряжение овладеть поселком Аля-Сяйние. Однако все попытки дивизии выполнить приказ были отражены противником, эффективно использовавшим свои укрепления у школы Кивеля. Неудачными были и попытки 100-й стрелковой дивизии овладеть школой⁴.

138-я стрелковая дивизия 20 февраля получила задачу полностью овладеть ст. Сомме и поселком Иля-Соммес, однако ее 554-й стрелковый полк не сумел

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 2471. Л. 25.

² Там же. Д. 103. Л. 3.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 4; Д. 1817. Л. 39.

преодолеть сопротивление финнов и ввиду значительных потерь был выведен во второй эшелон. На передовой его сменил 768-й стрелковый полк¹. Не сумела взять станцию и введенная в бой 113-я стрелковая дивизия².

В течение 21—22 февраля все три дивизии 10-го стрелкового корпуса не имели сколько-нибудь заметных успехов. Даже после овладения 85-м стрелковым полком 100-й дивизии школой Кивеля 22 февраля противник держал под фланговым огнем части 7-й стрелковой дивизии, не давая им шансов на успешную атаку, а сам 85-й стрелковый полк не сумел развить свой успех³. В течение последующих трех суток 7-я и 100-я стрелковые дивизии неоднократно пытались прорвать оборону противника, но всякий раз наткнулись на плотный огонь и минные поля, и их продвижение исчислялось несколькими сотнями метров в день⁴. В ночь на 23 февраля командир 7-й дивизии комбриг С.В. Верзин сделал подарок 27-му стрелковому полку, непрерывно находившемуся на передовых линиях в течение почти двух недель: сменил его 300-м полком, однако ввод свежей части не повлиял на ход боевых действий. За период с 11 по 24 февраля 7-я стрелковая дивизия потеряла, по данным ее штаба, 340 человек убитыми, 1316 ранеными, 104 пропавшими без вести и 119 обмороженными⁵.

Не увенчались успехом и атаки 138-й стрелковой

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 2471. Л. 25.

² Там же. Д. 1901. Л. 19.

³ Там же. Д. 1817. Л. 40.

⁴ Там же. Л. 41.

⁵ Там же. Д. 103. Л. 4.

дивизии на Иля-Соммес, но в этом случае необходимо отметить, что это соединение наступало без надлежащей артиллерийской подготовки: в нем отсутствовал гаубичный артполк, а корпусные артиллерийские части и орудия большой мощности были приданы 7-й и 113-й стрелковым дивизиям¹.

Последняя, кстати, сумела достичь тактического успеха: 23 февраля ее 513-й стрелковый полк овладел ст. Сомме², но развить успех не удалось, поскольку противник держал подступы к станции под сильным огнем. В дальнейшем в течение трех-четырех суток соединения корпуса активных действий не вели, и до 28 февраля на этом участке фронта наступила оперативная пауза.

123-я стрелковая дивизия также вела напряженные бои с финскими частями, прикрывавшими район ст. Сяйние. В течение 18—20 февраля ее полки продвинулись на полтора-два километра, овладели дер. Уйтту и оседлали железную дорогу у полустанка Хумола³.

21 февраля дивизия получила задачу овладеть высотой 43,0 и полустанком Хонканиеми, но выполнить этот приказ в полном объеме не удалось: продвинувшись на 800—1000 м, 272-й стрелковый полк занял дер. Пиенмяки, а 245-й вышел на рубеж отдельный дом в 500 м юго-западнее Пиенмяки, высота 42,0⁴. 22 февраля был получен новый приказ: наступать на станции Перо и Сяйние, но ни в этот, ни на следующий день овладеть этими двумя важными опорными пунктами ей не удалось. Атаки были неудачными, несмотря на

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 2471. Л. 26.

² Там же. Д. 1901. Л. 21.

³ Там же. Д. 2118. Л. 19—20.

⁴ Там же. Л. 22

то что ее поддерживали батальоны 20-й и 35-й танковых бригад¹. На правом фланге 50-го стрелкового корпуса действовали уже 84-я мотострелковая дивизия, 13-я легкотанковая и 15-я мотострелковопулеметная бригады. 13-я бригада после своего удачного рейда на станцию Кямря получила задание овладеть одноименным поселком, находившимся в 7 километрах северо-западнее станции, и наступать в дальнейшем на Кирка Хейнйоки, но плохое взаимодействие с пехотой и артиллерией привело к медлительности наступления², и поселок Кямря оставался в руках противника до 20 февраля, когда его заняла 51-я стрелковая дивизия.

В тот же день 13-й танковой бригаде было поручено наступать на Пиен-Перо и платформу Пилпула, взаимодействуя с пехотой 51-й и 84-й дивизий. К вечеру 13-й и 15-й отдельные танковые батальоны заняли южную часть поселка и вынуждены были закрепиться там ввиду того, что финны, по своему обыкновению, взорвали мост через реку Перон-йоки³.

В течение ночи на 21 февраля противник неоднократно пытался отрезать передовые батальоны от основных сил бригады и корпуса и уничтожить их. Полностью свой план финскому командованию реализовать не удалось, но в 10 часов утра подразделения противника овладели господствующей над окружающей местностью высотой 45,0 и перерезали коммуникацию, по которой 13 и 15-й танковые и 205-й разведы-

¹ Там же. Л. 23.

² Там же. Оп. 11, Д.100. Л. 44—45.

³ Там же. Л. 45.

вательный батальоны получали боеприпасы и продовольствие¹.

22 и 23 февраля 6-й и 9-й танковые батальоны при поддержке артиллерии и пехоты 84-й стрелковой дивизии вели упорные бои с целью деблокирования окруженных подразделений, но продвинулись только на несколько сот метров. Следует отметить, что в День Красной Армии — 23 февраля — выполнению боевой задачи помешала... собственная артиллерия, обстрелявшая боевые порядки танкистов, уже подготовившихся для встречного удара².

Непрерывные атаки на позиции противника не позволили ему обрушить удар наибольшей разрушительной силы на окруженные батальоны. А 24 февраля началась сильнейшая метель, с настолько могучими порывами ветра и снеговыми зарядами, что боевые действия на некоторых участках фронта прекратились до утра 26-го числа. Это время было использовано для эвакуации раненых, ремонта поврежденной техники, подвоза боеприпасов и, конечно, отдыха. 26—27 февраля активных действий на правом фланге 50-го стрелкового корпуса не вели ни наши соединения, ни противник, только окруженные батальоны прощупывали слабые места в его обороне³.

А на участке 123-й стрелковой дивизии то ли непогода не была столь колючей, как на остальном фронте, то ли бойцы и командиры были особенные, но факт остается фактом: 24 февраля ее части предприняли наступление на населенные пункты Хепонотко и Суур-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 46.

² Там же. Л. 47—48.

³ Там же. Л. 49.

Перо и к исходу дня овладели южной окраиной первого, лишь частично выполнив боевую задачу¹.

Вечером следующего дня 245-й стрелковый полк овладел полустанком Хонканиemi и пытался развить свой успех, двигаясь по реке Сяйние-йоки к ст. Сяйние, но был остановлен фланговым огнем, остальные части 123-й стрелковой дивизии в этот день продвижения не имели ввиду ожесточенного сопротивления финнов, оборонявших укрепления на подступах к Выборгу².

Даже в период оперативной паузы в полосе дивизии не прекращались бои. 26 февраля два финских батальона при поддержке шести танков «Виккерс» контратаковали 245-й стрелковый полк. Положение осложнилось тем, что поначалу неприятель был принят за своих, поскольку по внешнему виду «Виккерс» очень похож на советский «Т-26» (вернее, наоборот, СССР в 1931 году купил у фирмы «Виккерс» лицензию на эту боевую машину и стал производить ее в невиданных до того количествах). Однако разобравшись, артиллеристы и пехотинцы открыли огонь по противнику, а решающий удар нанесли ему танкисты, уничтожившие четыре боевых машины³. 27 февраля части дивизии вели разведку боем переднего края противника и готовились к новому наступлению.

Тем временем 24, 80 и 90-я стрелковые дивизии 19-го стрелкового корпуса (с 22 февраля в состав корпуса вошла также 95-я стрелковая дивизия. — П.А.),

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 10, Д. 2118. Л. 24; Оп. 11, Д. 168. Л. 50.

² Там же. Л. 26.

³ Макаров А. Разгром финской танковой группы // Бои в Финляндии, Т. 2. С. 409—410.

используя успех левофлангового соседа — 50-го корпуса, вели наступление на север и северо-запад от Лейпсау, но темп их продвижения резко замедлился, когда они вышли к шоссе Муола — Хотокка — Пиен-Перо — Выборг. Не желая терять эту важную дорогу, финны усилили части, действовавшие на этом направлении. 22 февраля на стыке 80-й и 90-й дивизий была введена 95-я стрелковая дивизия, прибывшая в январе в Ленинградский ВО из-под Одессы, однако ввиду того что артиллерия застряла в многочисленных пробках, огневое сопровождение и прикрытие были очень слабыми и пехота залегла перед проволочным заграждением¹. При повторной атаке 23 февраля пехоте, действовавшей без танков, не позволил продвинуться фланговый огонь². На следующий день 90-й стрелковый полк был передан в подчинение понесшей значительные потери 90-й стрелковой дивизии, а атаки 161-го и 241-го стрелковых полков вновь захлебнулись у проволочных заграждений. В этот день дивизия впервые понесла серьезные потери: 99 человек убитыми и 659 ранеными³.

25 февраля подразделения 90-го стрелкового полка ворвались на высоту «Пунктирная», но соседи справа и слева не поддержали его наступательный порыв, и оборонявшиеся на этом участке финны сумели сильным фланговым огнем вынудить советские подразделения покинуть высоту. Два других стрелковых полка вновь безрезультатно наступали, не выполнив преж-

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 1719. Л. 3.

² Там же.

³ Там же. Л. 4.

нюю задачу, лишь третьему батальону 241-го стрелкового полка удалось прорвать проволочные заграждения, остальные окопались рядом¹.

26 февраля 90-й стрелковый полк овладел высотой «Придорожная». В тот же день 90-й дивизии был подчинен и 241-й стрелковый полк, на следующие сутки оставшиеся части дивизии выводятся в резерв 7-й армии, а 28 февраля на ст. Кямьяр выходят и два полка, подчиненных 90-й дивизии². Канонада ненадолго затихла и на этом участке.

24-я стрелковая дивизия не прекращала активных действий ни на один день: после нескольких неудачных атак 20 февраля ей удалось наконец достичь небольшого успеха: ее подвижный отряд в составе 300 человек, посаженных на 40 танков, овладел о. Суур-саари на оз. Муолан-ярви³ (не путайте, уважаемый читатель, этот остров с одноименным островом в Финском заливе).

Два следующих дня части дивизии пытались по льду ворваться на окрестные островки Кангас-саари и Ламми-саари, но все атаки были отбиты, точно так же не увенчалась успехом и контратака финнов, пытавшихся выбить подразделения 24-й стрелковой дивизии с Суур-саари⁴. 23 февраля 274-й стрелковый полк овладел Кангас-саари, но Ламми-саари продолжал удерживаться неприятелем⁵. 24 февраля дивизия получила задачу нанести удар на Хотокка, Иля-Хотокка, но

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 5.

² Там же. Л. 6—7.

³ Там же. Д. 299. Л. 19.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же.

метель и здесь помешала наступлению: артиллерийская подготовка началась только в 11 часов вместо намеченной половины девятого, и противник, не подвергшийся достаточному огневому воздействию, отразил все атаки¹.

25 февраля 7-й и 274-й стрелковые полки после полчасовой артподготовки вновь перешли в наступление, но лишь второму из них удалось достичь результата, захватив о. Лоухикко, 7-й полк продвинуться в тот день не смог². В ходе боев 26—27 февраля вновь удачнее действовал 274-й стрелковый полк, овладевший к исходу вторых суток островами Ламми-саари и Пунтара и зацепившийся за северо-западный берег Муоланярви³. В ночь на 28 февраля противник на фронте 19-го корпуса начал отход, хотя 80-я стрелковая дивизия в течение четырех дней боев не имела сколько-нибудь существенного продвижения⁴.

16 февраля 8, 62 и 136-я стрелковые дивизии 23-го стрелкового корпуса наконец прорвали передовые позиции «линии Маннергейма» и в течение двух суток вышли к ее главному рубежу⁵. Стремясь ворваться в укрепленный район на плечах отступавшего противника, комбриг С.Д. Акимов отдал 18 февраля приказ о штурме укреплений на рубеже Ильвес-Муола⁶. Однако финны, совершившие планомерный отход, уже закрепились на занятых позициях, и в ходе боев 19—22 февраля атакующие встретили упорнейшее сопротивление.

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 21.

² Там же. Л. 22.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ Погарский М. Орденосносная дивизия // Бои в Финляндии. Т. 2. С. 204.

⁶ РГВА. Ф. 34980, Оп. 9, Д. 738. Л. 73—75.

ние и, понеся значительные потери, временно перешли к обороне. Особенно велики были потери в 541-м стрелковом полку 136-й дивизии и в 151-м стрелковом полку 8-й дивизии¹.

Корпусная и дивизионная артиллерия вместе с приданными подразделениями орудий большой мощности РГК вели с 22 по 27 февраля огонь на разрушение дотов и дзотов противника. К 27 февраля артиллеристам, выкатывавшим на прямую наводку даже 203-мм гаубицы, удалось разрушить 26 дотов и 21 дзот², что значительно облегчило последующий прорыв обороны.

Воспользовавшись успехом соседей, прорвавших передовую полосу «линии Маннергейма», перешел в наступление и 15-й стрелковый корпус в составе 17 и 50-й стрелковых дивизий и 39-й легкотанковой бригады. Стрелковые дивизии 18—20 февраля вышли к главной полосе обороны и пытались совместно с подвижной группой, созданной на базе танковой бригады, прорваться с ходу в Мялькельский укрепленный район, но атака с ходу танкистам и мотострелкам не удалась.

Не сумела изменить положение и введенная в бой из второго эшелона 25 февраля 97-я стрелковая дивизия. В течение двух дней она атаковала противника в районе высоты 16,6, урочище Топонен, а также в междоузельном дефиле Яюряпя-ярви, Мялькеля-ярви, не достигнув больших успехов и не понеся значительных потерь: за эти дни ее два передовых стрелковых полка (69 и 136-й) недосчитались 15 человек убитыми и 117

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 102—104.

² Там же. Д. 786. Л. 3.

ранеными¹. Отметим, что действия 97-й стрелковой дивизии носили скорее демонстративный характер, имея целью отвлечь резервы противника.

Не было спокойно и в полосе других соединений 13-й армии. 19 февраля 19-й стрелковый полк 142-й стрелковой дивизии совместно с переданным в оперативное подчинение дивизии 123-м стрелковым полком 62-й стрелковой дивизии начали переправу через оз. Суванто-ярви с целью овладения районом Волоссула и прорыва Волоссульского укрепленного района. Форсировав озеро по льду, полки вышли на берег, но у проволочного заграждения, сооруженного в 150—200 метрах от кромки воды, были встречены мощным огнем неподдавленных огневых точек противника и вынуждены были залечь. Под прикрытием сумерек полки отошли на южный берег озера². На следующий день 123-й стрелковый полк был возвращен в свою дивизию, а 142-я стрелковая дивизия в дальнейшем активных действий не вела, ограничиваясь поисками разведчиков, державших в напряжении противника на северном берегу.

18 февраля перешли в наступление с тайпаленского плацдарма части 49-й и 150-й стрелковых дивизий. Удача вновь не сопутствовала их действиям. 18 февраля наши бомбардировщики по ошибке нанесли удар по боевым порядкам 469-го и 674-го стрелковых полков и по огневым позициям 328-го артиллерийского

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 10, Д. 1753. Л. 14.

² Там же. Д. 2727. Л. 9—10.

полка. В результате наступление было сорвано, а указанные выше части понесли немалые потери¹.

В ходе боев, продолжавшихся целую неделю, части 150-й стрелковой дивизии захватили еще два дота: № 103 и 106, а 49-я дивизия не сумела занять ни одного неприятельского укрепления². С 25 февраля потрепаные соединения приводили себя в порядок. Таким образом, ставка командования 13-й армии на тайпаленский плацдарм вновь не оправдалась и очередная операция привела лишь к новым жертвам.

К 26 февраля на большинстве участков Северо-Западного фронта установилось то, что писатели и солдаты называют затишьем, а военные историки — оперативной паузой. Обе стороны готовились к новым боям, сосредотачивая новые силы, особенно на главном направлении, причем если советское командование делало это почти без напряжения, перебрасывая новые соединения из внутренних округов, то финнам приходилось снимать с позиций части и соединения из Центральной и Южной Карелии, в частности на Карельский перешеек были переброшены части 21-й пехотной дивизии с каяанского направления, с лоймоловского и из района северо-западнее Ладожского озера — 23-я пехотная дивизия, готовились к передислокации 2-я и 3-я пехотная бригады³.

Линия обороны финской армии медленно, но неотвратимо становилась похожей на тонкую, то и дело рвущуюся нить, соединять концы которой было все

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 2823. Л. 15.

² Там же. Д. 2827. Л. 3.

³ Там же. Оп. 14, Д. 158. Л. не указан.

труднее и труднее. Нет, солдаты финской армии не дезертировали и почти не переходили на сторону Красной Армии (такие случаи были единичными), но под непрерывными бомбежками и артиллерийскими обстрелами многие из них стали стрелять менее метко, выполнять свои обязанности не столь четко, как раньше. И если советское командование время от времени могло выводить наиболее измотавшиеся соединения в резерв, то генералу Х. Эстерману и сменившему его на посту командующего армией «Карельский перешеек» А.-Э. Хейнриксу не удавалось производить смену переутомленных частей с необходимой частотой.

В февральских боях более успешно действовали и танкисты. 20-я танковая бригада под командованием комбрига С.В. Борзилова успешно поддерживала стрелковые дивизии во время главной оборонительной позиции «линии Маннергейма», в боях в районе Няюкки и Хепонотко. Кстати, именно в ее составе действовали экспериментальные танки «КВ»¹.

35-я танковая бригада также немало способствовала успеху прорыва 123-й дивизии и побатальонно поддерживала стрелковые дивизии в дальнейшем. Это и неудивительно, ведь бригада имела на вооружении танки «Т-26», однотипные с теми, которые находились в танковых батальонах стрелковых дивизий².

Нельзя не отметить и значительно улучшившийся уровень подготовки и проведения операций советским командованием, повышение боевой выучки бойцов и командиров. В наступлении стали чаще использоваться фланговые маневры, улучшилось взаимодействие

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 11, Д. 168. Л. 32—34.

² Там же. Д. 244. Л. 29—34.

различных родов войск, необходимое для преодоления укрепленной полосы финнов. Были отработаны вопросы борьбы с неприятельскими укреплениями, огневыми точками, тактика действий в лесисто-болотистой местности, действия против финских разведывательно-диверсионных групп и одиночных снайперов и автоматчиков, которые не чувствовали себя так вольготно на передовых линиях и в тылах наших войск, как это было в декабре.

Для запугивания противника и нанесения ему максимально возможного урона в ходе артиллерийской подготовки применялся ложный перенос огня в глубину, при котором финские стрелки и пулеметчики, занимавшие свои позиции для отражения атаки, несли значительные потери при повторных налетах.

Помножив эти факторы на колоссальное превосходство советских соединений, можно, наверное, понять, насколько тяжело защищать свободу своей страны, по выражению генерала И. Сииласвуо, «бедного, но любимого Отечества».

Впрочем, не везде финнам приходилось вести такие напряженные бои, как на Карельском перешейке. Хотя бои шли на всех участках фронта.

Долго будет Карелия сниться...

12 февраля 1940 года из соединений левого фланга значительно усилившейся 8-й армии была сформирована 15-я армия, командующим которой был назначен командарм 2-го ранга М.П. Ковалев, командовавший Белорусским фронтом во время «Освободительного похода» в сентябре 1939 года¹.

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 8, Д. 32. Л. 1.

Вскоре после своего назначения Михаил Прокофьевич решил провести наступательную операцию. Ковалев вступил в должность 12 февраля, а уже 15-го числа было предпринято наступление на острова. Однако лично у меня язык не повернется упрекнуть командующего в излишнем служебном рвении и желании продемонстрировать бурную деятельность: острова Максиман-саари и Петя-саари находились недалеко от коммуникации, по которой шло снабжение для окруженной противником 168-й стрелковой дивизии.

Нельзя сказать, что операции на левом фланге были ненужными: помощь другим окруженным соединениям была нужна незамедлительная и действенная, но наступление это велось без надлежащей подготовки.

В 6 часов утра 15 февраля 204-я воздушно-десантная бригада начала наступление на острова Петя-саари и Максиман-саари. Штаб бригады получил приказ о наступлении лишь в десять часов вечера 14 февраля¹. После короткой артиллерийской подготовки, в которой участвовали всего 12 орудий (по четыре 76-мм, 122-мм и 152-мм), в утренней мгле десантники в маскировочных халатах устремились вперед по льду Ладожского озера. Однако фронтальный и фланговый огонь вынудил залечь второй батальон бригады у южной оконечности Максиман-саари, а с рассветом противник стал просто выкашивать цепи пулеметным огнем. Тем не менее невероятным усилием командирам удалось поднять своих бойцов, и батальон ворвался на южный берег острова и продолжал наступление, которое финнам удалось остановить только на перешейке, соединяющем южную часть острова с северной².

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 11, Д. 400. Л. 1.

² Там же. Оп. 8, Д. 29. Л. 31.

Тем временем третий батальон атаковал Петя-саари и, несмотря на значительные потери, занял три четверти острова¹. А вот дальше началось нечто невообразимое: на просьбу командира бригады полковника И.И. Губаревича об артиллерийской поддержке командир левофланговой группы 15-й армии комбриг К.А. Коротеев (будущий Герой Советского Союза (1945) и командующий рядом армий в период Великой Отечественной) ответил: *«Хватит сосать артиллерию, прокладывайте себе дорогу своим огнем!»*². Это было заявлено командиру бригады, главной силой которой были умелые, хорошо подготовленные воины, но в ее составе по штату числилось всего двенадцать 45-мм пушек и восемнадцать 50-мм минометов. Не желая обвинять Константина Аполлоновича в пристрастии к кровопусканиям собственным подчиненным, долго размышлял, для чего, собственно говоря, существует артиллерия, если не для поддержки своей пехоты и танков? Неужели для салютов? И думал ли о последствиях своих действий комбриг Коротеев? Какой кровью и неудачей это обернется? Но этим фантазмагория не закончилась. По приказу Коротеева 219-й стрелковый полк 11-й дивизии, который должен был поддержать десантников после того, как они ворвутся на остров, был оставлен в резерве вместе с первым батальоном бригады³.

Кроме этого, командир 219-го стрелкового полка по какой-то причине не решился доложить, что остров Зуб, занятый ранее боевым охранением полка, был ос-

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 11, Д. 1400. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Там же.

тавлен незадолго до этого, в результате чего десантники попали под внезапный фланговый огонь¹.

Можно только предполагать, какие чувства испытывали бойцы и командиры, слышавшие ожесточенную перестрелку на островах и остававшиеся вопреки своему желанию помочь своим истекавшим кровью соратникам в безопасности. Понесся большие потери и не получив подкрепления, второй и третий батальоны начали в ночь на 16 февраля отход. Вряд ли стоит искать в действиях Ковалева и Коротеева злой умысел, но в проведении этой частной операции они допустили слишком много ошибок, которые были оплачены кровью бойцов и командиров с хорошей тактической и стрелковой подготовкой, отлично владевших лыжами. После этого боя 204-я воздушно-десантная бригада (вернее два ее батальона, принявшие участие в бою) недосчиталась 320 человек убитыми и 281 — ранеными².

23 февраля командование армии решило, видимо, преподнести подарок любимому железному наркому товарищу Ворошилову в виде двух взятых островов. После получасовой артиллерийской подготовки десантники вновь пошли на Петя-саари при поддержке танков. Однако последние вместо того, чтобы поддерживать десантников, высадившихся из бронесаней... гордо продефилировали вдоль берега и возвратились на берег, фактически не приняв участия в бою³. Тем не менее «крылатые пехотинцы» сумели овладеть южной

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 8, Д. 29. Л. 32.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 5.

частью острова и... вновь оказались без артиллерийской и авиационной поддержки. Несмотря на это, десантники удерживали свои позиции вплоть до рассвета следующего дня, когда под непрекращающимся обстрелом батальоны покинули остров. Этот бой стоил бригаде еще 369 человек убитыми и 325 ранеными¹.

Тем временем соединения 8-го стрелкового корпуса в очередной раз попытались прорвать оборону противника и деблокировать группировку, окруженную в районе Леметти. 25-я мотокавалерийская дивизия еще 10 февраля перешла в наступление, но сразу же встретила упорнейшее сопротивление финнов, неоднократно переходивших в контратаки. Во время одной из них 111-й мотокавалерийский полк отошел, оставив противнику своих раненых на поле боя. Положение исправил 138-й полк, который стремительным ударом восстановил положение и спас раненых².

Остальные дивизии 8-го корпуса, 11-я и 72-я стрелковые (последняя имела два стрелковых и один артиллерийский полк), также атаковали противника, однако окруженные напрасно ожидали помощи, финны, отдав полтора километра болот и лесов, прочно укрепились на высотах в районе населенного пункта Ниемеля, и все последующие попытки выбить их с занимаемых позиций не имели никакого результата³. Единственное, что удалось сделать, — это вывести из окружения группу Иовлева, которая ранее также шла на помощь окруженным, но сама оказалась в неприятельском кольце. Она не находилась в столь бедственном положении, как блокированные в районе Ле-

¹ РГВА. Указ. соч.

² Там же. Оп. 9, Д. 262. Л. не указан.

³ Там же.

метти, но тем не менее 20-й стрелковый полк 37-й дивизии, переданный в подчинение командира 72-й стрелковой дивизии, 15 февраля нанес удар в направлении высоты 95,4, куда и вышла на следующий день упомянутая группа¹.

23 февраля 8-й стрелковый корпус вновь перешел в наступление с прежней целью, но результаты его также были прежними: за три дня боев дивизии продвинулись менее чем на километр и вынуждены были прекратить малоэффективные атаки на позиции противника². Цена, заплаченная за эти полтора-два километра территории, была чрезвычайно высока: 25-я мотокавалерийская дивизия за период с 4 по 25 февраля потеряла 712 человек убитыми, 1910 ранеными, 236 пропавшими без вести и 353 обмороженными. 72-я стрелковая дивизия недосчиталась 613 человек убитыми, 2465 ранеными, троих пропавшими без вести и 79 обмороженными. 11-я стрелковая дивизия, чьи передовые подразделения вступили в бой еще в январе, с 10 по 27 февраля потеряла 352 человека убитыми, 1482 ранеными, 286 пропавшими без вести и 83 обмороженными. Наконец, штаб 37-й мотострелковой дивизии, принимавшей участие в боях 23—25 февраля, исчислял потери в своих частях в 373 убитых и 908 раненых. Такие данные были представлены штабами дивизий в штаб 15-й армии³.

Фактически все эти операции закончились провалом, не могли исправить положение и действия 6-го отдельного лыжного батальона, пришедшего на помощь окруженным. Натыкаясь на многочисленные за-

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 19, Д. 452. Л. не указан; Оп. 8, Д. 20. Л. 151.

² Там же. Оп. 9, Д. 262. Л. не указан.

³ Там же. Оп. 8, Д. 108. Л. 4, 36, 58, 60, 61.

сады противника и к тому же потеряв ориентировку, он вынужден был вернуться к главным силам армии, причем отнюдь не в полном составе: за неделю боев 143 человека были убиты, 142 ранены, 430 пропало без вести и 239 обморожено, то есть батальон вернулся совершенно небоеспособным¹.

А пока стрелки и лыжники безуспешно пытались пробиться к окруженным, две воздушно-десантные бригады (201-я и 214-я), хорошо укомплектованные и имевшие в своем распоряжении грамотных и физически подготовленных бойцов, занимались охраной коммуникаций и разведкой на глубину 40—50 км².

Командование 15-й армии неверно использовало силы, имевшиеся в его распоряжении. Они были, в общем, достаточными для решения поставленных задач: около 100 тыс. человек, около 1300 орудий и минометов и около 200 танков (без учета окруженных соединений)³. И если по численности своих войск до переброски некоторых соединений на Карельский перешеек (65—70 тыс. человек) противник еще сохранял относительное равновесие, то в вооружении, особенно в тяжелом, превосходство советских соединений было весьма значительным.

Вероятно, командованию 15-й армии следовало бы провести операцию по деблокаде или выводу окруженных частей и соединений силами воздушно-десантных бригад, обладавших хорошей лыжной и физической подготовкой, хорошо ориентировавшихся на местности и решительно действовавших в сложных ситуациях, усилив их артиллерией и танками. А вот захват ост-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 4.

² Там же. Оп. 11, Д. 395. Л. не указан.

³ Там же. Оп. 8, Д. 115. Л. не указан.

ровов можно было поручить и лыжным батальонам, разумеется, обеспечив надлежащую артиллерийскую и авиационную подготовку. Лыжным батальонам нередко не хватало умения ориентироваться в лесистой местности. А операция по захвату островов требовала в основном решительного движения вперед, на которое, как показали последующие события, личный состав батальонов был вполне способен. Кроме того, при хорошей огневой поддержке они бы приобрели незаменимый боевой опыт, а вместе с ним и уверенность в своих силах.

Возможно, что за неэффективность проведенных операций командарм второго ранга М.П. Ковалев был 25 февраля освобожден от занимаемой должности и заменен комкором В.Н. Курдюмовым¹. Владимир Николаевич Курдюмов в течение предыдущих полутора лет был начальником Управления боевой подготовки РККА. Теперь ему представлялась возможность проверить, насколько были правильны наставления и уставы, которые разрабатывались под его руководством.

На участках остальных армий: 8, 9 и 14-й — пока было тихо, но это была предгрозовая тишина. Завершалась подготовка к наступлению, которое должно было привести к окончательному разгрому финской армии.

В целом же неудачи на отдельных участках фронта на Карельском перешейке и Сортавальском направлении были второстепенными. Главным же итогом событий, начавшихся во второй декаде февраля 1940 года, был, бесспорно, прорыв главной полосы укреплений

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 32. Л. 17.

«линии Маннергейма», после которого стало ясно, что Финляндия вряд ли будет в дальнейшем в состоянии в одиночку вести успешную оборонительную войну против колоссальной советской военной машины.

Впрочем, отметим, что и Главному командованию Красной Армии не удалось полностью достичь своих целей: финские Вооруженные Силы, несмотря на значительные потери и оставление основного оборонительного рубежа, вопреки ожиданиям сохраняли боеспособность и были готовы к продолжению пусть даже и безнадежного сопротивления.

Однако ясно было и другое: кульминация драмы на севере Европы уже позади и без чудесного вмешательства свыше (т.е. Западной Европы) развязка наступит очень скоро.

Глава 8

СТАЛЬНОЙ ПОТОП

Шквал на перешейке

Казалось бы, сил, сосредоточенных против Финляндии, было достаточно, чтобы стереть в порошок ее армию, укрепления и всю страну с ее немногочисленным населением. Однако к линии фронта шли все новые эшелоны с пополнением, которое должно было заменить многочисленных убитых и раненых, и новыми полнокровными соединениями, прибывшими для наращивания силы удара по маленькой свободолюбивой стране, посмевавшей столь упорно отстаивать свою независимость.

К началу марта на Карельском перешейке было со-

средоточено уже около 730 тыс. человек, 114 тыс. лошадей, более 40 тыс. автомобилей, почти 5 тыс. тракторов, около 16 тыс. ручных и 6 тыс. станковых и более тысячи зенитных пулеметов, 1911 45-мм, 1717 76-мм, 10 107-мм, 197 122-мм и 36 152-мм пушек, 570 122-мм, 768 152-мм, 96 203-мм и 3 234-мм гаубицы, 22 280-мм мортир и 1045 минометов, всего 6374 орудия и миномета, из них почти четыре с половиной тысячи — калибром 76 мм и выше¹.

Невиданным доселе было и количество сосредоточенных на таком ограниченном пространстве танков: их было 2620, не считая еще почти 500 броневых автомобилей², многие из которых были также оснащены пушками. Отмечу также, что в ходе боев в начале марта численность личного состава и боевой техники продолжала возрастать.

Группировка финских вооруженных сил на перешейке на 1 марта 1940 года, по данным советской разведки, насчитывала около 120 тыс. человек, 292 полевых и 64 противотанковых орудия, 108 минометов и не более 30 танков. Колоссальным было и превосходство в воздухе: против почти двух с половиной тысяч боевых машин ВВС РККА и Балтийского флота финны могли выставить не более 130. Таким образом, превосходство советских войск над противником выражалось в следующих цифрах: в личном составе — 6,5:1, в артиллерии примерно 14:1, примерно двадцатикратным было превосходство в авиации и абсолютным — в танках.

Превосходство в силах на всем фронте от Финско-

¹ РГВА. Ф.34980, Оп. 1, Д. 645. Л. не указан.

² Там же.

го залива до Баренцева моря было несколько меньшим, но тоже весьма впечатляющим: против примерно 260 тыс. солдат и офицеров, 700 орудий, 50—55 танков (большой частью трофейных советских) и 160 самолетов первой линии шесть советских армий и Балтийский флот имели более миллиона бойцов и командиров, девять с половиной тысяч орудий и минометов, 3500 танков и более трех тысяч самолетов¹.

Вернемся, впрочем, к Карельскому перешейку, где, бесспорно, решалась судьба войны. Советское командование вновь планировало нанести удары на трех направлениях: выборгском, антреасском и кексгольмском, при этом для облегчения прорыва обороны неприятеля намечалось обойти его позиции по льду Финского залива силами 28-го стрелкового корпуса, созданного на базе Резервной группы Северо-Западного фронта. Никак не могли красные командармы расстаться и с идеей удара на кексгольмском направлении с многострадального и обильно политого кровью Тайпаленского плацдарма.

28 февраля после мощнейшей двухчасовой артиллерийской подготовки соединения 7-й и 13-й армий начали новое генеральное наступление, в ходе которого, по замыслу создателей его плана, должна была прекратить свое существование финская армия, а вслед за ней и независимая Финляндия.

Участник боев на перешейке, уже не раз упоминавшийся командир 2-го армейского корпуса генерал Х. Эквист в своем докладе о событиях отмечал боль-

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 4, Д. 377. Л. не указан; Оп. 5, Д. 380; Оп. 7, Д. 42; Оп. 8, Д. 115.

шое количество тяжелой артиллерии, вполне отвечавшей современным требованиям и создавшей исключительное огневое превосходство в ходе боевых действий в конце февраля—начале марта¹.

Еще одно небезынтересное признание финского генерала: *«Во время боев на «линии Маннергейма» русскими были введены 28- и 45-тонные танки, их тактика была улучшена, и наша артиллерия не успевала их уничтожать. Волны танков врзались в наши позиции. Русские бросали в бой несметное количество средних и тяжелых танков, представлявших собой последнее слово техники»*².

70-я стрелковая дивизия 28 февраля начала наступление на северную часть полуострова Койвисто. Бои сразу же приняли очень упорный характер. В этой ситуации командование 7-й армии приказало 28-му стрелковому корпусу, передислоцировавшемуся на острова Бьоркского архипелага, подготовиться к нанесению флангового удара группировке противника, оборонявшей важный рубеж. В ночь на 29 февраля разведывательные подразделения 86, 91 и 173-й мотострелковых дивизий произвели разведку районов высадки и путей движения³.

Первым полком 28-го корпуса, вступившим в бой, был 169-й мотострелковый полк 86-й дивизии. 1 марта его батальоны совместно с подразделениями 252-го стрелкового полка 70-й дивизии выбили финнов с их последнего плацдарма на полуострове Койвисто (два остальных полка 70-й дивизии прикрывали наступающих от возможного флангового удара с островов Ре-

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 14, Д. 116. Л. 4.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Оп. 10, Д. 1400. Л. 64.

вон-саари и Ууран-саари)¹ и начали подготовку к штурму островов, но вскоре эта операция была возложена на 10-й стрелковый корпус с включением в его состав 42-й и 43-й стрелковых дивизий.

На следующий день 169-й мотострелковый полк получил новую боевую задачу: его действия становились частью подготовки операции по форсированию Выборгского залива. Он должен был очистить от противника острова Туппуран-саари и Тейкарин-саари. Для ее выполнения полк был значительно усилен: ему были оперативно подчинены 109-й разведывательный батальон 86-й дивизии, а также 60-й и 113-й лыжные батальоны.

60-й лыжный батальон совместно с пулеметной и одной стрелковой ротами 113-го лыжного батальона затемно начали движение по льду, чтобы внезапно атаковать гарнизон островов, но на Туппуран-саари, где были расположены 152-мм батарея и прожекторная станция, заподозрили что-то неладное и зажгли прожектора, при свете которых стали видны люди в белых комбинезонах, передвигающиеся по льду. Сразу же заработали пулеметы, и похожие на призраки силуэты стали падать в снежное покрывало, для многих превратившееся в саван. Подразделения залегли, поднять их удалось с большим трудом, но атака была все же успешной благодаря тому, что значительная часть сил гарнизона была отвлечена действиями батальона 169-го мотострелкового полка, наступавшего при поддержке танков с юго-запада. Удержать остров финнам, насчитывавшим всего около 300 человек, не удалось, и они начали отход на Тейкарин-саари².

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 1423. Л. 11.

² Там же. Л. 14—15.

Своевременные действия этого гарнизона в какой-то степени обеспечили успешные действия гарнизона другого острова — Тейкарин-саари. Выдвижение для атаки острова 109-го разведывательного батальона и основных сил 113-го лыжного батальона началось в 4 часа утра, но последние потеряли ориентировку и вынуждены были присоединиться к боевым порядкам соседних частей, штурмовавших близлежащий Туппуран-саари¹.

Противник и здесь заставил наступавших залечь, но командир разведывательного батальона старший лейтенант Васильев сумел под сильным пулеметным огнем поднять своих бойцов в атаку. К полудню была занята примерно треть острова. Однако финны, воспользовавшись тем, что бой разбился на несколько очагов, в каждом из которых они имели преимущество за счет лучшей тактической выучки и знания местности, постепенно взяли лыжников и разведчиков в полукольцо. А с выходом гарнизона Туппуран-саари на Тейкарин-саари финнам удалось полностью окружить наши подразделения. Высланные на помощь батальон 169-го полка и рота 284-го полка запоздали с выдвижением и при подходе к острову были остановлены огнем противника, успевшего организовать внешнее кольцо. Группа под командованием старшего лейтенанта Васильева прорвалась после упорного, доходившего до рукопашной схватки, боя, но вторая рота 113-го лыжного батальона на одной из опушек приняла свой последний бой. Лыжники сражались до последнего патрона. Последний они оставили для себя и, находясь в безвыходном положении, выстрелили себе кто в

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 19.

висок, кто в сердце¹. При выходе из окружения группа Васильева оставила в небольшой бане группу раненых, обещая возвратиться с подкреплением. Не получилось. Раненые некоторое время сопротивлялись, но финны подобрались к строению и сожгли истекавших кровью защитников². Такое обращение с раненым противником похоже на средневековые расправы с ведьмами (такие случаи не единичны, см. главу «Трагедия окруженных», были так же сожжены раненые разведывательного батальона 113-й стрелковой дивизии при его отходе с о. Ласси-саари³).

Позволим себе небольшое отступление. После боя крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с японской эскадрой у Чемульпо все корабли европейских держав, стоявшие в корейском порту, взяли на борт раненых русских моряков. Все, кроме командира американской канонерки «Виксбург». По этому поводу командир французского крейсера сказал, что американский флот слишком молод и еще не впитал в себя вековые неписанные флотские традиции. Видимо, молодая финская армия также еще не усвоила европейские традиции гуманного обращения с поверженным неприятелем. Конечно, подобная жестокость могла показаться инквизиторам двадцатого века мстью за разрушенный дом, мерзную семью или разоренную ферму, но такое изуверство, чем бы оно ни было вызвано, заслуживает безусловного осуждения. Отметим, впрочем, и другое: Красная Армия в значительной степени утрачивала суворовский завет

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 20—21.

² Там же. Л. 23.

³ Там же. Д. 1901. Л. 22.

«Сам погибай, а товарища выручай», оставляя своих раненых на милость Генерала Мороза или рассвирепевшего противника.

В тот день атакующие потеряли 1411 человек убитыми, 552 — ранеными и 80 — пропавшими без вести¹. На следующий день 86-я мотострелковая дивизия готовилась к переправе через залив.

28 февраля перешел в наступление и 10-й стрелковый корпус, его 113-я стрелковая дивизия имела задачу наступать на ст. Нуора, а 138-я — северо-западнее железнодорожной линии, но в ходе первого дня боев осевая линия действий корпуса несколько сместилась, и 513-й стрелковый полк 113-й дивизии овладел д. Аля-Сомме, а 725-й стрелковый полк — д. Оннела². Полки 138-й стрелковой дивизии заняли мызу Карпела и высоты в районе Пурхонен³. После перегруппировки, совершенной 29 февраля, соединения корпуса вновь атаковали противника, и к исходу 1 марта 113-я стрелковая дивизия овладела полуостровом Лиханиеми, а 138-я стрелковая дивизия — ст. Нуора⁴.

На следующий день 113-я стрелковая дивизия безуспешно пыталась ворваться по льду Выборгского залива на о. Туркин-саари и полуостров Маяпохья на западном берегу залива⁵. 138-я стрелковая дивизия в тот день после напряженного боя вышла к южным окраинам Выборга, где была остановлена упорно сопротивлявшимися частями 4-й финской пехотной дивизии.

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 1423. Л. 16, 23.

² Там же. Д. 1901. Л. 23.

³ Там же. Д. 2471. Л. 28.

⁴ Там же. Л. 29; Д. 1901. Л. 24.

⁵ Там же. Д. 1901. Л. 25.

В три часа дня от командира 10-го корпуса пришло приказание вывести из боя 554-й и 768-й стрелковые полки с последующим их сосредоточением за правым флангом 113-й стрелковой дивизии, но в семь часов вечера это распоряжение было отменено и полки возвратились в прежний район¹. Вряд ли подобная карусель положительно сказалась на боеспособности частей и ходе боевых действий.

3 марта дивизия получила задачу овладеть предместьями Выборга Кангасранта и Каренмяки. После тяжелого боя 554-й и 768-й полки вышли к железной дороге. На следующий день наступление с целью ворваться в город успеха не имело². 5—6 марта дивизия не вела активных действий, 7 марта ее вывели в резерв 7-й армии, где она находилась до 10 марта, а 11-го ее перебросили в состав 34-го стрелкового корпуса для нанесения удара по Выборгу с севера³. Однако подготовка к наступлению заняла ровно столько времени, сколько продолжались боевые действия. К счастью, дивизия не участвовала в бессмысленном и беспощадном штурме в ночь на 13 марта.

В ходе боевых действий с 3 февраля по 6 марта 1940 года 138-я стрелковая дивизия потеряла, по данным штаба соединения, 1347 человек убитыми, 4550 ранеными, 296 обмороженными и 58 — пропавшими без вести⁴.

27 февраля в распоряжение 34-го стрелкового корпуса перешла 7-я стрелковая дивизия, главной задачей

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 2471. Л. 30.

² Там же. Л. 31—32.

³ Там же. Л. 33.

⁴ Там же. Д. 2511. Л. 506—512.

которой в наступлении 28 февраля было нанесение удара во фланг противника, оборонявшегося перед 100-й стрелковой дивизией, и выход на рубеж Пелтола, Кангасниemi, который был занят уже к двум часам дня¹. Воспользовавшись этим, 100-я стрелковая дивизия вышла в район Микколанмяки, а в пять часов утра ее передовой полк овладел западной частью станции Сяйние. К исходу дня третий батальон этого полка, посаженный на танки 1-й легкой танковой бригады, занял цементный завод севернее Хиэтама². 1 марта 7-я стрелковая дивизия вышла в район Ояла, мыза Конкала, 2 марта она сосредоточилась у юго-восточных окраин Выборга. В последующие двое суток ее части пытались овладеть южной частью города, но всякий раз вынуждены были отходить на исходные позиции. Противник несколько раз переходил в контратаки силами до двух батальонов. 100-я стрелковая дивизия вышла на рубеж Хиэтама, мыза Хяюрю, развернувшись на юго-восток с целью нанесения удара по Выборгу³.

Таким образом, достаточно быстрый прорыв укреплений на подступах к Выборгу не привел к взятию главного города Карельского перешейка с ходу. Соединения 34-го корпуса вынуждены были приступить к планомерной подготовке штурма, который обещал быть трудным и кровопролитным.

28 февраля перешла в наступление и 123-я стрелковая дивизия. Ее задачей было занятие ст. Перо и стрельбища. К исходу дня 272-й стрелковый полк за-

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 103. Л. 5.

² Там же. Д. 1817. Л. 42—42.

³ Там же. Д. 103. Л. 6; Д. 1719. Л. 8.

нял западный берег р. Перон-йоки, 245-й стрелковый полк — пос. Раухала, а 255-й — пос. Вярякоски. На следующий день последний потеснил противника на 2,5—3 км и овладел развилкой дорог в 3 км западнее Вярякоски, остальные части дивизии продвижения не имели¹. 1 марта 272-й стрелковый полк занял развалины железодельного завода в районе Хиэтама, а 245-й во взаимодействии с 355-м стрелковым полком 100-й дивизии овладел ст. Сяйние. 2 марта дивизия была выведена в резерв 7-й армии, где ее получившие большой боевой опыт бойцы и командиры отдыхали и готовились к новым боям вплоть до 6 марта².

13-я легкая танковая бригада 28 февраля совместно с 84-й мотострелковой дивизией овладела северной частью населенного пункта Пиен-Перо и рванулась было к ст. Пилпула, но вынуждена была вновь остановить свое движение у очередного взорванного моста. 29 февраля 13-й танковый батальон ворвался на ст. Перо, успех его был закреплен стрелками 84-й дивизии, а 6-й танковый батальон перерезал тем временем железную дорогу юго-западнее Пилпула³.

1 марта бригада получила приказ занять пос. Репола, но прорыв в глубину обороны противника не удался, а 2 марта бригаду переподчинили 51-й стрелковой дивизии (той самой, которая в 1920 году обороняла Каховский плацдарм и с большими потерями взяла укрепления белых на Перекопе). В течение трех дней пехота при поддержке танков вела бои, закончившиеся

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 2118. Л. 23.

² Там же. Л. 29.

³ Там же. Оп. 11, Д. 100. Л. 51—52.

4 марта взятием населенных пунктов Суур-Перо и Мююккюля¹. Сама 84-я мотострелковая дивизия не всегда действовала лучшим образом, хотя именно ее саперный батальон довольно быстро восстановил мост через Перон-йоки, по которому прошли танки 13-й бригады. Тем не менее, имея солидную танковую поддержку (помимо 13-й в полосе дивизии действовали и два батальона 20-й танковой бригады), за три дня боев можно было достичь больших результатов, чем продвижение на 10—12 км, хотя и это в боях на Карельском перешейке можно считать неплохим итогом. Следует отметить, что лишь командир 344-го полка майор Соколов умело взаимодействовал с танкистами. В бою за ст. Перо он посадил две роты своего полка на боевые машины и, лично возглавив десант, ворвался в глубину обороны неприятеля. В последующие дни продвижение 84-й мотострелковой дивизии замедлилось, а 4 марта и вовсе прекратилось². 9 марта дивизия была выведена в резерв 7-й армии, к этому моменту в ее полках оставалось по 120—150 активных штыков³.

28 февраля перешли в наступление дивизии 15-го и 23-го стрелковых корпусов 13-й армии. На участке последнего артиллерия значительно облегчила наступление пехоте и танкам, уничтожив несколько десятков огневых точек противника. Особенно успешно действовала в этот день 136-я стрелковая дивизия, прорвавшая, наконец, на своем участке главный рубеж «линии Маннергейма» и полностью овладевшая укрепленным районом Ильвес-Муола⁴.

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 53—55.

² Там же. Оп. 10, Д. 1372. Л. 45, 48—55.

³ Там же. Л. 56.

⁴ Погарский М. Орденосная дивизия // Бои в Финляндии. Т. 2. С. 206.

Перешедшая в подчинение 15-го стрелкового корпуса 97-я стрелковая дивизия также успешно прорвала оборону противника, к вечеру 29 февраля она продвинулась в западном и северо-западном направлениях на 8—10 км, ее 69-й стрелковый полк вышел к ст. Ристсеппяля, а 233-й — к платформе Кауккила, где они были остановлены сильным огнем противника, занявшего заблаговременно возведенные полевые укрепления¹.

На правом фланге 15-го стрелкового корпуса 4-я стрелковая дивизия заняла населенный пункт Карвонен, причем ее 39-й стрелковый полк был атакован нашими легкими бомбардировщиками². На следующий день дивизия получила приказ о выходе в район мыза Вентеля, оз. Мюллю-лампи, т.е. соединению была поставлена задача форсирования р. Вуоксы³.

Между тем дивизия встретила более упорное сопротивление, и лишь в ночь на 2 марта батальон 39-го стрелкового полка сумел овладеть ст. Юряпяя, выйдя к юго-восточному берегу Вуоксы. Однако бои с финскими частями, отстаивавшими плацдармы на правом берегу, продолжались вплоть до 6 марта, когда противник отошел на левый берег в район Вуосалми⁴, не дав нашим соединениям ворваться на его плечах за Вуоксу и создать угрозу группировке, оборонявшейся на кексгольмском направлении и продолжавшей удерживать рубеж в районе Тайпале, оз. Суванто-ярви.

97-я стрелковая дивизия в течение 1 и 2 марта безуспешно пыталась прорвать оборону неприятеля вдоль железной дороги, и только 3 марта 233-й стрелковый

¹ РГВА. Ф.34980, Оп. 18, Д. 1753. Л. 15.

² Там же. Д. 26. Л. 30.

³ Там же. Л. 31.

⁴ Там же. Л. 32—33.

полк пробился к д. Апуля, вклинившись в расположение противника на 5—6 км¹. В тот же день в дивизии был создан подвижный отряд в составе танкового батальона, стрелковой роты и батареи противотанкового дивизиона. В тот же день отряд вышел в тыл финской группировке, оборонявшей плацдарм на правом берегу в районе Апуля, что заставило ее отойти на левый берег в ночь на 4 марта. Днем 4 марта части дивизии пытались форсировать Вуоксу у Хапианиemi, но были отбиты².

2 марта от должности командующего 13-й армией был освобожден командарм 2-го ранга В.Д. Грендаль, и этот пост занял комкор Ф.А. Парусинов. По мнению авторов первого тома шеститомной «Истории Великой Отечественной войны», это произошло из-за того, что: *«Значительно медленнее (чем 7-я армия. — П.А.) продвигалась 13-я армия, которая не выдерживала намеченных темпов наступления и тем самым затягивала выполнение общей задачи фронта. В связи с этим 2 марта Ставка сменила руководство 13-й армии, назначив ее командующим комкора Ф.А. Парусинова»*³. Однако в действительности «намеченные темпы наступления» не выдерживали ни 10, 19, 28, 34 и 50-й стрелковые корпуса 7-й армии, ни 15-й и 23-й корпуса 13-й армии (ее 3-й корпус продолжал стоять на тайпаленском плацдарме и правом берегу Сувантов-ярви, не предпринимая новых кровавых попыток прорвать оборону противника), которые продвигались одинаково медленно и из-за со-

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 1753. Л. 17.

² Там же. Л. 19.

³ История Великой Отечественной войны, Т. 1. С. 270.

противления финнов, и из-за плохой организации наступления. Так что причина смещения с поста командующего 13-й армией командарма Грендаля, одного из немногих офицеров русской армии с академическим образованием, уцелевших от репрессий 20—30-х годов, в чем-то другом.

Обращает на себя и другая ошибка авторов первого тома. По их мнению, двенадцать стрелковых дивизий и пять танковых бригад, награжденных орденами Ленина и Красного Знамени, принадлежали 7-й армии¹. Однако на самом деле три дивизии из двенадцати упомянутых (17, 49, 136-я) и одна танковая бригада (39-я) входили как раз в состав 13-й армии. Кроме того, авторы просто перепутали воевавшую на Карельском перешейке 90-ю стрелковую дивизию (она, кстати, действовала последние полторы недели войны в составе 19-го стрелкового, переданного 2 марта в 13-ю армию) с 40-й стрелковой дивизией, получившей свой орден Ленина еще в 1938 году за бои у оз. Хасан. Любопытно, что авторы, работавшие с документами архива, который тогда назывался ЦГАСА, не удосужились проверить по ним боевой состав армий во время войны.

4 марта 70-я и 86-я дивизии начали переход по льду через Выборгский залив. К вечеру 4 марта 169-й мотострелковый полк захватил плацдарм в районе населенного пункта Харянпян-ниemi. 284-му полку это сделать не удалось — его цепи были встречены у Мухулахти пулеметным огнем и залегли².

¹ Указ. соч. С. 270.

² См. например: Гражданская война и иностранная интервенция в СССР, М., 1987. С. 53.

70-я стрелковая дивизия вышла на западный берег Выборгского залива только утром 5 марта, попутно очистив от финнов острова Тейкарин-саари и Мелансаари. К утру 6 марта ее части, выйдя на материк на участке Карья-ниemi, Виланиemi, заняли рубеж высота 19,6, южная окраина д. Хейнлахти, южная окраина Вила-йоки. К исходу дня 68-й стрелковый полк овладел лесом в районе Нисапохья, 329-й стрелковый полк перерезал шоссе Выборг — Хельсинки на участке Какканпя — Хейнлахти, а 252-й овладел южной окраиной последнего населенного пункта¹.

5 марта 330-й мотострелковый полк 86-й дивизии овладел полуостровом Питканиemi, остальные части дивизии продвижения почти не имели². 6 марта дивизия действовала более успешно: 330-й полк перерезал шоссе Выборг — Хельсинки, выйдя к высотам 14,1 и 16,8, два остальных полка (169-й и 284-й) овладели несколькими высотами в районе Мухулахти³.

Таким образом, к третьему дню была выполнена одна из главных задач операции — захват плацдарма на западном берегу Выборгского залива и перерыв сообщения по важнейшей магистрали — Хельсинкскому шоссе. Впрочем, пока была перерезана только «старая», проходившая вдоль побережья дорога.

В эти дни серьезные хлопоты нашим войскам впервые доставила финская авиация, бомбившая и штурмовавшая двигавшиеся по льду колонны. Для этого противник использовал не только самолеты-бомбар-

¹ РГВА. Ф. 190, Оп. 3, Д. 517. Л. 73—75.

² Там же. Ф. 34228, Оп. 1, Д. 292. Л. 6; Ф. 235, Оп. 3, Д. 37. Л. 42.

³ Там же. Ф. 34228, Оп. 10, Д. 1423. Л. 24.

дивовщики, но и истребители, особенно оснащенные пушкой французские «Мораны». Однако действия многочисленных неприятельских самолетов, встречавших к тому же серьезное противодействие нашей истребительной авиации, не могли прекратить переправу войск и боевой техники через залив. Уже к исходу 5 марта на западный берег была переброшена основная часть дивизионной артиллерии. Поэтому когда финны, сосредоточив до 8 батальонов, перешли в ночь на 7 марта в контратаку, их действия были серьезно затруднены довольно мощным огнем пушек и гаубиц.

Днем 6 марта для развития успеха на плацдарме была сосредоточена 173-я мотострелковая дивизия, получившая на 7 марта задачу овладеть рядом высот. Однако в тот день ее полки, не имевшие боевого опыта, часто теряли ориентировку и продвигались медленно, проходя вместо пяти километров по плану только полтора¹.

В течение 8 марта 378-й мотострелковый полк вышел к высоте 45,7 м, выполнив лишь половину боевой задачи на этот день, а 490-й полк был остановлен на подступах к д. Лахтиала². На следующий день 378-й и введенный в бой 567-й мотострелковые полки вышли к «новому» шоссе Выборг — Хельсинки, пролежавшему в глубине суши и имевшему более удобную для движения трассу. Там они были встречены сильным огнем противника и залегли. 490-й полк во взаимодействии

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 1107. Л. 17, 20.

² Там же. Д. 1323. Л. 26—27.

с 330-м полком 86-й дивизии завязал бой за населенный пункт Вила-йоки¹.

Правофланговая 70-я стрелковая дивизия развивала наступление в северо-западном направлении. 7 марта 329-й стрелковый полк овладел д. Нисалахти, где отразил контратаки противника, нанеся ему значительный урон, 252-й — пос. Хейнлахти. 68-й полк не сумел достичь сколько-нибудь значительных успехов. На следующие сутки 329-й стрелковый полк вышел к мызе Каккала, а 252-й — к населенному пункту Тойвори².

9 марта полки 70-й стрелковой дивизии заняли несколько высот, продвинувшись вперед на два с половиной-три километра³.

86-я мотострелковая дивизия также вела 7—9 марта упорные бои. Ее 330-й мотострелковый полк занял окраину д. Скиппари, 284-й зацепился за окраину Мухулахти, а 169-й овладел несколькими высотами⁴.

Действия соединений 28-го стрелкового корпуса стали развиваться более успешно после переправы по льду на западный берег залива 22-го и 62-го танковых полков. 10 марта 330-й полк полностью очистил от противника д. Скиппари и в тот же день занял хутора Кяхяря и Харью, 169-й мотострелковый полк занял мызу Нокка, а 284-й овладел Мухулахти⁵. 11 марта 330-й полк вместе с 490-м полком 173-й мотострелковой дивизии продолжал бой за Вила-йоки, каждый дом кото-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 28.

² Там же. Д. 3316. Л. 8.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 1107. Л. 26, 33.

рого превратился в маленькую крепость, а 169-й сражался за рошу в районе Нокка, которую занял лишь утром 12 марта. Это было последним успехом дивизии, так как в последний полный день войны ее части продвижения больше не имели¹.

За время своего участия в боевых действиях (с 29 февраля по 13 марта) 86-я мотострелковая дивизия потеряла 1276 человек убитыми, 3337 ранеными и 616 пропавшими без вести².

10 марта один из батальонов 22-го танкового полка был придан полкам 173-й мотострелковой дивизии, получившей приказ выйти на рубеж нескольких высот и занять хутор Рони. Появление более или менее значительного количества танков, судя по всему, воодушевило бойцов и командиров дивизии, поскольку они решительнее пошли вперед и впервые за 4 дня полностью выполнили боевую задачу³.

11 марта дивизия получила боевую задачу овладеть рубежом Лахтиала, Ала Оутила. В тот день 378-й мотострелковый полк вышел к оз. Хейкя-лампи, лишь немного не достигнув заданного рубежа, 567-й мотострелковый полк также успешно продвигался вперед и был остановлен противником только у оврага, в 800 м восточнее пос. Ниемеля. Переправиться через овраг вечером и ночью не удалось: противник бдительно нес службу охранения, активно используя осветительные ракеты. 490-й полк занимал дом за домом в Вила-йоки⁴.

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 38.

² Там же.

³ Там же. Д. 3316. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 11.

На следующий день 567-й мотострелковый полк сумел преодолеть овраг, но развить свой успех не смог, т.к. был встречен сильным огнем с окраины Ниемеля. 490-му полку удалось овладеть западной частью Вилайоки. 13 марта дивизия боевых действий не вела¹.

70-я стрелковая дивизия в последние дни войны встретила усилившееся сопротивление противника. Так, 10 марта 68-й стрелковый полк не имел продвижения, 329-й отеснил противника на 500—700 м, а 252-й и вовсе вынужден был отойти на северную окраину Нисалахти. В последующие двое суток части 70-й стрелковой дивизии также не сумели достигнуть решительного успеха².

Подводя итог действий соединений 28-го стрелкового корпуса, можно сказать, что они в основном выполнили поставленную перед ними задачу, заняв значительный по фронту и глубине плацдарм на западном берегу Выборгского залива и тем самым охватили правый фланг армии «Карельский перешеек». Важным результатом их действий был и выход на шоссе Выборг — Хельсинки, что серьезно осложнило снабжение финских войск. Бои на берегу фактически поглотили подавляющее большинство тех немногочисленных резервов, которые финское командование рассчитывало использовать в боях за Выборг. Следует отметить, однако, и другое: 11—12 марта продвижение наших соединений либо значительно замедлилось, либо вовсе прекратилось, что свидетельствует о достаточной эффективности контрмер, предпринятых финским ко-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 12.

² Там же. Д. 1107. Л. 44, 53.

мандованием, а также некоторой измотанности бойцов и командиров.

По мнению автора, форсирование залива можно считать одной из очень немногих удачно спланированных и проведенных операций во время советско-финляндской войны. В этом случае остается, однако, неясным, что мешало командованию 13-й армии и фронта провести подобную операцию с целью выхода в тыл укреплениям противника в тайпаленском районе, что могло привести к оставлению противником «линии Маннергейма» на этом участке вместо бессмысленных лобовых атак, приводивших только к новым жертвам.

Серьезной угрозой для наступающих дивизий 28-го корпуса в первые три дня их действий на западном берегу Выборгского залива оставались гарнизоны островов Еси-саари, Ревон-саари, Ууран-саари и Суур-саари, с которых противник мог нанести удары в тыл 28-му корпусу и во фланг наступающим по восточному берегу залива дивизиям 10-го корпуса.

3 марта вошедшая в состав 10-го стрелкового корпуса 43-я стрелковая дивизия получила задачу овладеть островом Ууран-саари и крепостью Тронгсунд. В тот день дивизии удалось занять лишь южную часть острова. 65-й стрелковый полк занял д. Суйкола, а 147-й стрелковый полк зацепился за окраину д. Тополя¹.

На следующий день выдвинутая из резерва 42-я стрелковая дивизия заняла несколько небольших островов на подступах к островам Ууран-саари и Сунион-саари². 43-я стрелковая дивизия продолжала при мощ-

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 553. Л. 54.

² Там же. Д. 503. Л. 20.

ной артиллерийской и авиационной поддержке упорнейший бой на Ууран-саари. К вечеру 4 марта 65-й стрелковый полк овладел городом и крепостью Тронгсунд, остальные части полностью захватили весь остров¹.

Утром 5 марта 43-я стрелковая дивизия начала наступление на Ревон-саари, окруженный гарнизон которого сражался с отчаянием обреченных. К исходу дня дивизии удалось лишь зацепиться за кромку северного берега острова. Бои за Ревон-саари продолжались вплоть до вечера 8 марта, когда остров был полностью занят частями 43-й стрелковой дивизии².

Поэтому несколько непонятно, почему М.П. Кирпонос приписал захват Ревон-саари своей 70-й стрелковой дивизии, которая вела в это время бои уже на западном берегу Выборгского залива. Вероятно, у Михаила Петровича произошла абберрация памяти, поскольку в своих воспоминаниях он написал, что Ревон-саари был занят даже раньше, чем Пии-саари³.

9 марта совместная операция 42-й и 43-й дивизий привела к занятию острова Сунион-саари и нескольких мелких островов вблизи западного побережья Выборгского залива. Попытка 455-го и 459-го стрелковых полков ворваться на берег была отражена сильным ружейно-пулеметным огнем финнов. Подразделения залегли неподалеку от прибрежных валунов, дававших

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 553. Л. 56.

² Там же. Л. 58—60.

³ 70-я ордена Ленина стрелковая дивизия // Бои в Финляндии. Т. 2. С. 309.

прикрытие атакующим. С наступлением темноты полки отошли на занятые незадолго до этого острова¹.

В течение последующих дней вплоть до прекращения боевых действий обе дивизии упорно сражались за плацдармы на западном берегу. В боях 10—11 марта успех более сопутствовал 43-й стрелковой дивизии, которая к исходу 11 марта овладела пос. Репола. 12 марта ей не удалось развить успех, все ее атаки были отбиты. С утра следующего дня части дивизии готовились к новому наступлению, но пока шли сборы, из штаба 10-го стрелкового корпуса была получена директива о прекращении боевых действий в связи с подписанием мирного договора².

42-я стрелковая дивизия по 11 марта не сумела захватить даже небольшого клочка территории на побережье залива, и лишь 12 марта 455-му стрелковому полку удалось захватить пос. Вахваниеми, а затем несколько продвинуться на северо-запад. Некоторый успех сопутствовал 455-му и 459-му полкам и в бессмысленной утренней атаке 13 марта, но шоссе Выборг — Хельсинки на этом участке перерезано не было³. Так что утверждения авторов «Истории Великой Отечественной» о плацдарме в 40 км по фронту и 13 км в глубину сильно преувеличены. Не вполне правдиво отображает обстановку на Карельском перешейке и карта⁴.

Также входившая в состав 10-го стрелкового корпуса 113-я стрелковая дивизия в период с 5 по 8 марта неоднократно пыталась по льду ворваться на острова Вейяйсяйен-саари и Туркин-саари, но только к исходу

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 503 Л. 21.

² Там же. Л. 63—64.

³ Там же. Д. 503. Л. 21.

⁴ История Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 270, 280.

6 марта ее 725-й стрелковый полк сумел овладеть двумя островками — крошечными точками на картах, прикрывавшими подход к Туркин-саари: Пиени-Неума-саари и Сури-Неума-саари¹.

9 марта после серии неудачных атак 579-й стрелковый полк, воспользовавшись отходом противника, наконец занял Туркин-саари, а 513-й стрелковый полк после упорного боя зацепился за южную оконечность полуострова Маяпохья на западном берегу залива и создал плацдарм площадью около одного километра².

На следующие сутки 513-й стрелковый полк расширял занятый плацдарм, продвигаясь на север, 725-й стрелковый полк овладел частью острова Поркан-саари, а 679-й полк — северной окраиной пос. Вахваниеми³.

11 марта 725-й стрелковый полк занял населенный пункт Поркан-саари и полностью очистил одноименный остров от противника. На следующий день 113-я стрелковая дивизия вышла на рубеж мыза Ахокас, мыза Кии, населенный пункт Тайпале, где и встретила известие о мире⁴.

5 марта после короткого перерыва возобновились бои за Выборг. Понесшая большие потери в предыдущих боях 7-я стрелковая дивизия на этот раз сковывала противостоящие финские части, а главный удар наносила 95-я стрелковая дивизия⁵. Подразделения дивизии, преодолев надолбы, вынуждены были залечь

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 1901. Л. 26.

² Там же. Л. 28.

³ Там же. Л. 30—31.

⁴ Там же. Л. 32.

⁵ Там же. Д. 103. Л. 7; Д. 1719. Л. 8.

перед проволочными заграждениями, лишь один первый батальон 241-го стрелкового полка сумел захватить одну из высот¹.

7 марта дивизия согласно приказу командира 34-го стрелкового корпуса пыталась прорваться к заливу Суомен Веденпохья, но продвинулась всего на 500—700 м. День женского праздника был для дивизии более счастливым: 241-й стрелковый полк овладел высотой, а 90-й — еще одной, но развить успех не удалось, наступление на одно из Выборгских предместий — Карьяла — захлебнулось у его окраин².

Еще меньшими были успехи 7-й стрелковой дивизии: в течение двух дней ее полки либо топтались на месте, либо вышли к переднему краю противника, дорого оплатив пройденные несколько сот метров³. Сражения, в которых дивизия непрерывно участвовала с 12 февраля, разрешили атакующие цепи, которые пополнялись за счет выделения людей из тыловых подразделений. 9 марта в 27-м стрелковом полку насчитывалось около 400 активных штыков, в 257-м — менее 300 и лишь в получившем пополнение 300-м — около 900⁴.

9—10 марта в Выборгском секторе было довольно тихо. Советские соединения готовились к очередному штурму, который должен был стать решающим. 7-я стрелковая дивизия принимала пополнение, направленное большей частью в наиболее обескровленный 257-й стрелковый полк⁵. 11 марта была получена очередная директива об овладении Выборгом, причем для

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 1719. Л. 10.

² Там же. Л. 12—13.

³ Там же. Д. 103. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же.

более успешных действий 7-я стрелковая дивизия получила в оперативное подчинение 165-й танковый батальон, недавно прибывший на фронт. Однако танкисты не оправдали возлагавшихся на них надежд. Они действовали весьма вяло и нерешительно, нередко оттанавливаясь перед такими препятствиями, которые преодолевали подразделения танкового батальона дивизии. Тем не менее полки сумели ворваться в предместья Выборга. 27-й стрелковый полк достиг ипподрома, где и был остановлен, 257-й стрелковый полк вышел к южной окраине Кангасранта, захватил несколько домов, но не сумел развить свой успех, а 300-й овладел районом кладбища в 300 м юго-восточнее одного из районов старого Выборга — Ристимяки¹.

12 марта дивизия получила задачу овладеть железнодорожным депо Ристимяки—Киесила, после чего полностью очистить от противника южную часть Выборга. Однако в упорных боях части дивизии сумели занять лишь несколько домов, продвинувшись всего на 300 м².

В половине одиннадцатого вечера 12 марта, когда делегации обеих сторон уже подписали мирный договор, пришло распоряжение о штурме города, который согласно договору становился частью СССР. Тем не менее, зная об этом, командование 7-й армии отдало приказ³, который, по сути дела, был преступным, поскольку обрекал на разрушение один из красивейших городов Ленинградской области с его неповторимой архитектурой, сложившейся за многие столетия, обре-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 9.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 14.

кал на смерть и увечья тысячи бойцов и командиров. Какова же была цель? Запугать Финляндию, показать, что дорога на финскую столицу открыта для Красной Армии¹. Однако это было больше похоже на размахивание кулаками после драки, только стоили эти жесты очень дорого.

Согласно отданному приказу, 7-я и 95-я стрелковые дивизии, последняя из которых лишь к вечеру овладела юго-восточной окраиной одного из предместий Выборга — Карьяла², начали ночной штурм города в половине двенадцатого. Финны, похоже, не предполагали от советского командования наступления, которое выходило за рамки обыкновенного советского идиотизма. Поэтому их сопротивление нарастало по мере приближения утра, к этому времени 300-й стрелковый полк занял Топикала, 27-й стрелковый полк — фабрику в районе Ристимяки, а 257-й — южную часть Кангасранта³. 95-я стрелковая дивизия, наконец, полностью овладела Карьяла и вышла к железной дороге, которая проходит в полукилометре от нее⁴.

Таким образом, соединениям 34-го стрелкового корпуса удалось занять большую часть Выборга, но говорить о полном овладении городом вряд ли позволительно, поскольку финские полки и батальоны продолжали удерживать северную и северо-западную часть города и разрушенный вокзал.

5 марта части 100-й стрелковой дивизии начали наступление на ст. Таммисуо на железной дороге Вы-

¹ Мерцков К.А. На службе народу. М., 1969. С. 189.

² РГВА. Ф.34980, Оп. 10, Д. 1719. Л. 15.

³ Там же. Д. 103. Л. 11.

⁴ Там же. Д. 1719. Л. 17.

борг — Антреа в 4 км от Выборга, но, встреченные сильным огнем противника, продвинулись только на несколько сот метров¹. Не имели они ощутимого успеха и 6 марта. 7 марта в состав 34-го стрелкового корпуса вошла 24-я стрелковая дивизия, получившая задачу овладеть мызой Кайретиля и д. Койвикохви-маяние. 100-я стрелковая дивизия получила приказ овладеть рубежом цементный завод в районе Таммисуо, Костела, Лайтала².

168-й стрелковый полк 24-й дивизии (остальные два стрелковых полка находились во втором эшелоне) к исходу дня вышел на железную дорогу в районе высоты 7,5 и закрепился в полукилометре к западу от последней ввиду невозможности дальнейшего продвижения без отставших тылов и артиллерии³.

331-й стрелковый полк 100-й дивизии оседлал 7 марта дорогу левее 168-го стрелкового полка, а 355-й стрелковый полк занял дома восточнее ст. Таммисуо. Неподалеку от нее вел бой и 85-й полк⁴. 24-я и 100-я стрелковые дивизии вечером 7 марта получили приказ захватить ночной атакой пос. Мусталахти и ст. Таммисуо. Однако внезапного удара не получилось, 168-й стрелковый полк был остановлен сильным огнем из стрелкового оружия у проволочного ограждения в полукилометре от Мусталахти, 331-й стрелковый полк занял кладбище юго-западнее поселка, а 355-й стрелковый полк продолжал бой за восточную окраину Таммисуо⁵.

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 9, Д. 896. Л. 25.

² Там же. Л. 27.

³ Там же. Оп. 10, Д. 299. Л. 24.

⁴ Там же. Оп. 9, Д. 896. Л. 28.

⁵ Там же. Л. 29.

8 марта 168-й стрелковый полк продолжал медленно продвигаться вперед и к исходу дня занял перекресток железной и грунтовой дорог рядом с известковым карьером, 331-й стрелковый полк занял такой же перекресток северо-западнее карьера, а остальные части вели бой за Таммисуо¹.

9 марта соединения корпуса получили передышку и согласно распоряжению штаба закреплялись на достигнутых рубежах, одновременно готовясь к новому наступлению, выясняя характер укреплений противника на занимаемых участках. В этот день 24-я стрелковая дивизия была выведена из состава 34-го корпуса, а вместо нее в бой ввели 91-ю мотострелковую дивизию².

На 11 марта 100-я стрелковая дивизия получила приказ атаковать противника в районе цементного завода и овладеть к исходу дня районом Кангас, Инетилля, 91-я мотострелковая дивизия, принявшая часть позиций 100-й стрелковой дивизии, должна была занять рубеж Лавола, Сулку, Раукио³. Однако противник продолжал упорно оборонять занимаемые позиции, и лишь 85-й стрелковый полк имел небольшое продвижение, остальные полки остались в тот день на прежних позициях⁴. Переброшенная из Сибири 91-я мотострелковая дивизия, принявшая первый бой в заснеженных лесах Карельского перешейка, действовала не лучшим образом: пехотинцы, саперы, танкисты и артиллеристы слабо взаимодействовали друг с другом и потому несли чрезмерно большие потери, плохо рабо-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 30.

² Там же. Л. 31.

³ Там же. Л. 37.

⁴ Там же. Оп. 10, Д. 1817. Л. 55.

тала телефонная связь, а взводные и ротные командиры не умели в достаточной мере руководить подразделениями, поэтому их действия имели хаотический характер¹.

К этому следует добавить несогласованность действий 100-й и 91-й дивизий при смене частей на передовой, благодаря чему финны сумели вновь занять уже, казалось бы, безвозвратно потерянную восточную окраину Таммисуо.

Однако надо отдать должное командованию соединения, которое сумело нанести мощный удар во время часовой артиллерийской подготовки, в ходе которой на полуторакилометровом участке было сосредоточено более 150 орудий. 613-й мотострелковый полк был неоднократно контратакован неприятелем, однажды его левый фланг стал отходить, но решительные действия первого батальона 503-го полка заставили финнов ретироваться. К вечеру 11 марта 613-й мотострелковый полк овладел высотой восточнее Таммисуо, а 561-й полк, охватывая этот злосчастный населенный пункт с юго-запада, занял лесопильный завод. В ночь на 12 марта первый батальон этого полка, наконец, овладел станцией².

12 марта по планам командования 100-я стрелковая дивизия наносила удар на Лавола, а 91-я мотострелковая дивизия — на Авунен, Кангассаари. В предпоследний день войны 613-й мотострелковый полк вновь не снискал лавров, встреченные сильным огнем его подразделения залегли на восточной окраине пос. Таммисуо, но его соседи действовали более

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 1683. Л. 3—4.

² Там же. Л. 5.

удачно: второй батальон 561-го мотострелкового полка занял школу и клуб поселка, тем временем 9-я рота 503-го мотострелкового полка в полдень ворвалась на юго-западную окраину поселка. К вечеру там закрепились два батальона этого полка¹.

100-я стрелковая дивизия 12 марта вынуждена была заниматься разминированием и разграждением и активных действий не вела. Ночью и утром 13 марта 91-я и 100-я дивизии продолжали уже никому не нужное наступление, в ходе которого полки 100-й стрелковой дивизии заняли населенный пункт Мусталаhti², а 503-й и 561-й полки 91-й мотострелковой дивизии полностью заняли Таммисуо и находящийся неподалеку кирпичный завод, захватив при этом более 60 пленных³.

В полдень 13 марта финские солдаты начали выходить из своих окопов и, показывая нашим бойцам и командирам на часы, знаками объясняли им, что война закончилась. Те настоящие счастливые, уцелевшие в этой войне, вскоре вышли на нейтральную полосу с одной и другой стороны условной линии, еще только что называвшейся фронтом, жестикулировали, обменивались куревом, радуясь тому, что им удастся встретить весну, увидеть своих родных, близких, друзей. Они словно забыли, что всего несколько часов назад смотрели друг на друга исключительно через прорезь прицела и ходили в жестокие штыковые атаки. Такие стихийные братания⁴, случаи которых были отнюдь не

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 9, Д. 806, Л. 35; Оп. 10, Д. 1683, Л. 29.

² Там же. Оп. 9, Д. 806, Л. 37; Оп. 10, Д. 1817, Л. 56.

³ Там же. Оп. 9, Д. 806, Л. 8.

⁴ Там же. Д. 8173, Л. 57.

единичны, лишний раз доказывали, что у простых людей, на плечи которых лег самый черный и неблагодарный труд любой войны — убивать себе подобных, — не было озлобления друг против друга.

50-й стрелковый корпус, поддерживаемый 13-й и 20-й танковыми бригадами, продолжал наступление на ст. Тали и Репола. Выполнение этой задачи было крайне затруднено ввиду того, что финны открыли шлюзы Сайменской системы, создав тем самым зону затопления, в районе севернее Таммисуо, ст. Тали, Юлевеси, Юустила, Лавола¹.

Довольно любопытно описание этих боев в «Истории Великой Отечественной войны»: *«На подступах к Выборгу в районе Сайменского канала нашим наступавшим частям пришлось преодолеть зону затопления, искусственно созданную финскими войсками. В верховьях канала были открыты шлюзы, вследствие чего вода поднялась на 6 метров, и ледяные потоки устремились по системе озер и рек, затопляя все на своем пути. В районе станции Тали уровень воды поднялся на 2,5 метра. Огромные площади превратились в непроходимые ледяные топи. Советские воины шли по пояс в воде на штурм укрепленных позиций противника. Район затопления был преодолен»*². Интересно, понимали ли авторы, что пишут? Можно и нужно восхищаться героизмом наших бойцов и командиров, преодолевавших зону затопления, но у авторов они оказываются не просто чудо-богатырями, а какими-то потомками циклопов и динозавров: вода поднялась на два с половиной метра, а им все равно по пояс...

¹ Бои на Карельском перешейке // С. 16—17; Схема укреплений финской армии на перешейке.

² История Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 270.

Тем не менее, наши части и соединения продвигались вперед. 5 марта 348-й стрелковый полк при поддержке 15-го танкового батальона 13-й бригады овладел Маниккала, после чего стрелки и танкисты получили однодневную передышку¹.

Вышедшая вечером 6 марта к линии фронта 123-я стрелковая дивизия получила задачу на следующий день наступать на ст. Тали и далее на пос. Юлевеси. 7 марта наступление возобновилось, но совместные действия 51-й стрелковой дивизии и 13-й танковой бригады не имели успеха², а 123-я стрелковая дивизия при поддержке 20-й танковой бригады продвинулись всего на полтора километра³.

На следующий день 245-й стрелковый полк овладел ст. Тали, а 272-й выдвинулся к юго-западу от станций⁴. Части 51-й стрелковой дивизии вместе с батальонами 13-й танковой бригады вышли на подступы к Репола, где вынуждены были остановиться у взорванного моста⁵. 9 марта 272-й стрелковый полк занял мызу Лейтюлю, но был контратакован финнами и вынужден был отойти на исходный рубеж — берег реки в километре юго-западнее ст. Тали, но отпраздновать даже маленькую победу финнам не удалось: 255-й стрелковый полк стремительной ночной атакой вновь овладел Лейтюлю. 245-й стрелковый полк вышел на рубеж северо-западнее населенного пункта Лихопатка⁶.

10 марта 255-й стрелковый полк занял пос. Род, а

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 11, Д. 100. Л 55.

² Там же. Оп. 10, Д. 2118. Л 30.

³ Там же.

⁴ Там же. Оп. 11, Д. 100. Л 56; Д. 168. Л 50.

⁵ Там же. Д. 199. Л 57.

⁶ Там же. Оп. 10, Д. 2118. Л 31.

272-й обошел пос. Репола с севера, охватывая тем самым финскую группировку, занимавшую этот населенный пункт, тем не менее противник продолжал оборонять свои позиции в этом секторе¹.

11 марта в состав 50-го стрелкового корпуса была введена 24-я стрелковая дивизия, получившая задачу к исходу дня выйти на рубеж Турнико-лампи, оз. Кивиярви. Сколько-нибудь заметный успех имел только 274-й стрелковый полк, занявший вместе с 9-м танковым батальоном 13-й бригады населенный пункт Перроахо².

123-я стрелковая дивизия 11 марта сумела продвигаться лишь на 500—700 метров, поскольку уровень воды продолжал прибывать, и бойцы и командиры не могли передвигаться в ледяной воде привычными темпами. На следующий день комбриг Ф.Ф. Алябушев не стал бросать своих подчиненных в бессмысленные атаки³.

Однако остальные дивизии 50-го корпуса продолжали наступление. 274-й стрелковый полк утром 12 марта занял хутора в районе мыза Анискаала, а к вечеру вышел к южной окраине пос. Нурмилампи, где завязал бой при поддержке 13-й танковой бригады. 168-й стрелковый полк находился во втором эшелоне в районе Перроахо, а 7-й к исходу дня овладел восточной окраиной Репола⁴, которая была взята совместными усилиями частей 24-й и 51-й стрелковых дивизий и 13-й танковой бригады в ночь на 13 марта. Нурмилампи полностью очистить от противника не удалось,

¹ РГВА. Указ. соч.

² Там же. Оп. 10, Д. 299. Л.25; Оп. 11, Д. 100. Л 58.

³ Там же. Оп. 10, Д. 2118. Л 32.

⁴ Там же. Д. 299. Л 26.

была занята только южная часть этого населенного пункта¹.

Активные боевые действия продолжались и на фронте 13-й армии, командование которой приняло решение о разгроме кексгольмской группировки противника путем выхода ей во фланг с плацдармов на р. Вуокса. Однако для этого необходимо было сначала захватить эти плацдармы, а затем их удержать.

Это и пытались сделать 4-я и 97-я стрелковые дивизии, входившие в состав 15-го стрелкового корпуса. Первая из них вела бои недалеко от оз. Вуокси-ярви, а вторая — несколько выше по течению.

5 марта 4-я стрелковая дивизия получила приказ форсировать Вуоксу и овладеть д. Миккола, но в тот день части дивизии продолжали бои по очищению южного (правого) берега Вуоксы, в ходе которых подразделения противника вынуждены были оставить занимаемые участки на правом берегу и полностью переправиться на левый берег². 6 марта дивизии был предоставлен отдых, а вместе с ним 229-й стрелковый полк 8-й стрелковой дивизии в оперативное подчинение вместо находившегося в резерве армии 101-го стрелкового полка, только начавшего выдвижение на фронт. Командование дивизии разработало план операции по захвату плацдарма, согласно которому 220-й стрелковый полк после смены его частями 17-й мотострелковой дивизии должен был, разворачиваясь из-за левого фланга 39-го стрелкового полка, форсировать Вуоксу, захватив сначала остров Васи́ка-саари для занятия более выгодных исходных позиций³. Однако к

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 27; Оп. 11, Д. 100. Л 59—60.

² Там же. Оп. 10, Д. 26. Л 34.

³ Там же. Л. 35.

этому моменту дивизия имела значительный некомплект: в боях с 1 по 5 марта ее полки потеряли 466 человек убитыми, 1912 ранеными и 22 пропавшими без вести. Больше других пострадал 39-й стрелковый полк, все стрелки которого были сведены в один батальон¹.

7 марта во время атаки на Васи́ка-саари сводного батальона 39-го стрелкового полка и 229-го полка последний под огнем противника стал беспорядочно отходить, увлекая за собой и цепи 39-го полка, чем, разумеется, попытался воспользоваться противник. В этот раз ему не удался стремительный и разящий удар. В бой был введен 220-й стрелковый полк, который огнем из всех видов оружия заставил финнов вернуться на исходные позиции². На следующий день части 4-й стрелковой дивизии не вели активных действий, а с подходом свежего 101-го стрелкового полка 39-й и 220-й были выведены в резерв для отдыха и пополнения. На 9 марта 101-й стрелковый полк получил приказ захвата плацдарма на левом берегу Вуоксы в районе Вуосалми, Мюллюлампи, но все его атаки были отбиты³.

На следующий день 101-му стрелковому полку удалось, наконец, форсировать реку по льду и после жестокого боя занять лес в районе Ниеме́ля⁴. 11 марта 101-й и оба артиллерийских полка были переданы в оперативное подчинение 8-й стрелковой дивизии, в составе которой они и вели упорные бои за расширение плацдарма, впрочем, без особого успеха: за двое с половиной суток они продвинулись на километр — пол-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 36.

² Там же. Л. 37.

³ Там же. Л. 38.

⁴ Там же. Л. 39.

тора, выдержав 12 марта несколько серьезных контратак противника. Некоторые подразделения 8-й стрелковой дивизии были даже потеснены, но плацдарм был сохранен¹.

97-я стрелковая дивизия 5 марта начала операцию по форсированию Вуоксы в районе Хапианиеми. К вечеру второму батальону 233-го стрелкового полка удалось зацепиться на левом берегу. Ночью на захваченный плацдарм были переправлены два других батальона². 6 марта им удалось расширить плацдарм до двух километров по фронту и одного в глубину, но дальнейшие атаки успеха не имели, причем наступавшие понесли ощутимые потери³. Уже в этот день серьезные затруднения вызывал фланговый огонь с островов Витса-саари и Муста-саари. Но наибольшую роль гарнизоны этих островков сыграли 7 марта, когда части 4-й пехотной бригады, переброшенные из Приладожской Карелии, контратаковали 233-й стрелковый полк. Командир посланного на подкрепление 136-го стрелкового полка совершил грубейшую тактическую ошибку: вместо того чтобы переправиться на плацдарм, он повел полк в атаку правее него, но вынужден был прекратить ее под огнем с левого берега и островов, а затем и отвести подразделения на правый берег. Ошибка эта обошлась очень дорого: в ночь на 8 марта понесший значительные потери 233-й стрелковый полк оставил плацдарм⁴. На следующий день полки готовились к новым операциям, но на этот раз план преду-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 40—41.

² Там же. Д. 1753. Л. 21.

³ Там же. Л. 22.

⁴ Там же. Л. 23.

смаатривал овладение в первую очередь островами и лишь потом — плацдармом на левом берегу Вуоксы.

9 марта разведроты дивизии и 69-й стрелковый полк овладели Витса-саари, но атаки следующего дня на Муста-саари успеха не имели¹. Только 11 марта 69-й стрелковый полк занял Муста-саари, а второй батальон 233-го стрелкового полка — плацдарм на левом берегу. После этого он был сменен первым и третьим батальонами, которым весь день пришлось отбивать контратаки финнов². На этот раз им не удалось ликвидировать плацдарм, но и о развитии наступления с него до усиления частей дивизии или ее смены более свежими частями не могло быть и речи. 69-й стрелковый полк весь день 12 марта занимался ликвидацией снайперов и автоматчиков-елочников в глубине леса на Муста-саари³.

Следовательно, слова о том, что *«13-я армия, форсировав реку Вуокси в двух местах, развивала удар на Кексгольм, угрожая окружением двум финским дивизиям»*⁴ не более чем плод фантазии авторов «Истории Великой Отечественной» либо абзац, включенный по указанию идеологического отдела ЦК. Отметим, что даже в случае более успешных действий по форсированию Вуоксы при развитии наступления с плацдармов нашим войскам пришлось бы столкнуться с многочисленными естественными препятствиями, которых на протяжении 45—50-километрового пути до Кексгольма было немало, как и на всем Карельском перешейке.

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 24.

² Там же. Л. 25—26.

³ Там же. Л. 27.

⁴ История Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 270.

Следует отметить, что советским войскам удалось выполнить главную задачу — прорыв третьей укрепленной полосы противника и продвижение на север и северо-запад, равно как и то, что и после прорыва темпы продвижения были очень невысокими: за 14 дней соединения 7-й и 13-й армий прошли с боями от 15 до 35 км и так и не смогли полностью овладеть Выборгом. В течение мартовских боев силы сторон, сосредоточенные на перешейке, несколько возросли, несмотря на значительные потери. К 13 марта армия «Карельский перешеек» насчитывала 124 тыс. человек, 283 полевых и 72 противотанковых орудия, 96 минометов, 120—130 самолетов и 30 танков. 6 марта количество орудий и минометов было несколько большим. Советское командование сосредоточило против них просто гигантскую силу: почти 760 тыс. человек, более 7100 орудий и минометов, почти 3 тыс. танков, более 600 бронемашин и 2 тыс. самолетов¹. Напомню, что в июне 1944 года финскую оборону прорывали, причем более успешно, всего 260 тыс. человек при поддержке 5,5 тыс. орудий, 900 реактивных минометов, более 600 танков и 700 самолетов против 100 тыс. человек, 960 орудий и минометов, 110 танков и 200 самолетов финнов².

В Междоозерном районе

В начале марта боевые операции развернулись также в Приладожской и Средней Карелии, где перед 8-й и 15-й армиями стояла задача прервать почти непре-

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 1, Д. 645. Л. не указан.

² Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985. С. 194.

кращающуюся цепь поражений и неудачных наступлений.

3 марта части 37-й мотострелковой дивизии после упорного боя заняли остров Зуб¹. После этого штаб 15-й армии разработал план новой операции по захвату злосчастного для десантников острова Максимансаари. 6 марта после часовой артиллерийской подготовки первый батальон двинулся при поддержке танковой роты в атаку, которая на этот раз была проведена хорошо: десантники на лыжах шли непосредственно за танками, а часть — прямо на броне. К исходу дня Максимансаари был полностью очищен от противника. Потери бригады были гораздо меньшими, чем в предыдущих неудачных операциях: 52 человека убиты и 96 ранеными².

Вот что сообщал в Ставку штаб 15-й армии: *«Противник оборонял острова... следующими силами:*

а) Максимансаари — 4-я рота 39-го пехотного полка, усиленная 4—6 станковыми пулеметами, 4—6 минометами и одним орудием.

б) Петясаари — две роты 38-го пехотного полка, усиленные 6—8 станковыми пулеметами.

в) Паймионсаари — 4-я рота 38-го пехотного полка с 3—5 станковыми пулеметами, 2—3 минометами и 2 орудиями ПТО.

37-я стрелковая дивизия (без 20-го стрелкового полка) с двумя батареями 33-го гаубичного артполка, вторым дивизионом 72-го гаубичного артполка, батареей 392-го гаубичного артполка, отдельной минометной ротой, ротой 357-го танкового батальона, 204-й возду-

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 11, Д. 400. Л. 6.

² Там же. Л. 7.

но-десантной бригадой и тремя лыжными эскадронами к 21.00 6 марта овладела Максиман-саари, Петя-саари, Паймион-саари, и утром 7 марта был занят Ханко-саари.

Противником оставлено до 500 трупов. (Цифра сомнительная — и 38-й, и 39-й финские пехотные полки понесли большие потери, поскольку не выходили из боев с середины декабря. — П.А.) Взято 12 человек пленных. Трофеи: три 37-мм пушки, два 81-мм миномета, 13 станковых и 19 ручных пулеметов, 305 винтовок, 13 автоматов...

Наши потери: убито 87 человек, ранено — 331 человек. Подбито 7 и утонуло 4 танка «Т-26», подбито 2 станковых пулемета. Сбит один самолет СБ.

После мощной двухчасовой артиллерийской подготовки по о. Петя-саари и Паймион-саари с рядом ложных переносов артогня на о. Максиман-саари и Вуоратсу и авиационной подготовкой перед атакой 247-й стрелковый полк с батареями 170-го артполка и 103-го противотанкового дивизиона, ротой 357-го танкового батальона при поддержке двух дивизионов 170-го артполка в 10 часов повел наступление на Паймион-саари. Первые эшелоны пехоты ползли с бронещитками. Атака была произведена в полном взаимодействии с артиллерией, минометами и танками. 247-й стрелковый полк к 13.00 овладел Паймион-саари.

91-й стрелковый полк (без батальона) с батареями 170-го артполка и 103-го противотанкового дивизиона при поддержке дивизиона 72-го гаубичного артполка, двух батарей 33-го гаубичного артполка в 10 часов 40 минут начал наступление на Петя-саари. Первые эшелоны пехоты ползли с бронещитками. Хорошо организованное и осуществленное взаимодействие пехоты, ар-

тиллерии и танков, а также бомбардировочные и штурмовые действия авиации обеспечили захват острова. Противник оказывал упорное сопротивление. 91-й стрелковый полк к 18.00 овладел Петя-саари.

204-я воздушно-десантная бригада, 74, 78 и 79-й лыжные эскадроны до 14.00 составляли резерв командарма.

В 13.00 было принято решение овладеть о. Максиман-саари. Вся дивизионная артиллерия и авиация с 15.00 до 16.00 были переключены на подавление и уничтожение живой силы и огневых средств на острове Максиман-саари, а с 16.00 — на подавление противника на побережье Ладожского озера...

После мощной артиллерийской и авиационной подготовки 204-я воздушно-десантная бригада с тремя лыжными эскадронами, 68-м отдельным разведывательным батальоном при поддержке роты танков и артиллерии в 16.00 на лыжах бросилась в атаку. Несмотря на упорное сопротивление противника, 204-я воздушно-десантная бригада к 18.00 овладела Максиман-саари. Уничтожение отдельных мелких групп противника было закончено к 21.00. Утром 7 марта одним лыжным эскадроном был взят остров Ханко-саари...

В этом бою 37-я стрелковая дивизия и 204-я воздушно-десантная бригада почувствовали свою силу и способность уничтожать противника.

Танки вели пехоту к окопам противника, непрерывно поддерживая ее огнем из пулеметов и орудий, подавляя и уничтожая огневые точки противника...

Авиация произвела 522 самолето-вылета. Сброшено 90 тыс. килограммов бомб. Истребители штурмовыми действиями не допустили подхода резервов противника

для контратак с материка и о. Вуоратсу и расстреливали на льду отступающие группы белофиннов...

Соединения 15-й армии одержали первую крупную победу...»¹.

Вполне понятно удовлетворение командования армии от первой удачной операции, особенно если учесть, что десантники и стрелки шли по льду, буквально усеянному неубранными трупами товарищей, погибших в бездарно проведенных предыдущих атаках на острова. Большое значение имело и то, что с этого момента коммуникации 168-й стрелковой дивизии по льду Ладожского озера были избавлены от постоянных обстрелов и нападений. Но если учесть соотношение сил сторон, то станет ясно, что слова о «крупной» победе были чересчур громкими. По сути дела, стрелковая дивизия, усиленная десантниками, лыжниками и танками (6 батальонов двух стрелковых полков, разведбатальон, три воздушно-десантных батальона плюс три лыжных эскадрона), поддержанная довольно мощной авиационной группировкой, нанесла поражение... одному, пусть даже усиленному батальону противника. И это крупная победа? Скорее это можно назвать раздавливанием противника на одном отдельном участке фронта.

В ночь на 12 марта в бою впервые приняла участие и 201-я воздушно-десантная бригада, поддержанная танками и артиллерией 37-й дивизии. Она наступала на о. Лункулан-саари и полуостров Уксаломие, охва-

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 8, Д. 20. Л. 67—71.

тывая правый фланг 4-го армейского корпуса генерала Хеглунда, принесшего столько неприятностей нашим соединениям за время войны. К вечеру 12 марта бригада полностью овладела Лункулан-саари и частью полуострова. На следующий день планировался захват той части полуострова, которая оставалась у противника, но подготовка к операции длилась как раз до того момента, когда ее надо было отменить ввиду получения директивы о прекращении боевых действий¹.

5 марта в очередное наступление перешла и 25-я мотокавалерийская дивизия, но единственным его результатом в тот день было продвижение всего на 700—800 м, после чего операция была приостановлена, и соединения 8-го стрелкового корпуса начали подготовку к новым боям². Однако 8 марта 72-я стрелковая дивизия перешла в наступление без распоряжения вышестоящего командования³, которое постфактум санкционировало новую операцию. 9 марта 25-я мотокавдивизия вновь атаковала противника, но сумела продвинуться всего лишь на 100—200 м, после чего ее подразделения не отошли на исходные позиции, а окопались, сделав ходы сообщения в полутораметровом снегу⁴. Это сократило дистанцию последнего броска, и на следующий день спешенные кавалеристы овладели несколькими высотами в районе населенного пункта Ниемея⁵. Два последних дня 25-я дивизия вела бои за другие высоты в районе того же населенного пункта, финские подразделения, оборонявшиеся в

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 11, Д. 395. Л. 8—9.

² Там же. Оп. 10, Д. 396. Л. 8.

³ Там же. Оп. 9, Д. 262. Л. не указан.

⁴ Там же. Оп. 10, Д. 396. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 10.

этом секторе, отошли к следующей возвышенности, расположенной в 2 км¹.

Наиболее успешно продвигавшиеся 11-я и 37-я дивизии вклинились в оборону противника всего лишь на 9—12 км².

Однако до г. Сортавала, где под угрозой охвата, по мнению М.И. Семиряги, оказался почему-то не 4-й армейский корпус, воевавший в Приладожье, а группа Талвела³, сражавшаяся вообще-то всю войну против 1-го, а затем и 14-го стрелковых корпусов в Средней Карелии, надо было пройти еще 30 км по берегу Ладоги.

2 марта получила приказ о наступлении во фланг Лоймолловской группировке противника 75-я стрелковая дивизия, входившая по-прежнему в состав 1-го стрелкового корпуса. Накануне, в ночь на 29 февраля, подразделения ее 34-го стрелкового полка овладели несколькими высотами южнее излучины р. Вигарус-ярви. 3 марта подразделения 34-го и 115-го стрелковых полков заняли еще несколько высот на западном берегу Вегарус-ярви и были остановлены⁴.

4—6 марта части дивизии приводили себя в порядок и готовились к новому наступлению.

7—10 марта в наступлении принимали участие 28-й и 115-й полки, а также дивизионный лыжный батальон. В течение четырех дней они продвинулись на 4—5 км и заняли несколько высот⁵. 11 марта наступление продолжалось, до трех часов дня подразделения 28-го

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 11.

² Там же. Оп. 10, Д. 452. Л. не указан.

³ Семиряга М.И. Указ. соч. С. 26.

⁴ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 1238. Л. 17—18.

⁵ Там же. Л. 19—21.

стрелкового полка продвинулись на полтора километра, но в этот момент группа финских лыжников просочилась в тыл полка, уничтожила транспорт с боеприпасами, нарушила связь штаба с батальонами, которые вынуждены были развернуть часть сил для очищения тылов. Финны, по своему обыкновению, не стали дожидаться боя с превосходящими силами и вернулись к своим¹.

В ночь на 12 марта полк был сменен на позициях тремя полками 24-й мотокавдивизии (56, 70 и 157-й, четвертый полк дивизии занимал позиции на южном берегу оз. Киви-ярви). Дивизия готовилась к новому наступлению, но оно оказалось ненужным ввиду окончания боевых действий².

18-й мотокавполк в ночь на 1 марта произвел вылазку на северный берег Киви-ярви силами двух приданных лыжных эскадронов, но постепенно в бой пришлось ввести весь полк, поскольку финны окружили наступавших. После ввода в бой всех подразделений полка и прибывшего эскадрона 25-го танкового полка лыжники вышли из кольца к вечеру того же дня³.

12 марта части 24-й мотокавдивизии перешли в наступление в южном и юго-западном направлениях. К вечеру они достигли рубежа в 2—2,5 километра от берега оз. Лоймолан-ярви, а к моменту окончания боевых действий вышли на северный и северо-восточный берега озера, на ближайшие подступы к важному узлу дорог Лоймола⁴.

2 марта перешла в наступление на лоймоланском

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 22.

² Там же. Л. 23; Д. 335. Л. 13.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 19.

направлении и 56-я стрелковая дивизия. Встретив упорное сопротивление оборонявшихся подразделений 12-й финской пехотной дивизии, она продвинулась вперед к вечеру 4 марта всего на 700—900 м. На следующий день командование приказало прекратить малоэффективные атаки¹.

7 марта началось новое наступление на Лоймола, но действия частей 56-й стрелковой дивизии вновь носили характер прогрызания обороны противника, а не ее решительного прорыва. В итоге к исходу 11 марта полки приблизились к ст. Лоймола еще на полтора километра и находились в 7—8 км от нее². В ночь на 12 марта 56-я стрелковая дивизия была выведена в резерв 8-й армии, а ее позиции заняла 87-я стрелковая дивизия, которая прибыла на войну в сокращенном составе (два стрелковых полка и гаубичный артиллерийский)³.

В 10 часов утра 16-й и 283-й стрелковые полки пошли в атаку, но также не сумели прорвать оборону, а лишь вклинились в ее глубину на 600—800 м, потеряв за день 113 человек убитыми и 441 ранеными⁴.

Не сумела разгромить противостоящего противника и 164-я стрелковая дивизия, действовавшая на левом фланге 1-го корпуса южнее железной и шоссейной дорог Суоярви—Лоймола. В ходе мартовских боев она продвинулась всего на 3—4 км⁵.

Завершая обзор операций 8-й и 15-й армий в конце февраля — начале марта 1940 года, необходимо отметить, что и на этом протяженном участке фронта со-

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 961. Л. 19—20.

² Там же. Л. 21—22.

³ Там же. Д. 445. Л. 57.

⁴ Там же. Л. 58.

⁵ Там же. Д. 3209. Л. не указан.

ветским войскам не удалось нанести решающее поражение противостоящим финским частям и соединениям. Более того, за весьма редким исключением дивизии и бригады Красной Армии продвигались вперед очень медленно, позволяя противнику закрепляться на последующих оборонительных рубежах. Ни одна из армейских операций не достигла целей, поставленных при планировании. Не удалось наступавшим и деблокировать 168-ю стрелковую дивизию и выручить окруженные гарнизоны 18-й дивизии.

Тем не менее нельзя и недооценивать значения мартовского наступления на этом участке. Соединения двух армий своими активными действиями не дали возможности финскому командованию перебросить на Карельский перешеек ряд отдельных частей, уже предназначенных к отправке, не говоря уже о том, что командование 4-го армейского корпуса и группы Талвела, преобразованной вскоре после окончания войны в 14-ю пехотную дивизию, не могло помышлять о снятии частей с фронта. Это вынуждало противника вводить в бой части так называемой внутренней армии, которые не отличались столь же высокой боеспособностью, как испытанные в боях в Приладожской и Средней Карелии части 12-й и 13-й пехотных дивизий. Таким образом, наступление 8-й и 15-й армий способствовало успешному развитию действий Северо-Западного фронта.

Рассказ о боевых действиях в конце войны будет неполным, если в нем не будут затронуты операции 14-й армии за полярным кругом, хотя они исчерпывались действиями одной только 52-й стрелковой дивизии.

26—27 февраля 52-я стрелковая дивизия вела бой с целью вывода из окружения разведывательного отряда штаба 14-й армии: 205-й стрелковый полк атаковал противника на 106-м километре шоссе Петсамо—Рованиemi, причем часть финнов численностью около роты вынуждена была уйти на территорию Норвегии¹.

7 марта этот же полк при поддержке 411-го танкового батальона овладел поселком Наутси, потеряв при этом всего двух человек убитыми и 6 — ранеными². Именно 52-я стрелковая дивизия, выполнявшая тактическую задачу, глубже всех проникла на территорию Финляндии — с занятием Наутси она достигла 150-го километра Рованиемского шоссе при незначительных потерях: за всю войну в соединении погибли 63 человека (из них 6 — при пожарах в землянках), 134 были ранены (из них 22 — обожжены при пожарах), контужены — 6 и обморожены — 133³.

Могла ли Финляндия продолжать войну?

Судьба войны была решена, конечно, на Карельском перешейке, где нашим войскам ценой больших потерь в людях и боевой технике удалось все-таки прорвать три укрепленные полосы противника и выйти на рубежи, проходящие несколько восточнее нынешней границы. Финская армия понесла поражение, а также значительные потери, для восполнения которых пришлось досрочно призвать юношей 1920 года рождения и резервистов 1895—1897 годов рождения.

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 900. Л. 5.

² Там же. Л. 6; Д. 892. Л. 118.

³ Там же. Д. 892. Л. 123, 132, 137.

В общей сложности финская армия потеряла около 80 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. Особенно тяжелое положение сложилось в пехоте и полевой артиллерии, в которой не хватало орудий, несмотря на увеличение их численности с 420 до 700. Острое положение создалось также со снабжением снарядами противотанковой и полевой артиллерии. Кроме того, в войсках, конечно, замечалась чисто физическая усталость солдат и офицеров¹.

Однако тот, кто сочтет, что лишь безвыходная ситуация на фронте заставила финское правительство послать делегацию для переговоров в Москву, сильно ошибается. Финская армия отнюдь не потеряла боеспособности. Даже в последние дни ни среди населения, ни среди войск не было заметно признаков упадка духа и воли к сопротивлению. И относительно свежие части, и те, которые не выходили из боев в течение длительного периода, понеся значительные потери, продолжали самоотверженно сражаться². Да, финская армия потеряла важнейшие укрепления «линии Маннергейма», но тот, кто внимательно взглянет на физическую карту страны Суоми, сразу заметит, сколько серьезных препятствий встретило бы Красную Армию на ее пути к Хельсинки, Лаппенранта, Иматра и Йоэнсу. Если даже считать после занятия большей части Выборга открытыми ворота на финскую столицу, то все равно вряд ли стоило надеяться, что дорога туда была бы столь же гладкой, как шоссе Выборг—Хельсинки. Соединения 7-й и 13-й армий имели все шансы неоднократно повторить свой богатый опыт многократного наступания на грабли, полученный в течение

¹ И. Хакала. Предел прочности // Родина. 1995. № 12. С. 112.

² И. Хакала. Указ. соч.

всей войны и, тем не менее, не всегда учитывавшийся. Тем более что шел март, а значит, наступала весна со всеми прелестями распутицы в районе, богатом озерами, болотами и реками. Природные условия позволили бы, на мой взгляд, финской армии хотя бы небольшую передышку для приведения в порядок и обучения резервных частей, возведения укреплений на новых рубежах. Кроме усложнения продвижения к фронту танков и тяжелой артиллерии, советское командование с наступлением весны столкнулось бы и с проблемой ослабления по крайней мере на две-три недели активности фронтовой авиации: большинство истребительных и даже скоростных бомбардировочных полков зимой базировались на аэродромах, созданных природой на льду озер. С таянием льда они вынуждены были бы передислоцироваться на стационарные аэродромы в районе Ленинграда, что существенно увеличило бы путь к фронту и сократило время возможного пребывания над позициями противника.

Впрочем, финское военное и гражданское руководство понимало и другое: с улучшением погоды советские ВВС, особенно дальняя авиация, могли наращивать мощь своих ударов по мирным городам и селам, что принесло бы неисчислимые новые бедствия населению. Знали они и судьбу своего народа в случае окончательного военного поражения и поэтому, не желая потери независимости и истребления людей, сели за стол переговоров и подписали 12 марта в Москве мир на тяжелейших условиях.

В 12.00 13 марта канонада смолкла на всем протяжении фронта. Впервые за 104 с половиной дня войны на Карельском перешейке, в Северной, Средней и Приладожской Карелии, в Заполярье стало тихо. Вой-

на закончилась, и кое-кому казалось, что с отдалением границ на северо-западе ликвидирована опасность нападения на нашу страну. Советские газеты с восторгом взхлеб писали о «ликвидации плацдарма империализма» и о том, что для большевиков с товарищем Сталиным во главе нет непреодолимых препятствий. Они не понимали, что новые границы могут вскоре стать линией фронта еще более кровопролитной и тяжелой войны.

Совсем по-другому откликнулся на окончание войны Главнокомандующий финской армией фельдмаршал Маннергейм: *«Солдаты доблестной армии Финляндии! Мир заключен между нашей страной и Советской Россией, суровый мир, уступивший Советам почти что все поля брани, политые вашей кровью во имя всего того, что для вас дорого и свято.*

Вы не желали войны: вы любили мир, но вам была навязана борьба. В ней вы свершили подвиги, которые будут вечно блистать на страницах истории...

Солдаты! Я сражался на многих полях битв, но ни разу не видел воинов, подобных вам. Я горжусь вами, как если бы вы были моими детьми... Я равно горд жертвой, принесенной фабричным парнем и парнем из бедной избушки, так и богатым человеком.

Я благодарю вас всех — офицеров, унтер-офицеров и рядовых, но особо хочу подчеркнуть мужество офицеров резерва, их чувство долга и то профессиональное выполнение ими дела, в действительности не являвшегося их делом.

Я благодарю армию Финляндии (все ее рода войск с самого первого дня совершали прекрасные подвиги) за ту храбрость, с которой они выступали против многократ-

но превосходящих сил неприятеля, за то упорство, с которым они цеплялись за каждый кусок родной земли...

Почетное место принадлежит тем тысячам рабочих, которые в жестокое военное время верно и часто добровольно под воздушными налетами стояли у своих машин, изготавливая для армии необходимые ей материалы, как и тем, кто без усталости под огнем противника трудился на фортификационных работах. Я благодарю вас всех от лица Родины.

Несмотря на всю отвагу и самопожертвование, правительство вынуждено было заключить мир на тяжелых условиях...»¹.

Глава 9

СОКОЛЫ ИЛИ КОРШУНЫ?

Еще задолго до начала боевых действий было очевидно, что Военно-Воздушные Силы Красной Армии будут иметь значительное численное превосходство над противником в небе над Финляндией, военная авиация которой насчитывала 250—270 самолетов, в основном истребителей различных конструкций, значительная часть которых устарела еще до начала боевых действий. Например, истребители «Бристоль-Бульдог», производившиеся на авиазаводе в Тампере, были сняты с вооружения королевских ВВС Великобритании еще в 1935 году, поскольку их скорость не превышала 300 км/ч. Такие боевые машины могли бороться только с легкими бомбардировщиками или тихоходными четырехмоторными ТБ-3, основной самолет со-

¹ Цит. по: Родина. 1995. № 12. С. 116.

ветской бомбардировочной авиации — СБ они не могли догнать, а встреча с истребителями для них была попросту опасной. Помимо этого финская авиация имела на вооружении истребитель «Фоккер Д21», примерно равный по своим летным качествам И-16, скоростной бомбардировщик «Бристоль Бленхейм» и некоторое количество и вовсе доисторических аппаратов разных типов, использовавшихся для разведки и связи.

Советское командование к началу войны сосредоточило на аэродромах Ленинградского ВО мощную авиационную группировку: уже 30 ноября свои первые боевые вылеты совершили 11 скоростных бомбардировочных, 3 дальнебомбардировочных, 1 смешанный и 7 истребительных полков, насчитывавших вместе с отдельными эскадрильями и войсковой авиацией примерно 1500 самолетов, а с учетом ВВС Балтийского и Северного флотов — около 2 тысяч.

ВВС Финляндии, которыми командовал генерал-майор Лундквист, состояли из 3 авиационных полков (в январе 1940 года к ним прибавился четвертый), каждый из которых состоял из четырех эскадрилий, действовавших нередко отдельно. Кроме того, существовала отдельная эскадрилья морской авиации, которая могла выставить всего лишь 127 самолетов первой линии, из них 36 устаревших «Фоккеров» С5 и С10, 10 «Бульдогов», 14 годившихся только для разведки «Райпонов» и лишь 36 «Фоккеров Д21» и 17 «Бленхеймов»¹.

Слабой была и финская зенитная артиллерия: незадолго до начала войны в ней насчитывалось всего 120 орудий, значительную часть которых составляли

¹ Keskinen K., Stenman K. Ilmavimomal talvisodassa Espoo. 1989. P. 145.

русские 75-мм пушки образца 1915 года, лишь накануне войны из соседней Швеции прибыли 125 новейших автоматических 40-мм пушек «Бофорс», считавшихся лучшими в мире. Вместе с ними прибыли и инструкторы, быстро обучившие финские расчеты. В период войны Финляндия получила еще около 250 зенитных орудий, но их все равно не хватало для прикрытия объектов на всей территории страны.

Значительный перевес в силах придавал уверенность советскому командованию. Оно считало, что «сталинские соколы» сумеют проложить мощными бомбовыми ударами и ураганным пулеметным огнем дорогу наземным войскам и парализовать оперативные перевозки противника и его военную промышленность. Комкоров и комдивов с голубыми петлицами окрылял и успех германской авиации в сентябре 1939 года, и удачный исход воздушных боев летом того же года в небе Монголии, когда массированные воздушные удары во многом обеспечили разгром японских войск в августе.

На этом же основании строили печальные для Финляндии прогнозы и многие западные эксперты, считавшие, что ВВС Красной Армии сумеют подавить волю обороняющихся к сопротивлению.

Однако их предсказания не могли не быть ошибочными: большинство европейских специалистов при оценке возможностей советской авиации исходили из того, что уровень боевой подготовки пилотов столь же высок, как и у тех, кто нанес серьезные удары по престижу итальянской, германской и японской авиации в перетянутых черными шлейфами дыма и огненными шнурами пулеметных очередей небесах Испании, Китая и Монголии.

В этих «горячих точках» действовали лучшие асы советской авиации, тогда как уровень подготовки подавляющего большинства советских летчиков и даже их тактической грамотности оставлял желать много лучшего. Первый тревожный звонок прозвучал еще в мае 1939-го, когда первые дни боев у реки Халхин-Гол принесли просто удручающий результат: за 2 сбитых японских самолета было заплачено 18 наших. Дело дошло до того, что Нарком обороны К.Е. Ворошилов в начале июня... запретил боевые вылеты¹. Положение изменилось только после приезда отборных летчиков, которые смогли к тому же обучить своих боевых товарищей тому, чему их недоучили в летных школах. Но сигнал тревоги не был услышан за победными фанфарами августовских боев, когда несколько десятков летчиков получили звание Героя Советского Союза, а сотни — ордена и медали.

Говорят, что Сталин очень любил Красную Армию вообще, а летчиков в особенности. Однако любовь эта была по-лермонтовски странной: сажал он их не переставая. За полтора года до начала советско-финляндской войны сменились три Начальника ВВС Красной Армии, множество командующих авиацией округов и армиями Особого Назначения. Пришедшие им на смену бывшие лейтенанты и капитаны были храбрыми и умелыми воздушными бойцами и могли организовать бой эскадрильи, но для того, чтобы научиться командовать и управлять крупными авиационными соединениями, было необходимо время, а его не было.

Первые же бои в небе над Финляндией самым жестоким образом рассеяли иллюзии относительно бое-

¹ РГВА. Ф. 32113, Оп. 1, Д. 473.

вой готовности ВВС Красной Армии, особенно бомбардировочной авиации. 30 ноября 1939 года эскадрилья 35-го скоростного бомбардировочного полка вылетела для нанесения удара по важнейшим объектам неприятельской столицы — вокзалу и электростанции, но в результате потери ориентировки сбросила свой смертоносный груз... на жилые и дипломатические кварталы Хельсинки¹. Такое нечаянное злодейство привело к тому, что уже на следующий день в ряде западных газет появились фотографии разбитых домов и плачущих детей. На протесты большинства европейских стран Нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов с присущим ему цинизмом заявил, что советские самолеты сбрасывают мешки с хлебом для голодного населения Финляндии. Эти «мешки с хлебом» за время войны унесли, по данным немецкого журнала «Дойче вер», около тысячи жизней, еще около 3 тысяч были ранены². Эти данные по финским архивным документам уточнил исследователь из Хельсинки Карл Геуст: 956 убитых, 540 тяжело и 1300 легко раненных³.

Однако низкая боевая подготовка приводила и к другим, не менее печальным результатам: только на фронте 7-й армии в декабре 1939 года было зарегистрировано 6 случаев бомбардировки и обстрела своих войск. В ответ на это пулеметчики взвода ПВО 39-го стрелкового полка 4-й стрелковой дивизии метким огнем сбили два И-16 68-го истребительного авиаполка⁴. Вот некоторые другие эпизоды боевой деятельности

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12, Д. 1935. Л. не указан.

² Там же. Оп. 14, Д. 108.

³ Геуст К.-Ф. Бомбы на столицу // Родина. 1995. № 12. С. 59.

⁴ РГВА. Ф. 34980, Оп. 6, Д. 77.

советских ВВС: 1 декабря при взлете один из пилотов 1-го минно-торпедного авиаполка Балтийского флота врезался в бомбохранилище. Произошел взрыв, в результате которого большая часть самолетов вышла из строя на две-три недели¹.

25 декабря шесть самолетов ДБ-3 6-го дальнебомбардировочного полка были атакованы истребителями противника. При попытке воздушных стрелков открыть огонь выяснилось, что из-за чрезмерно густой смазки пулеметы не работают. Из 6 самолетов 3 были сбиты, еще 2 совершили вынужденную посадку и длительное время ремонтировались².

На следующий день «отличились» их коллеги из 21-го полка: 3 самолета потеряли ориентировку и, отклонившись на восток, приняли станцию Грузино неподалеку от Ленинграда за финскую и сбросили на нее 30 бомб, ни одна (!!!) из которых не достигла цели³.

Наконец, 6 января 1940 года 8 самолетов уже упоминавшегося 6-го полка, совершая боевой вылет с задачей разрушить радиостанцию в Лахти, прошли маршрутом, на котором финны установили зенитные пушки. «Сталинские соколы» сделали 5 заходов на цель, забыв, что они находятся на войне, а не на полигоне с известной им мишенной обстановкой. После этого семерка подверглась атаке истребителей противника, но великолепной она себя не показала: вместо того чтобы построиться в оборонительный порядок и организованным огнем отразить их нападение, советские летчики стали пытаться уходить от «Фокке-

¹ РГВА. Указ. соч. Ф. 29, Оп. 26, Д. 201.

² Там же. Ф. 34980, Оп. 12, Д. 1774. Л. 9 об.

³ Там же. Ф. 29, Оп. 26, Д. 202. Л. 85.

ров» за счет скорости. Строй рассыпался, и 6 из 7 самолетов были сбиты, а дотянувший до аэродрома бомбардировщик не подлежал восстановлению¹.

Прикомандированный к штабу Северо-Западного фронта комкор П.С. Шелухин писал Наркому обороны: «Состояние боевой выучки авиачастей находится на крайне низком уровне... бомбардировщики не умеют летать и особенно маневрировать строем. В связи с этим нет возможности создать огневое взаимодействие и отражать массированным огнем нападение истребителей противника. Это дает возможность противнику наносить своими ничтожными силами чувствительные удары... Навигационная подготовка очень слаба, что приводит к большому количеству блуждений (*так в документе. — Авт.*) даже в хорошую погоду; в плохую видимость и ночью — массовые блуждения. Летчик, будучи не подготовленным к маршруту, и в связи с тем, что ответственность за самолетовождение лежит на летчике-наблюдателе, небрежничает в полете и теряет ориентировку, надеясь на летнаба. Массовые блуждения очень пагубно отражаются на боеспособности частей, т.к. они ведут к большому количеству потерь без всякого воздействия противника и подрывают веру в свои силы у экипажей, а это в свою очередь заставляет командиров неделями выжидать хорошей погоды, чем резко снижается количество вылетов... Говоря о действиях авиации в целом, нужно больше всего говорить о ее бездействии или действии большей частью вхолостую. Ибо нельзя ничем иначе объяснить то обстоятельство, что наша авиация с таким колос-

¹ РГВА. Указ. соч. Ф. 34980, Оп. 12, Д. 1774. Л. 23 об.

сальным превосходством в течение месяца почти ничего не могла сделать противнику...»¹.

В первый месяц войны советские бомбардировщики несли большие потери из-за крайне скверного планирования боевых действий: несмотря на наличие достаточного количества истребителей, бомбардировщики то и дело летали на задания без прикрытия, хотя финны крайне редко решались атаковать СБ и ДБ-3 в случае нахождения рядом с ними даже двух-трех И-16. Недостатки летного мастерства и снабжения нередко компенсировались исключительным героизмом техников, готовивших боевые машины к вылетам в 40-градусные морозы, летчиков и стрелков-радиостов, до последнего отражавших атаки вражеских истребителей. В январе на Карельском перешейке финской зенитной артиллерией был подбит СБ старшего лейтенанта Мазаева. Несмотря на все усилия, пилот не смог дотянуть до своих и вынужден был совершить посадку на снег на нейтральной полосе. Попытки советской пехоты выручить товарищей по оружию не увенчались успехом. Тогда 6 бомбардировщиков и прикрывавшие их истребители начали штурм финских позиций, а летчик Михаил Трусов посадил свой самолет между своими и неприятельскими позициями и, устроив экипаж Мазаева в кабинах и бомбовых люках, взлетел, получив несколько пулевых пробоин².

Следует отметить, что за сто пять дней войны советские летчики 11 раз выручали таким образом своих соратников, спасая их от смерти и плена, причем 7 раз это делали летчики-истребители на своих одноместных самолетах.

¹ РГВА. Указ. соч. Ф. 29, Оп. 26, Д. 202. Л. 88—89.

² Бои на Карельском перешейке. Л., 1941. С. 141—143.

В январе и начале февраля 1940 года авиация Северо-Западного фронта обрушила настоящий свинцовый шквал на позиции противника на Карельском перешейке и его тылы. С 1 января по 15 февраля было совершено около 28 тысяч боевых вылетов, в ходе которых сброшено 6200 тонн бомб (наиболее распространенный бомбардировщик ВВС Красной Армии — СБ нес 600 килограммов бомб). А всего в ходе войны на «линию Маннергейма» было сброшено 4500 тонн смертоносного металла¹. Если учесть, что на ней в общей сложности находились около 150 тысяч финских солдат и офицеров, то на каждого из них приходилось примерно по 3 килограмма советского железа и свинца, не считая артиллерийских снарядов и пуль.

Накануне наступления советское авиационное командование большое значение придавало разрушению путей сообщения Финляндии с целью недопущения подвоза резервов и подкреплений из глубины страны и с пассивных участков фронта. Для финских железнодорожников начался настоящий ад: 2 февраля 150 самолетов 15-й скоростной бомбардировочной бригады практически стерли с лица земли город Сортавала, 21 февраля над Выборгом было зафиксировано около 700(!) самолетов, а неделей позже железнодорожный узел Рийхимяки бомбили более 100 боевых машин².

Как правило, бомбардировщиков прикрывали сильные истребительные группы, не позволявшие самолетам противника помешать выполнению боевого задания. Во время налетов на объекты в ближайшем тылу ДБ-3 и СБ сопровождали И-16 с дополнительны-

¹ РГВА. Ф. 29, Оп. 26, Д. 202. Л. 111а.

² Там же. Ф. 34980, Оп. 14, Д. 108.

ми баками (И-153 не могли использоваться с этой целью, поскольку при полетах на большую дистанцию отставали от бомбардировщиков). В ходе войны выяснилось также, что самолеты И-15 уже устарели как истребители ввиду малой скорости, поэтому их использовали в качестве штурмовиков и... пикирующих бомбардировщиков.

Наиболее сильным налетам в ходе войны помимо уже упоминавшихся городов подверглись Антреа (ныне Светлогорск — 235 тонн), Кексгольм (Приозерск — 294 тонны) и Хиитола (Каменногорск — 99 тонн)¹.

В этот период активизировала свои действия по объектам в глубине финской территории Особая авиационная группа под командованием дважды Героя Советского Союза Г.П. Кравченко в составе двух бомбардировочных и истребительного полков. Расположенные согласно советско-эстонскому договору на аэродромах вблизи побережья Финского залива, ее боевые машины могли долететь до важных промышленных городов и железнодорожных узлов, затрачивая немного времени и возвращаясь на аэродромы, которые не могли подвергнуться ответному удару финской авиации.

Через полтора года история повторилась: 23 июня германские самолеты нанесли бомбовые удары по советским городам и другим важным объектам с аэродромов на территории Финляндии, еще не вступившей в войну. В ответ последовали налеты советской авиации по местам базирования «Юнкерсов» и «Хейнкелей». 29 июня Финляндия объявила о состоянии войны с Советским Союзом.

¹ РГВА. Указ. соч. Ф. 29, Оп. 26, Д. 202. Л. 111а.

Вернемся, однако, к зиме 1940 года. Во второй половине февраля и первой половине марта ВВС Северо-Западного фронта и северных армий стали действовать еще активнее. К 10 марта 1940 года на фронте находились уже 52 авиационных полка: 21 скоростной бомбардировочный, по 5 дальнебомбардировочных и легкособомбардировочных, 2 тяжелобомбардировочных, 1 штурмовой, 4 смешанных и 14 истребительных общей численностью около 3 тысяч боевых машин. Воспользовавшись улучшением погоды и увеличением продолжительности светового дня, летчики стали совершать по несколько вылетов в день. В итоге менее чем за месяц было совершено больше боевых вылетов, чем за два с половиной предыдущих — 45 тысяч — и было сброшено почти 15 тысяч тонн бомб. Это привело к тому, что боеспособность финских частей на Карельском перешейке несколько снизилась. Разумеется, случаи сдачи в плен были достаточно редкими, но солдаты и офицеры стали стрелять не так метко, как в декабрьских и январских боях, некоторые из них старались уйти в тыл, чтобы спастись от бомбежек и артиллерийских налетов. Во многом благодаря этому потери соединений 7-й и 13-й армий в заключительный период войны значительно снизились, тем более что закаленных в боях ветеранов Карельского перешейка меняли части, сформированные из резервистов и прибывшие с других участков фронта, не подвергавшихся такому воздействию. Усиление воздействия на финские войска признал и командовавший во время войны 2-м армейским корпусом на Карельском перешейке генерал Х. Эквист, писавший о том, что «в конце войны русские производили массированные смелые налеты»¹.

¹ РГВА. Указ. соч. Ф. 34980, Оп. 14, Д. 104.

В период боевых действий советские бомбардировщики нередко выполняли несвойственные им функции (сброс груза окруженным), особенно в 8-й и 9-й армиях, чьи соединения оказались во вражеском кольце. Всего с этой целью было сделано 3014 боевых вылетов бомбардировщиков и 1059 — истребителей, причем в 9-й армии бомбардировщики использовали для сброса грузов окруженным более четверти всех боевых вылетов, а в 8-й армии — 13%¹.

Однако если в действиях ВВС по непосредственной поддержке сухопутных войск в феврале-марте был достигнут определенный сдвиг в лучшую сторону, то глубокий тыл Финляндии так и не был подвергнут достаточному воздействию. Поскольку большинство авиационных частей было подчинено армейскому командованию, львиная доля боевых вылетов была направлена на поддержку войск, причем нередко бомбардировщики вызывались для удара по мелким группам противника. Как было указано в докладе Начальника ВВС Красной Армии Я.В. Смушкевича, «шла погоня за количеством произведенных самолето-вылетов и сброшенных тонн бомб без учета того, какой тактический и оперативный результат этим достигается»². В итоге, несмотря на значительные силы авиации, сосредоточенные на фронте, экономика Финляндии не была подорвана сколько-нибудь серьезным образом. До конца войны продолжали работу авиационный завод в Тампере (на город сброшено 192 тонны бомб), оружейный завод в Куопио (сброшено 87 тонн), крупнейшая электростанция в Иматра (78 тонн) и большинство предприятий, выполнявших военные заказы.

¹ РГВА. Указ. соч. Ф. 29, Оп. 26, Д. 202. Л. 99.

² Там же. Ф. 29, Оп. 26, Д. 202. Л. 109.

Не удалось «сталинским соколам» и прервать переброску на фронт резервов, подкреплений, боевой техники и вооружения, а также подвоза из Швеции военных материалов и снаряжения. Советские бомбардировщики рапортовали об очередном успешном налете, в ходе которого они уничтожили какой-нибудь железнодорожный узел, не учитывая того, что дым от разрывов бомб и пожаров скрывает хотя бы один обводной путь, который обязательно остается неразрушенным и по нему можно пустить поезда. Только в конце войны советские летчики стали применять охоту на воинские эшелоны на перегонах, но в этом случае выяснилось, что попасть в поезд бомбой с СБ трудно, а пулеметный огонь по паровозу малоэффективен, тогда под Ленинград стали стягивать все истребители И-16, оснащенные пушками, но было уже поздно.

Еще одной причиной малоэффективного воздействия на тыл противника была недостаточная дальность самолетов: СБ не мог долететь до ряда целей, ДБ-3 в случае даже малейшего отклонения от курса подвергался угрозе вынужденной посадки на непригодной площадке, а ТБ-3 ввиду тихоходности мог использоваться только ночью, а об истребительном прикрытии дальних бомбардировщиков говорить не приходилось: такого самолета в советской авиации просто не было. Поэтому, как указывалось в уже упомянутом докладе: «Из-за отсутствия систематических и планомерных действий ВВС одна из важнейших задач авиации по прекращению подвоза военных материалов, боевых средств и живой силы на территорию Финляндии оказалась невыполненной»¹.

¹ РГВА. Указ. соч. Ф. 34980, Оп. 14, Д. 108; Ф. 29, Оп. 26, Д. 202. Л. 111а.

Наконец, не будем забывать и еще об одном обстоятельстве, помешавшем советской авиации нанести более серьезные удары по экономике неприятеля: с самого начала наши самолеты в значительном количестве нацеливались на самые обыкновенные города соседней страны, в которых не было ни крупных предприятий, ни железнодорожных узлов, зато размещались жители, эвакуированные из крупных центров. Бомбежкам и пулеметному обстрелу подвергались не только небольшие города и поселки, но и деревни, в которых находились искавшие пристанища обитатели Хельсинки, Тампере, Турку и других городов¹.

Таким образом, в ходе войны ВВС Красной Армии явно вели действия, направленные на подавление воли населения Финляндии к сопротивлению, создание нервной обстановки в тылу страны, которая могла бы отрицательно повлиять на боеспособность неприятельской армии на фронте. Эта «война нервов», война на истощение терпения явно опиралась на советскую доктрину использования бомбардировочной авиации в случае войны с промышленно развитыми странами Запада, в которой действиям такого рода отводилась значительная роль. Кроме того, перед глазами советских авиационных командиров был опыт польской кампании сентября 1939 года, в которой германская авиация имела поразительный успех. Интересно, что чувствовал Начальник ВВС Красной Армии комкор Яков Смушкевич, когда отдавал приказы бомбить города, беззащитные перед налетами советской авиации точно так же, как и Барселона и Мадрид осенью 36-го перед зверствами немецких и итальянских летчиков? Понимал ли он, что, по сути дела, совершает преступ-

¹ РГВА. Указ. соч. Ф. 29, Оп. 26, Д. 202. Л. 105.

ление перед человечеством? Или революционная необходимость перевешивала все? Тем не менее война нервов была проиграна советской авиацией: финское население не впало в панику, а еще больше сплотилось вокруг правительства для обороны страны. На фронте среди финских солдат сообщения о бомбардировках городов и деревень вызвали не деморализацию, а более ожесточенное сопротивление, особенно среди тех, чьи семьи пострадали от налетов авиации. Во многом именно поэтому жизнь летчиков, попавших в финский плен, была наиболее тяжелой.

Таким образом, можно говорить, что большинство задач, возложенных на советскую авиацию накануне войны, остались невыполненными. Какие же недостатки, скрывавшиеся ранее за строками отчетов о воздушных боях в Испании, Китае и Монголии, были вскрыты? В первую очередь выяснилось, что очень многие советские самолеты устарели и уступают лучшим зарубежным образцам, появившимся в небе Финляндии в конце войны, по ряду важнейших показателей, несмотря на заботу товарища Сталина об авиации. Так, например, основной истребитель ВВС Красной Армии того периода — И-16 уступал в скорости американским, французским, английским и немецким боевым машинам около 100 км, не говоря об И-153 и И-15. Новые боевые машины финнов, поставленные из-за рубежа, могли догнать и сжечь основной бомбардировщик СБ, который еще в 1937 году мог уйти от любого вражеского истребителя. Выяснилось также, что СБ, проектируемый как универсальный самолет, не отвечает по меньшей мере двум основным требованиям: при полете на дальние дистанции он не может нести достаточную бомбовую нагрузку, а для воздейст-

вия на войска противника он слишком неповоротлив и не может пикировать. Об основном дальнем бомбардировщике Начальник ВВС РККА написал: «ДБ-3 не оправдал себя как дальний бомбардировщик вследствие своей большой уязвимости и недостаточной скорости. Нам нужен дальний бомбардировщик со скоростью 600 км в час на высоте 7—8 тысяч метров»¹. Отметим, что бомбардировщик с похожими данными уже давно существовал не только на бумаге, но и в опытном экземпляре. Назывался он ТБ-7. Но в серию его по каким-то причинам пускать не хотели, то ли потому, что его создатели находились в одной из «шарашек», то ли потому, что он был сложен в производстве.

А насчет разведывательной авиации вердикт главного летчика страны был и вовсе беспощаден: «Нам необходим также специальный тип самолета-разведчика, обладающего современными качествами, в первую очередь — скоростью. Использование устаревшей материальной части, которой вооружена наша разведывательная авиация, в войне со сколько-нибудь серьезным противником будет невозможно»².

На этом основании Смушкевич сделал следующий вывод: «Опыт войны еще раз показал, что скорость полета является важнейшим качеством, необходимым для всех типов самолетов. Отсюда мы должны неотложно форсировать строительство скоростной материальной части. В этом отношении мы отстаем от основных капиталистических стран, где в связи с войной лучшие типы скоростных самолетов выпускаются промышленностью в крупных сериях»³.

¹ РГВА. Указ. соч.

² Там же. Л. 106.

³ Там же. Л. 107.

Самым необходимым он считал создание в ближайшее время пикирующего одномоторного бомбардировщика и бронированного штурмовика, а также фронтового двухмоторного пикирующего бомбардировщика.

Помимо этого в докладе Начальника ВВС были указаны и другие проблемы: недостаточный ресурс работы моторов, уступающий в несколько раз зарубежным, недостаточное их производство, не восполнившее убыли за период войны, тяжелое положение с горючим, которого могло не хватить в случае продолжения войны и более благоприятных погодных условий.

Особое внимание было уделено необходимости совершенствования управления авиацией, разделения ее на тактическую (армейского подчинения) и оперативную (фронтового подчинения), причем основная часть самолетов должна была входить в состав последней. Если же оценивать положение в ВВС Красной Армии незадолго до войны и доклад Я.В. Смушкевича, то обращает внимание, что в целом он объективно оценивает сложившуюся ситуацию и ставит вопрос о необходимости принятия срочных мер для ее улучшения и создания по-настоящему боеспособной силы, которая сможет противостоять в случае нападения серьезного противника.

Несколько удивляет критический тон доклада, ведь фактически его авторы утверждали, что возглавляемый ими род войск не сможет противостоять более современным и лучше управляемым и снабженным ВВС Германии и других стран¹. Видимо, Военный Совет ВВС Красной Армии действительно болел за поло-

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 110.

жение дел в авиации и в стране, представляя Ворошилову и Сталину такой доклад. Вряд ли они не понимали, что наступают вождю на любимую мозоль и их критику он воспримет как критику в свой адрес.

Впрочем, была в докладе и очевидная неправда: потери неприятельской авиации в воздушных боях оценивались в 362 самолета (т.е. больше, чем собственные), тогда как в действительности были сбиты в воздушных боях и потерпели катастрофу 76 боевых машин, еще 51 была повреждена¹. Финны подобного вранья не допускали: по перекочевавшим в германский журнал «Дейче вер» сведениям, они сбили около 650 самолетов, что не особенно отличается от действительного положения дел. Из них, по данным финских исследователей, на долю авиации приходится всего 207. Отметим, что финской авиации война в значительной степени пошла на пользу, — помимо приобретенного боевого опыта ее летчики получили в большинстве своем новые боевые машины: к 15 марта в финских ВВС помимо продолжавших летать 25 «Фоккер Д21» насчитывалось 22 британских «Глостер-Гладиатора», вполне сопоставимых по своим качествам с «Чайкой» И-153, 23 итальянских «Фиата Г50», но наибольшую угрозу для советских самолетов представляли, конечно, 23 «Моран-Солнье» и 10 «Харрикейнов-1», превосходившие советские истребители по всем статьям, а также 19 «Бленхеймов» и даже один восстановленный подбитый ДБ-3².

Всего же в период с декабря 1939 года по апрель 1940 года финны получили 42 «Глостер-Гладиатора»,

¹ Геуст К. —Ф. Ук. соч. С. 59; Keskinen K., Stenman K. Op. cit. P. 152—154.

² Op. cit. P. 145.

38 американских «Брюстеров Б-239» (из них лишь 6 успели принять участие в боях), 30 «Моран-Солнье», 22 «Бристоль-Бленхейма», 32 «Фиата» и 10 «Харрикейнов»¹.

Отметим, что из поставлявшихся из-за рубежа самолетов наибольшие потери были среди «Глостер-Гладиаторов» (16 сбито и уничтожено в результате катастроф и 4 повреждено из 42 — почти половина) и «Фиатов» (4 сбито, 6 повреждено), большими были потери и среди «Бленхеймов», что легко объяснить большим превосходством советской авиации в воздухе (10 сбито и столько же повреждено), разбиты были также в авариях два «Харрикейна», один «Моран», повреждены были 5 «Моранов» и 2 «Брюстера». Значительны были потери среди «Фоккеров Д21»: 12 сбито и 6 повреждено². Небольшое количество аварий и катастроф при освоении новой техники свидетельствует о достаточно высоком классе финских летчиков.

Наконец, трудно удержаться от еще одной любопытной выкладки: большинство советских самолетов сбили летчики, летавшие именно на «Фоккерах Д21» — на их счету 116 воздушных побед (на одном из них летал и лучший финский ас Йорма Сарванто, сбивший 12 самолетов). «Гладиаторы» сбили 34 самолета, «Мораны» — 13, «Фиаты» — 9, «Харрикейны» за несколько дней боев в марте не сбили ни одного. Удивительно другое: финские летчики сбивали самолеты даже на «Бульдогах» (6 боевых машин), еще 5 советских истребителей сбили воздушные стрелки «Бленхеймов»³.

Но в целом доклад, повторяю, был выдержан в

¹ Op. cit. P. 147.

² Op. cit. P. 152—154.

³ Op. cit. P. 148—151.

весьма критических тонах, и за проявленную смелость Смушкевич, начальник штаба ВВС Ф.А. Арженухин и комиссар ВВС Агальцов были в мае 1940 года отстранены от занимаемых должностей и направлены на менее значимые. Смушкевича сменил другой герой Испании — Павел Рычагов, который попал на Пиренеи лейтенантом, а уехал Героем Советского Союза и майором. Не обученный придворному этикету, на одном из заседаний Главного Военного Совета он однажды сказал то, о чем говорилось в докладе Смушкевича, более жестко: «Мы летаем на гробах».

Такого кремлевский горец стерпеть, конечно, не мог, и накануне Великой Отечественной войны и Смушкевич, и Рычагов, и ставший начальником Военно-Воздушной Академии Арженухин были арестованы, а в октябре 1941 года расстреляны в Куйбышеве¹. Летом 1941 года ВВС Красной Армии потерпели жесточайшее поражение, причем не столько на земле, как утверждалось раньше, сколько в воздушных боях, в ходе которых сгорели почти 80% советских самолетов. Такова была цена нежелания советского руководства прислушиваться к голосам специалистов.

Глава 10

ВО ЛЬДАХ И ПОДО ЛЬДОМ

23 июня 1939 года на флотах и флотилиях директивой Народного Комиссара Военно-Морского флота флагмана 2-го ранга Н.Г. Кузнецова была введена трехступенчатая система оперативных готовностей: № 3

¹ Канун и начало войны. Документы и материалы. Л. 1991. С. 414.

(повседневная), № 2 (повышенная) и № 1 (полная). А 1 июля на базе Кронштадтского крепостного полка была сформирована отдельная специальная стрелковая бригада трехбатальонного состава¹.

31 августа в Балтийском флоте было сформировано соединение охраны водного района в составе дивизиона сторожевых кораблей, трех дивизионов тральщиков, дивизиона сторожевых катеров, дивизиона малых охотников за подводными лодками, двух плавучих баз, некоторых сухопутных подразделений. Помимо этого ОВР подчинялся дивизион торпедных катеров, артиллерийский дивизион и авиаэскадрилья².

Наконец, 25 октября была организована Ладожская военная флотилия со штабом в Шлиссельбурге, без которой советская «военная машина» вполне обходилась в течение двадцати лет. Она подчинялась Военному Совету Балтийского флота и включала в свой состав дивизион сторожевых катеров (12 единиц) и дивизион береговой артиллерии (3 батареи)³.

3 ноября 1939 года Нарком ВМФ отдал Директиву, по которой на Балтийский флот возлагались следующие задачи: прикрытие сухопутных сил от возможного нападения шведского флота, поиск и уничтожение финских броненосцев береговой обороны, блокирование Финского побережья, захват островов в восточной

¹ Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1912—1941 (далее — Боевая летопись...). С. 621.

² Боевая летопись...

³ Там же. С. 625.

части Финского залива, высадка оперативного и тактического десантов, оказание огневой поддержки.

Превосходство Балтийского флота над морскими силами Финляндии было так же велико, как и на сухопутном фронте. В его состав входили 2 линейных корабля, 2 легких крейсера, 2 лидера, 11 эсминцев, 29 подводных лодок, 4 канонерские лодки, 62 торпедных катера, 12 сторожевых кораблей, 33 сторожевых катера, 28 тральщиков, три минных и сетевых заградителя. Помимо кораблей Военный Совет Флота имел в своем подчинении 22 батареи береговой артиллерии и весьма значительные Военно-Воздушные Силы (469 самолетов), превышавшие по численности всю финскую боевую авиацию¹.

Этим силам финны могли противопоставить лишь два броненосца береговой обороны, 5 подводных лодок, 6 канонерских лодок, 6 минных заградителей, 9 сторожевых кораблей (вооруженные гражданские суда), 30 тральщиков и 7 торпедных катеров. Численность морской авиации финского флота была и вовсе смехотворной: 16 самолетов. Правда, на Ладожском озере противник мог оказать серьезное сопротивление: в состав финской Ладожской флотилии входили 4 канонерские лодки, 3 минных заградителя, 2 тральщика и несколько катеров. Кроме этого, в восточной части Финского залива (от Котки до Хумалийоки) находились 12 береговых батарей, на которых имелось два 305-мм, девять 254-мм, два 203-мм и двадцать пять 152-мм орудий, в основном доставшиеся Финляндии от береговой обороны русского Балтийского флота².

¹ Боевая летопись... С. 636.

² Там же. С. 637; История Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 280—281.

23 ноября Военный Совет Балтийского флота отдал приказ о переходе к оперативной готовности № 1 и возможном выходе в море по сигналу «Факел». Тогда же оперативная готовность № 1 была введена и на Ладужской флотилии. Первой операцией по плану штаба флота должен был стать захват островов Большой и Малый Тютерс, Лавенсаари, Суур-саари (Гогланд), Сескар. Ладужская флотилия должна была оказывать содействие правофланговым соединениям 7-й армии в овладении крепостью Тайпале¹.

В первый же день войны, 30 ноября, отряд особого назначения под командованием капитана 1-го ранга С.С. Рамишвили при поддержке лидера, шести эсминцев, трех сторожевых кораблей и значительного количества сторожевых и торпедных катеров и тральщиков вышел к островам. Отряд прикрывали с воздуха 139 самолетов, сделавшие в первый день 186 вылетов и сбросившие более тысячи бомб различных калибров. На острове Сескар противник оказал незначительное сопротивление, которое вскоре было подавлено огнем корабельной артиллерии. В течение нескольких дней десанты были высажены также на остальные острова, самый крупный из них — Гогланд — был захвачен 3 декабря. Высадка на островах почти не встретила противодействия финнов на море и в воздухе².

В этот же период артиллерия и канонерские лодки Балтийского флота оказывали артиллерийскую поддержку частям левофланговой 70-й стрелковой дивизии. Огонь вели даже 305-мм орудия. В этот же день эскадрилья ДБ-3 1-го минно-торпедного авиаполка

¹ РГВА. Коллекция. Оп. 14, Д. 2. Л. 1—3.

² Боевая летопись... С. 638.

под командованием капитана Н.А. Токарева нанесла удар по Хельсинки. То же самое в этот день сделала эскадрилья СБ-2 35-го скоростного бомбардировочного авиаполка, в основном бомбы легли не по военным и промышленным объектам, а обрушились на густонаселенные жилые кварталы. Это вызвало протесты мировой общественности, и вскоре налеты на Хельсинки были запрещены советским военным и политическим руководством¹.

Тем временем для действий на морских коммуникациях противника в средней части Балтийского моря и устье Финского залива на базах в Латвии и Эстонии были развернуты три бригады подводных лодок и корабли отряда легких сил. 1 декабря подводная лодка «Л-1» выставила две минные банки в районе Нюхамнских шхер с целью не допустить ухода финских броненосцев в Швецию. В этот же день отряд в составе крейсера «Киров» и эсминцев «Стремительный» и «Сметливый» под командованием капитана 1-го ранга Н.Э. Фельдмана обстрелял батарею на о. Руссаарё, которая открыла ответный огонь. Артиллерийская дуэль окончилась вничью, поскольку противнику не удалось достигнуть попаданий в наши корабли, а они в свою очередь не сумели подавить орудия неприятеля².

9—10 декабря дивизион канонерских лодок («Кронштадт», «Сестрорецк» и «Красная Горка») под командованием капитан-лейтенанта Э.И. Лазо поддерживал наступление 123-й стрелковой дивизии, которая при выдвижении в район Бобошино попала под огонь са-

¹ Боевая летопись... С. 639; Геуст К.-Ф. Бомбы на столицу // Родина. 1995. № 12. С. 58—59.

² Боевая летопись... С. 647.

мой мощной, шестиорудийной 254-мм финской береговой батареи на о. Койвисто. В связи с этим командующий Балтийским флотом флагман 2-го ранга В.Ф. Трибуц приказал командующему эскадрой флагману 2-го ранга Н.Н. Несвицкому поддержать огнем продвижение 123-й стрелковой дивизии и подавить батареи на Койвисто и о. Тиурин-саари. 10 декабря для выполнения задачи вышли линкор «Октябрьская революция», лидеры «Ленинград» и «Минск», эсминцы «Стерегущий» и «Артем», а также приданные им 4 тральщика и 6 малых охотников. Помимо этого по пути к группе под командованием капитана 2-го ранга Д.Д. Вдовиченко присоединились эсминцы «Энгельс» и «Володарский». Линкор с дистанции 102 кабельтовых произвел 30 двухорудийных залпов по 254-мм батарее, расположенной у Саренпя, но противник не отвечал, видимо, не рискуя раскрыть свое место расположения. Отряд же из двух лидеров и эсминца «Стерегущий», которому была поставлена задача обстрелять батарею на Тиурин-саари, ввиду плохой видимости, не открывая огня, вернулся на базу¹.

Вышедшая из Либавы 3 декабря подводная лодка «С-1» 10 декабря потопила в Ботническом заливе в районе Раума транспорт «Большайм» водоизмещением более 3000 тонн. Двумя днями раньше подводная лодка «Щ-322», находясь в надводном положении на позиции в районе Хельсинки, обнаружила на дистанции 20 кабельтовых финский транспорт. Командир лодки капитан-лейтенант В.А. Полещук решил потопить судно орудийным огнем, но ввиду обмерзания обеих пушек стрельба была невозможна, и транспорт ушел

¹ Боевая летопись... С. 639—640.

от преследования. 10 декабря в районе о. Утё подводная лодка «Щ-323» артиллерийским огнем уничтожила эстонский транспорт «Кассари» вместимостью 379 рег. тонн¹.

Впрочем, один эпизод, по какой-то причине ускользнувший от авторов «Боевой летописи», удалось установить: 1 декабря один из пилотов самолета ДБ-3 1-го минно-торпедного авиаполка не справился с управлением и врезался в бомбохранилище... В результате погибло 6 и было ранено 25 человек, подавляющее большинство самолетов в результате попаданий осколков находилось в ремонте в течение двух недель².

13—17 декабря дивизион канонерских лодок продолжал обстрел позиций противника в районе Муури-ла с дальней дистанции, поскольку при приближении к берегу канонерки подвергались обстрелу береговых батарей противника, в том числе и 254-мм у Саренпяя.

В связи с этим командующий Балтийским флотом вновь поставил перед командующим эскадрой задачу подавить батарею у Саренпяя. Для этого были выделены линкор «Октябрьская революция», лидер «Минск», эсминцы «Стерегающий», «Артем», «Карл Маркс», «Энгельс» и «Ленин» (последние три, по всей вероятности, должны были подавлять не только артиллерийским огнем, но и силой диалектического материализма), а также 4 сторожевых корабля, 4 тральщика и 6 малых охотников. 10-й авиабригаде была поставлена задача нанести бомбовый удар по батарее. 18 декабря в 13 часов 54 минуты линкор «Октябрьская революция» с дистанции 120 кабельтовых начал обстрел батареи, которая на этот раз открыла ответный огонь. За время

¹ Боевая летопись... С. 647—648.

² РГВА. Ф. 29, Оп. 26, Д. 201. Л. не указан.

стрельбы линкор выпустил 209 снарядов, противник ответил 25—30 залпами. Авиационная группа в составе 22 бомбардировщиков и 44 истребителей совершила 13 атак на батарею, сбросив четырнадцать 250-кг бомб, шестьдесят 100-кг и большое количество мелких. В результате батарея понесла большой урон, два ее орудия были выведены из строя. В наши корабли, по утверждению авторов «Летописи», попаданий не было¹.

На следующий день обстрел продолжался под руководством зам. наркома ВМФ флагмана 2-го ранга И.С. Исакова с линкора «Марат», лидера «Ленинград», 5 эсминцев, 3 сторожевых кораблей. Линкор выпустил 136 снарядов главного калибра, противник ответил 27 залпами сначала из одного, затем из двух орудий, но попаданий в корабли вновь не было. Авиация Балтийского флота (35 бомбардировщиков и 52 истребителя) сбросила за день двадцать восемь бомб 250- и 500-кг, 220 — 100-кг и большое количество мелких².

17—21 и 23—26 декабря дивизион канонерских лодок, в состав которого была включена канонерская лодка «Красное Знамя», имевшая на вооружении пять 130-мм орудий, продолжал обстрел противника в районе Муурилы и Инкиля. Несмотря на битый лед и сильный ветер, моряки оказывали немалую помощь сухопутным войскам.

21 декабря на боевую позицию в проливе Южный Кваркен вышла подводная лодка «С-1». 24 декабря она была замечена канонерской лодкой противника, пытавшейся таранить «С-1». Благодаря скорым и слаженным действиям команды лодка быстро ушла на глубину. Лодка находилась на позиции три недели, не обна-

¹ Боевая летопись... С. 641.

² Там же.

ружив неприятеля, за исключением двух самолетов, которые 19 января пролетали над лодкой. По ним был открыт огонь из обеих орудий, в результате чего один из самолетов был поврежден. При возвращении лодке пришлось пробиваться через льды, причем был поврежден легкий корпус лодки и сорваны обшивка и козырек рубки. Вскоре после возвращения «С-1» была награждена орденом Красного Знамени, а ее командир капитан А.В. Трипольский получил звание Героя Советского Союза¹.

В период с 30 декабря 1939 года по 3 января 1940 года был совершен последний выход сил эскадры в Финском заливе для обстрела батарей у Саренпя и на о. Тиурин-саари. На этот раз в море вышли линкор «Октябрьская революция», оба лидера, эсминцы «Ленин», «Артем» и «Володарский», а также два сторожевых корабля и тральщики. Корабли вынуждены были прибегнуть к помощи ледоколов. Ввиду плохой видимости обстрел был отменен. 2 января Военный Совет приказал линкору возвратиться в Кронштадт, а легким силам следовать в Таллинн и Лиепаяу².

20 декабря бомбардировщики КБФ в порту Турку потопили транспорт «Лео».

30 декабря согласно директиве Наркома ВМФ Военный Совет Балтийского флота приступил к созданию зимней обороны в восточной части Финского залива — от Кронштадта до о. Гогланд. Коменданту зимней обороны были подчинены укрепленные районы, а также особая стрелковая бригада, три батальона учебного отряда флота, местный стрелковый полк и береговой отряд сопровождения, окончательно сформиро-

¹ Боевая летопись... С. 648.

² Там же. С. 642.

ванный 10 января 1940 года. Главной задачей зимней обороны было отражение внезапных налетов противника со стороны Карельского перешейка и пролива Бьорке-зунд и охрана захваченных островов¹.

10 января был окончательно сформирован береговой отряд сопровождения в составе стрелкового батальона, артиллерийского дивизиона, двух отдельных рот моряков, отряда лыжников и танковой роты. Численность отряда составила 1544 человека, 20 орудий и минометов, 13 танков и более 100 пулеметов. Главной задачей отряда было обеспечение действий сухопутных войск на приморском направлении².

28 декабря на позицию в районе Васы вышла подводная лодка «Щ-311». Уже в ночь на 29 декабря она обнаружила германский транспорт «Зигфрид», шедший к берегам Финляндии. Лодка открыла с дистанции 10 кабельтовых артиллерийский огонь, но благодаря слабости вооружения лодки (две 45-мм пушки, в отличие от лодок серии «С», имевших 100-мм орудия) транспорту удалось уйти. Через четыре часа лодка обнаружила и потопила финский транспорт «Вильпас».

5 января лодка обнаружила шведский транспорт «Фенрис». После предупредительного выстрела транспорт продолжал движение. После следующих выстрелов он остановился, но при приближении лодки внезапно дал полный ход, после чего по нему вновь был открыт огонь, от которого «Фенрис» затонул. 10 янва-

¹ Боевая летопись...

² Там же. С. 643.

ря «Щ-311» возвратилась на базу. Так же, как и «С-1», «Щ-311» была награждена орденом Красного Знамени, а ее командир капитан-лейтенант Ф.Г. Вершинин удостоен звания Героя Советского Союза¹.

8 января в Финском заливе у о. Экере противника обнаружила подводная лодка «Щ-324». Это были минный заградитель «Свеаборг» и вспомогательное судно. 13 января она обнаружила конвой из трех транспортов в сопровождении сторожевого корабля «Аура-2» и тральщика. Торпеда, выпущенная в один из транспортов, прошла мимо. После этого лодка подверглась атаке глубинными бомбами, от которой удалось уклониться погружением на глубину. Тем временем на неприятельском корабле от детонации взорвались собственные глубинные бомбы, отчего он быстро затонул. 19 января «Щ-324» получила приказание возвратиться на базу. Часть пути до Либавы (в Таллинн нельзя было пробиться из-за мощного льда) пришлось проделать подо льдом. 20 января лодка возвратилась, а вскоре весь ее личный состав был награжден орденами и медалями, ее командир капитан 3-го ранга А.М. Коняев был удостоен звания Героя Советского Союза, а сама лодка награждена орденом Красного Знамени².

3 января прекратилась связь с подводной лодкой «С-2», вышедшей из Либавы 1 января. По всей вероятности, она погибла на минном заграждении в проливе Южный Кваркен.

¹ Боевая летопись... С. 649.

² Там же.

20 января 1940 года было решено прекратить деятельность подводных лодок ввиду сложных погодных условий¹.

В период с 29 января по 20 февраля самолеты 10-й авиабригады шесть раз выставляли мины на входных фарватерах Турку и в районе Раумы и Пори. Всего было выставлено 45 мин.

26 и 29 февраля 19 и 14 бомбардировщиков 10-й авиабригады наносили удары по броненосцам береговой обороны противника в Турку. Из-за сильного противодействия зенитной артиллерии и истребителей попаданий в корабли не было. 2 марта в совместном ударе 10-й и 8-й авиабригад приняло участие 28 бомбардировщиков под прикрытием 19 истребителей. В ходе воздушного боя потеряно 3 самолета. По утверждению авторов сборника, взятого, вероятно, из отчета о боевых действиях бригады, было сбито 6 финских истребителей. Но в солидном финском исследовании по истории ВВС Финляндии в период «зимней войны», в котором имеются сведения о всех или почти всех сбитых самолетах с указанием фамилий летчиков и других членов экипажа, написано, что 2 марта были сбиты всего три самолета, из них один бомбардировщик².

3 марта 1940 года Военный Совет Балтийского флота отдал коменданту зимней обороны Г.Т. Григорьеву приказ: *«С рассветом 4 марта части зимней обороны в составе 1, 2, 3, 4-го батальонов особой специальной*

¹ Боевая летопись... С. 649—650.

² Там же. С. 645; Keskinen K., Stenman K. Op. cit. P. 153.

стрелковой бригады, 50-го отдельного стрелкового, 111-го и 112-го лыжных батальонов, батальона особого назначения и Берегового отряда сопровождения должны оттянуть на себя силы противника от м. Ристниemi до Котки» (около 80 км). Целью этой операции было отвлечь силы противника от действий 86-й мотострелковой дивизии, переправлявшейся по льду Выборгского залива. После ночного перехода с утра 4 марта семь батальонов и Береговой отряд сопровождения начали демонстративные действия на трех направлениях (у м. Ристниemi, у о. Киускери и Куовари и у о. Хапасаари). На обоих фланговых направлениях морякам удалось вызвать на себя артиллерийский огонь, а в районе островов Киускери и Куовари батальону особого назначения под командованием будущего героя обороны Ханко капитана Б.М. Гранина и 111-му лыжному батальону, несмотря на заградительный огонь батарей противника, удалось занять острова. Противник начал подтягивать в район действий моряков пехотные части. Воспользовавшись этим, части 86-й мотострелковой дивизии вышли на западный берег Выборгского залива. В ночь на 5 марта части зимней обороны и Берегового отряда сопровождения отошли в исходное положение¹.

За период боевых действий авиация Балтийского флота совершила 16 663 боевых вылета, из них около тысячи ночных. На противника было сброшено около 2600 тонн бомб, было потоплено и повреждено 38 транспортов и ледокол, самолетами было перевезено 300 человек и 68,5 тонны грузов. Боевые потери составили 12 самолетов².

¹ Боевая летопись... С. 646.

² Там же.

Ладожская флотилия первый выход на боевое задание осуществила еще 1 декабря, однако ей не удалось установить связь со штабом 49-й стрелковой дивизии, действия которой в районе Тайпале она должна была прикрывать. 3 декабря при проведении разведывательного траления тральщики попали под обстрел батареи противника с м. Ярисивиниеми. Для подавления батареи канонерская лодка «Ораниенбаум» открыла по ней огонь, но через 15 минут села на камни и была снята уже 15 декабря спасательной партией ЭПРОНа¹.

6 декабря корабли флотилии в течение двух часов обстреливали батарею на Ярисивиниеми, в ходе чего было выпущено 133 45-мм снаряда. В конце декабря большинство кораблей флотилии, за исключением «Ораниенбаума» и сторожевых кораблей «Дозорный» и «Разведчик», в связи с ледоставом вернулись в главную базу в Шлиссельбурге².

В течение трех недель, со 2 по 22 января, канонерская лодка «Ораниенбаум» по заявкам сухопутного командования обстреливала позиции противника в районе Тайпале. 8 февраля, во время обстрела батареи на м. Ярисивиниеми, у «Ораниенбаума» отказало наиболее мощное 130-мм орудие, и в дальнейшем она не принимала участия в боевых действиях³.

29 января 6 самолетов противника нанесли удар по флотилии на ее базе в Саунаниеми, им удалось потопить один тральщик и повредить другой. При этом огнем зенитных орудий был сбит один финский самолет⁴.

¹ Боевая летопись... С. 651.

² Там же.

³ Там же. С. 651—652.

⁴ Там же. С. 652; Keskinen K. Stenman K. Op. cit. P 152.

Северный флот к началу войны имел в своем составе 7 эсминцев, 16 подводных лодок, два минных заградителя, а также охрану водного района в составе 16 сторожевых кораблей, 8 сторожевых катеров, 8 тральщиков и сетевого заградителя. ВВС флота включали в свой состав один авиаполк и одну эскадрилью, кроме того в январе 1940 года в их состав был включен сформированный незадолго до этого 72-й авиационный полк¹. Флот должен был оказывать содействие войскам 14-й армии на приморском направлении, не допускать возможности прорыва кораблей вероятных союзников Финляндии в Кольский и Мотовский заливы, препятствовать высадке десантов на побережье.

30 ноября отряд кораблей под командованием капитан-лейтенанта В.М. Древницкого в составе сторожевого корабля «Гроза», двух пограничных сторожевых кораблей и трех тральщиков артиллерийским огнем поддерживал наступление войск на полуострове Рыбачий. Эсминец «Карл Либкнехт» находился в это время в губе Мотка и вел огонь по перешейку между полуостровами Рыбачий и Средний. К исходу 30 ноября войска 14-й армии овладели западной частью полуостровов Рыбачий и Средний и начали продвигаться к Петсамо и Линнахамари².

1 декабря сторожевой корабль «Гроза» и два тральщика под прикрытием эсминцев «Валериан Куйбышев» и «Грозный» произвели разведку береговых укреплений и подходов к бухте Петсамо. Около 11 часов «Гроза» начала обстрел береговых укреплений противника, который не отвечал. Около двух часов дня орудия

¹ Боевая летопись... С. 653.

² Там же.

корабля подавили пулеметную точку на колокольне, мешавшую продвижению частей 104-й стрелковой дивизии¹.

В начале января минные заградители «Мурман» и «Пушкин» под прикрытием эсминцев «Грозный» и «Громкий» и сторожевых кораблей «Гроза» и «Смерч» выставили на подходах к Петсамо заграждение из 250 мин.

Помимо этого корабли Северного флота сопровождали транспорты с войсками и грузами для них из Мурманска в Петсамо. Всего за период войны было отправлено 112 транспортов (47 в декабре, 48 в январе, 12 в феврале и 5 в марте). Было перевезено более 29 тысяч человек, 89 орудий, 122 танка, более 35 тысяч тонн грузов².

В ходе советско-финляндской войны Балтийский и Северный флоты не встретили серьезного сопротивления противника на море, но тем не менее приобрели некоторый опыт огневой поддержки войск, действий на коммуникациях и высадки небольших тактических десантов, а морская авиация — действий против транспортных судов.

Глава 11

ВЫДУМАННАЯ СТРАНА И ЕЕ АРМИЯ

1 декабря 1939 года подразделения 123-й дивизии Красной Армии ворвались в оставленный финнами центр «Северной Ривьеры» — Териоки. А на следую-

¹ Боевая летопись... С. 655.

² Там же. С. 656.

ший день советские газеты громогласно заявили о «восстании финских солдат в Териоки и переходе власти в руки Народного правительства Финляндской демократической республики, сформированного по соглашению ряда левых партий». В его состав вошли видный деятель ВКП(б) и Коминтерна Отто Куусинен (председатель правительства и министр иностранных дел), Маури Розенберг (министр финансов), Тууре Лехен (министр внутренних дел), Армас Эйкия (министр земледелия), Инкери Лехтинен (министр просвещения), Пааво Прокконен (министр по делам Карелии). В первый же день своего существования «Правительство ФДР» обратилось в Президиум Верховного Совета СССР с предложением об установлении дипломатических отношений между двумя странами. В тот же день в Кремле приняли решение о признании птенца из коминтерновского гнезда в качестве полноправного субъекта международного права и установлении с ним дипломатических отношений¹.

На следующий день между СССР и ФДР был заключен также договор о дружбе и взаимопомощи. Прикрываясь этим договором, советское правительство отвергло предложения Лиги Наций и финляндского правительства о прекращении боевых действий, ответив, что не признает последнее, поскольку оно бежало в неизвестном направлении, зато Советский Союз предпримет все возможное для развития добрососедских отношений с ФДР².

Несмотря на все попытки Кремля представить ФДР вполне дееспособным образованием, в Европе

¹ «Правда», 2 декабря 1939 г.

² «Правда», 3 декабря 1939 г.

сразу поняли, что к чему. Уже 3 декабря «Таймс» писала: «Целью его (правительства Куусинена. — Авт.) является превращение Финляндии в страну наподобие внешней Монголии»¹. Несмотря на все усилия советской дипломатии, ни одна страна в мире, кроме уже упоминавшейся Монголии и формально независимой Тувы, не признала Финляндскую демократическую республику.

Дитя ЦК ВКП(б) и Коминтерна оказалось мертворожденным, несмотря на все финансовые вливания и попытки создания государственных институтов, которые, впрочем, не имели никакой реальной власти как обычная гражданская администрация в тыловых районах действующей армии.

Это не помешало уполномоченному, как всегда в таких случаях, ТАСС в ответ на меморандум Лиги Наций от 14 декабря 1939 года об исключении СССР из ее состава заявить следующее: «...Отношения между Советским Союзом и Финляндией урегулированы Договором о взаимопомощи и дружбе от 2 декабря с.г. между народным правительством Финляндии и правительством СССР. Этим договором полностью обеспечены мирные отношения между СССР и Финляндией и дружественным образом разрешены к удовлетворению обеих сторон...»².

После этого правительство Куусинена могло сколько угодно клясться в своих намерениях опираться в своей политике на широкий трудовой народный фронт, но было ясно, что это правительство может реально опереться только на советские штыки, пушки, танки и самолеты.

¹ «Times» 3 dec. 1939.

² «Правда», 16 декабря 1939 г.

Советским руководством были в начале второй декады декабря разработаны «Практические меры по созданию Народного фронта на территории Финляндии». В «освобожденных» от власти «белых» местностях следовало:

«1. Распространять декларацию Народного правительства, договор, заключенный между Финляндией (правительством Куусинена. — Авт.) и СССР, газету «Кансан валта» («Народная власть»), обращение ЦК компартии Финляндии и другие коммунистические издания.

2. Выяснить настроения и острейшие нужды местного населения. В первую очередь рабочих и крестьян. Если белым удалось внушить части трудового народа такое предубеждение, что виновниками его страданий являются коммунисты или Советский Союз и Красная Армия, то надо немедленно принять особые энергичные меры (развернуть работу пропагандистов, распространять особые листовки, составленные с учетом условий данной местности и т.д.) для того, чтобы как устными, так и печатными средствами пропаганды убедительно показать лживость демагогии белых.

В теснейшей связи с мероприятиями Народного правительства, уполномоченных по снабжению и других административных органов необходимо развернуть практическую работу по оказанию на первых порах помощи трудовому населению, находящемуся в наиболее тяжелом положении, поскольку нельзя забывать, что широкие массы трудового населения будут создавать свое мнение

о новой правительственной власти прежде всего на основе того, как ее представители и вообще коммунисты с самого начала на деле заботятся об интересах трудового народа»¹.

Далее следовало провести мероприятия по организации местного «Трудового народного фронта», целью создания которого было:

1. Положить начало организованному массовому движению разных слоев трудового народа на основе программы Народного правительства.

2. Выявить и выдвинуть активистов, пользующихся массовым влиянием и способных содействовать дальнейшему развитию движения Народного Фронта.

3. Добиться образования влиятельного и работоспособного комитета единого фронта, поддерживающего Народное правительство, из представителей разных групп, организаций и слоев трудового народа.

Собрание Народного Фронта должно определить свою позицию в первую очередь по следующим вопросам:

а) осуждение бывшего режима и затеянной им войны;
б) одобрение образования Народного правительства и его программы;

в) целесообразность создания совместного фронта всех слоев трудового народа;

г) какие наиболее неотложные меры необходимо в данной местности предпринять со стороны комитета Народного фронта, местных органов управления и самого населения.

¹ Мельтюхов М. Правители без подданных // Родина, 1995, № 12. С. 62.

Любопытны функции, которые собирались придать комитетам Народного Фронта их советские хозяева: *«Комитеты Народного Фронта содействуют местным властям и органам коммунального самоуправления или же заменяют их, если в данной местности нет таких органов или же их надо устраивать, т.к. они находятся в руках врагов народа (без этого поиска нигде коммунисты не обходились. — П.А.). При этом комитеты Народного Фронта должны сосредоточить свою деятельность прежде всего на оказании помощи нуждающемуся населению, организации добровольной деятельности граждан для такой помощи (такую «помощь» в первые годы советской власти в деревне оказывали комбеды и ревкомы, а также продотряды. — П.А.), на первые необходимые работы по устранению вызванных войной разрушений и на содействии выдачи властям опасных для общества врагов народа»*. Впоследствии они должны были выполнять роль *«передаточных ремней между Народным правительством и широкими массами трудового народа»*¹.

Приведенные выше документы ясно говорят о том, как началось бы строительство новой власти на территории Финляндии в случае ее оккупации. «Народное» правительство ФДР — горстка эмигрантов, не знавших своего народа, — хотело оно этого или нет, объективно вело дело к присоединению Финляндии к СССР. И как бы ни утверждал видный деятель компартии Финляндии В. Песси, что это *«является грубейшей ложью... Единственной целью нашей партии тогда было сменить правительство, придерживавшееся авантюри-*

¹ Мельтюхов М. Указ. соч. С. 62—63.

стической военной политики, таким правительством, которое действительно желало бы установить прочные мирные отношения с Советским Союзом, базирующиеся на взаимном доверии»¹, другого выхода в случае прихода к власти «Народного» или «Народнофронтового» правительства не было бы. Запуганный Сталиным Коминтерн приказал бы финским товарищам присоединиться к СССР, и те в силу партийной дисциплины не посмели бы отказаться. А с некоммунистическими «попутчиками» Народного Фронта произошло бы то же самое, что в Польше в 1944—1947 годах, а в Чехословакии в 1945—1948-м, где при помощи НКВД-МГБ новые органы госбезопасности подавили оппозицию.

Любопытно, как собирался товарищ Вилле Песси сменить законное правительство Финляндии, значительную часть которого составляли социал-демократы, а возглавлял его один из представителей этой партии — В. Таннер.

Народ Финляндии еще в 1918 году показал, что он в большинстве своем не приемлет коммунистических идей. Следовательно, у финских коммунистов оставался лишь один путь к власти — в обзоре Красной Армии. Свидетельство тому приветствие, посланное Куусиненом от имени «Народного» правительства Наркомату обороны СССР К.Е. Ворошилову в связи с 22-й годовщиной РККА, где он выражал уверенность в том, что *«Великий Советский Союз обеспечит независимость нашей родины (родина — с маленькой буквы — так в тексте документа. — Авт.) от всех империалистических акул и тем самым обеспечит и свободную мирную жизнь нашего народа. С помощью славной Красной Армии и Во-*

¹ Песси В. Избранные статьи и речи. М., 1978.

енно-Морского Флота СССР наш народ скоро добьется своего полного освобождения от варварского ига плутократической шайки Маннергейма-Рюти-Таннера — преступных провокаторов войны, подкупленных иностранными империалистами»¹.

И действительно, финские коммунисты могли прийти к власти лишь в том случае, если Красная Армия вступила бы не только в Выборг, но и в Хельсинки, Тампере и другие крупные города. А Красная Армия если куда-то приходила, то покидала места своей дислокации за рубежом крайне неохотно. Так что политика КПФ объективно способствовала советской оккупации страны, как бы это ни отрицали В. Песси и О. Куусинен.

Разумеется, финские коммунисты были бы использованы в том случае, если бы соединения Северо-Западного фронта смогли после прорыва «линии Маннергейма» стремительно двинуться в глубину финской территории, однако в реальности 7-я и 13-я армии продвигались весьма медленно ввиду сильного сопротивления противника.

Поэтому в условиях, когда начались мирные переговоры между советскими и шведскими, а затем и финскими представителями, руководство СССР вынуждено было пойти на уступки финской стороне и ликвидировать за ненадобностью марионеточное «Народное» правительство ФДР.

Как и каждому государству, тем более социалистическому, Финляндской демократической республике требовалась армия, и она появилась в первый же день: в заявлении «Правды» от 2 декабря говорится, что во-

¹ Мельтюхов М. Указ. соч. С. 63.

енным министром в правительстве был назначен Аксель Анттила. Казалось бы, министром назначен настоящий финн. Однако к тому времени Аксель Анттила был командиром Красной Армии и командовал ее 106-м особым стрелковым корпусом. За его плечами были боевые действия в Карелии против восставших крестьян в 1921—1922 гг. и война в Испании, на которую он уехал майором.

Согласно советской пропаганде Аксель Анттила стал командующим армией из солдат, восставших против «кровавой клики Маннергейма—Таннера», однако в действительности Финская народная армия начала формироваться задолго до выстрелов у Майнила, послуживших поводом для советского вторжения.

Согласно приказу Наркома обороны от 25 октября 1939 года была сформирована 106-я стрелковая дивизия, которая незадолго до начала войны была переформирована в корпус с той же нумерацией. Обратим внимание на то, что к тому времени в Красной Армии стрелковые корпуса носили нумерацию до 56-го. Его командиром и был назначен Анттила.

Первоначально корпус, вернее его штаб, находился в пригородах Ленинграда, где началось его комплектование финнами и карелами, живущими в Карелии. 27 ноября 1939 года, т.е. в день сообщения советского правительства о «белофинской провокации», в Майнила пришла директива штаба Ленинградского ВО о переброске в район г. Пушкин. К этому моменту корпус имел в своем составе 4 стрелковых, артиллерийский и танковый полки, для перевозки которых потребовались 978 вагонов. 10—12 декабря части корпуса совершили передислокацию в район Териоки, где находилось в тот момент правительство ФДР. Чуть

раньше, 8 декабря, 1-й горно-стрелковый полк убыл на север «для выполнения особого задания правительства». Он был направлен в район Петсамо (ныне — Печенга Мурманской обл.), который в начале декабря заняли части 14-й армии. К этому времени корпус насчитывал около 13 500 человек, к 18 декабря он достиг 18 000, подавляющее большинство бойцов и командиров составляли карелы и финны¹.

Однако этого было явно недостаточно для создания полнокровного корпуса. В связи с этим Куусинен, Анттила и бывший тогда членом Военного Совета Северо-Западного фронта Жданов отправили в Москву следующую телеграмму: *«Сталину, Ворошилову. Для пополнения финской народной армии просим разрешить провести досрочный призыв граждан карел и финнов в Карелии, Ингерманландии и Калининской области, подлежащих призыву осенью 1940 года. Кроме того разрешить произвести в Карелии и Ингерманландии призыв карелов и финнов 1899 года рождения и частичный призыв граждан, находящихся на спецучете.*

Кроме уже утвержденного Наркомом первого стрелкового корпуса в составе двух дивизий на Карельском перешейке просим утвердить с учетом дополнительного призыва:

а) формирование на участке 8-й армии в районе Суоярви одной стрелковой дивизии;

б) на участке 9-й армии в районе Ухта отдельного стрелкового полка;

в) на участке Петсамо-Торнио (14-й армии. — П.А.) пограничной дивизии»².

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 9, Д. 4. Л. 43.

² Там же. Д. 1. Л. 25.

В январе 1940 года подразделения 5-го и 6-го полков впервые участвовали в частных операциях на участке 8-й армии. Командир 3-й дивизии, в которую они входили, отмечал, что противник в этих столкновениях понес большие потери, а подразделения, участвовавшие в боях, продемонстрировали высокую боеспособность. Однако в боях 28—29 января, когда в бой за остров Лункулан-Саари был брошен батальон 6-го полка, народоармейцы бежали с поля боя при первой же контратаке своих сородичей. Нечто подобное происходило с отдельным батальоном ФНА, действовавшим на фронте 9-й армии: *«2 февраля батальон занимал перекресток дорог у д. Лендеры; в столкновении с белофиннами батальон потерял 11 чел. убитыми, 14 ранеными и 32 обмороженными. Противник оставил на поле боя 3 убитых. 13 февраля разведывательный дозор, высланный в направлении на Кухмониemi, был уничтожен засадой противника, который потерь не имел»*¹.

После этого Анттила, заручившись поддержкой Ворошилова, отдал приказ: «По имеющимся у меня сведениям со стороны командования соединений Красной Армии были попытки использовать части ФНА для решения частных боевых задач. Напоминаю, что части ФНА могут быть использованы **ТОЛЬКО ПО ЛИЧНЫМ УКАЗАНИЯМ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ**».

С 1 февраля 1940 года командованию частей и соединений ФНА было разрешено: *«Если в вашем распоряжении не окажется националов (карелов и финнов. — А.П.), то можно комплектовать и русскими»*. Впрочем,

¹ РГВА. Указ. соч. Л. 73.

фактически это началось еще в первых числах января, особенно много славян и представителей других народностей необъятного Советского Союза было в танковых и артиллерийских подразделениях, впрочем, и в списках стрелков встречаются «чисто финские» фамилии вроде Тажибаев, Полянский и Устименко. Поэтому 4 января 1940 года частям и соединениям корпуса был отдан следующий приказ: *«В части корпуса поступает пополнение самых разных национальностей. Этим могут воспользоваться в целях антисоветской пропаганды враги Советского Союза и Финляндской демократической республики. В целях конспирации приказываю: в частях, имеющих наибольшую прослойку бойцов и командиров нефинской национальности, присвоить бойцам и командирам финские фамилии».*

Первым выполнили приказ начальник штаба корпуса комбриг Романов, ставший до середины апреля Райкасом, и начальник политотдела Терешкин (Тервонен).

Впрочем, «национальные проблемы» в корпусе начались задолго до этого. Активное комплектование корпуса привело к тому, что в 1-м стрелковом полку 1-й стрелковой дивизии из 2500 человек карелы и финны составляли примерно 75%, во втором стрелковом — около 60%, а в артиллерийском полку — чуть больше половины. Заметим, что это происходило в первой дивизии, которая по планам советского политического руководства должна была первой войти в освобожденные Красной Армией Выборг и Хельсинки и продемонстрировать, что Финляндию от ига клики Маннергейма—Рюти—Таннера освободили финские трудящиеся. Впрочем, трудности возникали не только с наличием финнов и карелов, но и со знанием фин-

ского языка, поскольку большинство бойцов и командиров знали его плоховато. Так, командир 1-го полка, незадолго до этого вернувшийся из заключения, майор Аланнэ отдал 20 декабря приказ: *«Всем командирам подразделений выделить преподавателей финского языка, хорошо знающих русский и финский языки; организовать в подразделениях в вечернее время двухчасовые занятия по изучению финского языка, обратив внимание на команды, опросную и разговорную речь. С 21 декабря все команды подавать только на финском языке».*

Разумеется, за один день языку не научился никто, что вызвало новый приказ, выпущенный через день: *«Несмотря на мой приказ о подаче команд на финском языке во всех подразделениях полка, командный состав этот приказ не выполняет. Категорически требую выполнения моего приказа и напоминаю, что за невыполнение приказов виновные будут подвергаться дисциплинарным взысканиям. Командный состав, не знающий финского языка, обязан иметь на руках выписки строевых команд и ими руководствоваться»¹.*

Ненамного лучше обстояло дело с обучением языку освобождаемой страны и в других частях корпуса. В связи с этим начальник штаба корпуса, уже упоминавшийся комбриг Райкас (он же Ф.Н. Романов) отдал приказание: *«Из доклада учителя финского языка явствует, что посещаемость занятий по изучению финского языка командным составом управления корпуса весьма низкая. Из 25 человек, изучающих язык, на занятиях зачастую присутствуют 3—4. Напоминаю, что изучение финского языка — не добровольное дело, а служба, и посещение занятий является обязательным для тех лиц,*

¹ РГВА. Ф. 31929, Оп. 1, Д. 4. Л. 43, 47.

кои не знают языка. Строго предупреждаю всех, что в дальнейшем на лиц, отсутствующих на занятиях без уважительных причин, буду накладывать дисциплинарные взыскания вплоть до ареста. Занятия вести ежедневно по 2 часа для группы»¹.

Однако армия создается не для изучения языков, а для боевых действий. Правда, марионеточная, которая предназначается исключительно для парадов и устрашения населения завоеванной страны.

Лишь 21 февраля 1940 года, через 10 дней после прорыва Красной Армией «линии Маннергейма», две дивизии ФНА, расположенные на Карельском перешейке, начали выдвижение к новой линии фронта. 26 февраля один из полков получил почетную и важную боевую задачу: «Произвести очистку полуострова Койвисто от возможных белофинских банд».

В первые дни марта соединения 7-й армии вышли на ближние подступы к Выборгу. По мнению советского командования, главный город Карельского перешейка мог быть занят в течение ближайших суток. В этой ситуации командующий Северо-Западным фронтом С.К. Тимошенко отдал приказ о запрещении участия полков и батальонов корпуса в активных боевых действиях, приберегая их для момента торжественного вступления в Выборг. 2 марта Анттила отдал распоряжение о подготовке для этого стрелкового полка. Правда, днем раньше подразделениям 2-й дивизии пришлось принять участие в бою: следовавшие по дороге танкисты 1-й танковой бригады приняли народоармейцев за противника и открыли огонь. Последние быстро ретировались, и поэтому потери ограничились

¹ РГВА. Указ. соч. Ф. 31921, Оп. 1, Д. 24. Л. 17.

тремя ранеными. Однако сражение за взятие Выборга затянулось, и 4 марта командующий Северо-Западным фронтом отдал, наконец, приказ о совместных действиях лыжного батальона 1-й дивизии с 43-й дивизией 7-й армии, которая вела упорные бои за овладение островом Сунион-саари, но уже на следующий день он был отменен.

9 марта корпусу было поручено еще одно ответственное задание: *«Сбор трофейного имущества, оставленного белофиннами при отступлении, а также организация охраны народнохозяйственных объектов»*¹.

Фактически в февральско-мартовских боях на Карельском перешейке приняли участие только дивизион 1-го артиллерийского полка и полковая батарея 2-го стрелкового полка, оказывавшие с 6 по 13 марта огневую поддержку частям 43-й дивизии. За это время они уничтожили несколько огневых точек и 2 танка противника, потеряв при этом 2 человека убитыми и 9 ранеными. Действия 5-го и 6-го стрелковых полков, входивших в состав 8-й армии, ограничились несколькими разведывательными поисками.

Кроме того, в январе-феврале была сформирована 4-я (пограничная) дивизия, охранявшая границу с Норвегией, началось также формирование 5-й. Документов самой дивизии в архиве, правда, не имеется, видимо, ее управление существовало очень короткое время, но в материалах штаба корпуса и других дивизий имеются сведения об откомандировании личного состава для организации нового соединения.

Вскоре после заключения договора о перемирии было упразднено за ненадобностью правительство

¹ РГВА. Указ. соч. Д. 24. Л. 17

Финляндской Демократической Республики. Вслед за этим началось расформирование ФНА, руководил которым начальник штаба корпуса, с начала апреля вновь подписывавшийся своей настоящей фамилией. Большинство соединений корпуса прекратили свое существование в мае 1940 года, а его штаб существовал до начала июня, когда он, поменяв вывеску, стал называться управлением 71-й Особой стрелковой дивизии, сформированной из финнов и карелов призывного возраста. Ее командиром был назначен все тот же Аксель Анттила, получивший звание генерал-майора.

Впрочем, еще одна небольшая деталь: с момента окончания боевых действий и до своего расформирования части корпуса на Карельском перешейке, в Средней и Приладожской Карелии занимались сбором и захоронением трупов погибших советских и финских солдат. Несостоявшиеся могильщики финской буржуазии стали обыкновенными кладбищенскими служащими.

Глава 12

ЦЕНА ПОБЕДЫ

А значит, нам нужна одна победа,
одна на всех, мы за ценой не постоим.

Б. ОКУДЖАВА

Всякая война, как гласит пословица, заканчивается тогда, когда хоронят последнего солдата, убитого на ней. Увы, если оценивать советско-финляндскую войну (впрочем, как и многие другие) по этому критерию, то до ее завершения еще далеко.

Точная цифра потерь пока неизвестна, и нельзя сказать, когда она будет названа. Это значит, что всякие разночтения будут использоваться всеми, в том числе и безответственными политиками, которым лень помыть сапоги в ближайшем ручейке и поэтому хочется сделать это в каком-нибудь море-океане. Сколько крови прольется ради этого мытья, им глубоко безразлично, точно так же, как слезы матерей и жен, как и загубленные громадные средства, на которые можно было построить дома или накормить миллионы людей.

Так было, так есть и так будет, если мы будем позволять врать даже о том, что давно минуло. Генералы, конечно же, не заинтересованы в том, чтобы народ знал правду о громадных потерях войн прошлого: они боятся, что мы поймем, что воевать они, за редким исключением, умеют плохо, зато хорошо умеют обеспечивать себя.

Правда, один русский генерал недавно высказал мысль, которая мне очень близка: *«Патриотизм исследователя неотделим от научной объективности, искажение истории, какими благими намерениями оно бы ни прикрывалось, не принесет пользы Отечеству»*.

Жаль только, что таких генералов у нас мало и с ними, точно так же, как и с историческим опытом, не считаются, когда принимают безответственные решения. Между тем игра с цифрами потерь, особенно в личном составе, началась уже вскоре после окончания войны. 29 марта 1940 года на 6-й сессии Верховного Совета СССР было сообщено, что количество убитых и умерших от ран советских воинов составило 48 745 человек, количество раненых и обмороженных — 158 863 человека¹. Тогда же было заявлено, что только

¹ «Правда», 30 марта 1940 г.

безвозвратные потери финской армии достигли 70 тыс. человек убитыми и 15 тыс. умершими от ран¹. Эти цифры повторил в 1960 году в своей книге «Войны и народонаселение Европы» Б.Ц. Урланис. После этого в течение длительного времени вопрос о потерях в советско-финляндской войне не обсуждался.

Только в 1990 г. М.И. Семиряга сообщил о том, что Красная Армия потеряла на полях сражений более 53 522 человек убитыми, 16 208 пропавшими без вести и 176 тыс. ранеными и обмороженными². В том же году А.М. Носков в своей статье сообщил о новой цифре потерь, существенно отличавшейся от предыдущих: более 72 408 убитых и умерших от ран, 17 520 пропавших без вести и около 200 тыс. раненых, контуженых и обмороженных³.

Однако и эти цифры, взятые из доклада Административно-Мобилизационного Управления Генерального штаба Красной Армии, составленного в июле, вряд ли могут считаться верными: Генштаб тогда возглавлял генерал армии К.А. Мерецков, один из виновников развязывания войны против Финляндии и больших потерь в ходе ее. Сомнительно, чтобы он был заинтересован в оглашении действительных размеров урона, понесенного армией и народом в ходе боев с маленькой соседней страной.

Впрочем, не следует обвинять в умышленном занижении цифр потерь личного состава только тогдашнего начальника Генерального штаба, поскольку часто в Москву поступали сведения, заниженные армейскими штабами.

¹ «Известия», 6 июня 1940 г.

² Семиряга М.И. Указ. соч. С. 26.

³ Носков А. М. Северный узел // Военно-исторический журнал. 1990, № 7. С. 9.

Так, например, в итоговой ведомости потерь 15-й армии за период боевых действий, составленной по материалам штабов дивизий и бригад, значатся следующие цифры: 12 180 убитых, 22 871 раненый, 2909 пропавших без вести и 3061 заболевший и обмороженный¹. В примечании к таблице говорилось, что это сведения без учета потерь 18-й стрелковой дивизии и 5-го лыжного батальона. Потери эти с трудом поддавались учету, поскольку большая часть документов штаба 18-й стрелковой дивизии и ее полков и батальонов была уничтожена в окружении. Потери дивизии, по оценочным данным (разность между наличием бойцов и командиров на 30 ноября 1939 года и 15 марта 1940 года), составили в общей сложности 12 тыс. человек.

В Генеральный штаб была выслана ведомость, в которой общая численность потерь была занижена: 10 275 убитых, 22 319 раненых, 2736 пропавших без вести и 2661 заболевший². Таким образом, данные о потерях личного состава занижены по сравнению с реальными более чем на треть.

Точно такая же тенденция прослеживается и в штабе 9-й армии, большинство соединений которой оказывалось в окружении, а кроме того, большие потери были понесены при попытках наспех сформированных лыжных групп деблокировать 54-ю горно-стрелковую дивизию: данные о потерях занижены на 35%³.

Поэтому в силу перечисленных выше причин к сведениям о потерях Генерального штаба Красной Армии следует относиться критически, хотя стоит отметить, что штабы дивизий в большинстве своем редко

¹ РГВА. Ф 34980, Оп. 8, Д. 29. Л. 93.

² Там же. Д. 108. Л. 188—189.

³ Там же. Оп. 5, Д. 429. Л. 137, 182.

занижали размеры понесенных потерь, поскольку их командование было заинтересовано в скорейшем их восполнении. Впрочем, учет потерь был затруднен тем, что очень многие штабы полков и дивизий были укомплектованы в значительной части командирами запаса, которые не имели опыта штабной работы и нередко запутывали документацию. Часто случалось и так, что бойцы и командиры не имели так называемых «смертных медальонов» и те, кто собирал трупы на полях сражений, были в недоумении, из какой части убитый или замерзший.

В связи с этим огромную ценность приобретают находящиеся на хранении в Российском Государственном Военном Архиве «Книги учета безвозвратных потерь Рабоче-Крестьянской Красной Армии в войне с белофиннами». Фактически они представляют собой алфавитные списки погибших, умерших от ран и пропавших без вести. Их изучение и анализ приводят к выводам о том, что в действительности безвозвратные потери Красной Армии значительно превысили цифры, опубликованные ранее.

Автор данной статьи вел свои подсчеты самым простым способом: было зафиксировано количество фамилий на каждой странице каждой книги (количество это колеблется в разных книгах от 16 до 19), и затем путем умножения устанавливалось количество зарегистрированных в данной книге.

Результат подсчетов — 131 476 человек убитыми, пропавшими без вести и умершими от ран¹. В основном этими книгами, а также картотекой, составленной

¹ РГВА. Указ. соч. Оп. 15, Д. 201—219.

на их основе, пользовались при написании главы о потерях личного состава в период советско-финляндской войны сотрудники авторского коллектива книги «Гриф секретности снят». Однако ценность их работы снижает то, что основным их инструментом при работе была... линейка. Как правило, почтенные полковники Генерального штаба измеряли толщину книги или длину картотечного ящика, высчитывали, сколько страниц в книге или карточек в ящике, и после этого рассчитывали общее количество. Их версия общей численности безвозвратных потерь — 126 875 человек¹, что не слишком отличается от результата, полученного автором данной статьи.

Однако не стоит винить в таком способе подсчетов только сотрудников Генерального штаба: в 30-е годы статистика, в том числе и демографическая, была уничтожена как одна из продажных девок империализма. С тех пор людей в нашей стране особенно не считают.

К сожалению, в книге имеется ряд досадных неточностей: например, на странице 113 указано, что 8-й армией командовал комдив И.Н. Хабаров, хотя еще 23 декабря 1939 года он был смещен с этого поста и на эту должность был назначен дважды Герой Советского Союза командарм 2-го ранга Г.М. Штерн. На 119-й странице командование 15-й армии обвиняется в неумелых действиях, в результате которых 18-я стрелковая дивизия и 34-я легкотанковая бригада попали в окружение, хотя оба этих соединения оказались во вражеском кольце, находясь еще в составе 8-й армии.

¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и вооруженных конфликтах. Статистическое исследование под редакцией Г.Ф. Кривошеева. М., 1993.

Часто архивные ссылки не соответствуют действительности. Однако вряд ли можно считать данные книг учета потерь окончательными. В них нет, например, расстрелянного перед строем командования 44-й дивизии и 662-го полка. Неполноту книг учета потерь подтверждает и опыт справочной работы Российского Государственного Военного Архива: в последнее время усилился поток писем с просьбами установить судьбу или место захоронения родственников, ушедших и не вернувшихся с «незнаменитой», но очень кровавой войны. Нередко случается так, что в книгах и картотеке не находится ответа на поставленные вопросы. Тогда приходится просить указать номера войсковых частей. Отнюдь не всегда списки безвозвратных потерь личного состава сохранились в документах полков и бригад. Но даже выборочная проверка установила: *примерно 20—25% людей, значащихся в списках погибших частей, отсутствуют в книгах и картотеке.*

Таким образом, безвозвратные потери Красной Армии в советско-финляндской войне можно оценить примерно в 150 тысяч человек. Следует отметить, что еще не подсчитаны потери пограничных и внутренних войск и Военно-Морского Флота. Многие из тех, кто значился «пропавшим без вести», после войны вернулись в Советский Союз: после окончания войны около 6 тыс. военнослужащих Красной Армии было возвращено финской стороной из лагерей для военнопленных. В основном это были бойцы и командиры из попавших в окружение дивизий 8-й и 9-й армий.

Определить же количество раненых также крайне трудно, т.к. и их учет не отличался особенной аккуратностью, а приводить оценочные приблизительные данные, когда речь идет о сотнях тысяч людей (как

правило, соотношение убитых и раненых составляет 1:3 — 1:2,5, хотя в отдельных дивизиях оно могло изменяться от 1:1,7 до 1:4,5), по моему мнению, не совсем корректно.

Крайне необходим также кропотливый поиск умерших от ран в госпиталях, расположенных вне тыловых границ Северо-Западного фронта.

Говоря о потерях, нельзя не сказать и о количестве уничтоженной и поврежденной боевой техники. Сначала о танках, чья броня была крепка, а гусеницы быстры. «БТ-7», которые неплохо зарекомендовали себя летом 1939 года в степях Монголии и которые так любит господин Суворов-Резун, безнадежно увязали в глубоком снегу, садились на брюхо и становились мишенью для неприятельской артиллерии. Точно так же увязали в снегу и танки непосредственной поддержки пехоты «Т-26»: их двигатель был слишком слаб, а танкетки-амфибии «Т-37» и «Т-38», вооруженные лишь одним пулеметом, в первые дни боев стали не более чем мишенями, поэтому со второй половины декабря их старались использовать в основном для охраны коммуникаций и доставки донесений. Только «Т-28» и новейшие «КВ» наводили ужас на врага. Подавляющее большинство танков действовало на направлении главного удара — на Карельском перешейке. По данным управления автобронетанковых войск Северо-Западного фронта, 7 танковых бригад и многочисленные танковые батальоны за период войны недосчитались 358 танков, сожженных артиллерийским огнем, подорвавшихся на минах и попавших в «волчьи ямы», еще 1545 были подбиты, наконец, 1275 вышли из строя по техническим причинам¹, т.е. ввиду изношен-

¹ РГВА. Коллекция. Оп. 1, Д. 1431.

ности материальной части и плохой подготовки механиков-водителей.

Значительные потери понесли и танковые части 15-й армии, правда, основную долю составили боевые машины тех подразделений, которые стараниями ретивого командования 8-й армии попали в окружение и затем, переданные в 15-ю, были уничтожены противником или самими танкистами во избежание захвата финнами. 34-я танковая бригада, 218-й химический танковый батальон, оснащенный огнемётными «ХТ-26», вместе с другими бронечастями потеряли 244 танка, 30 танкеток и 28 бронемашин, причем большую часть этих потерь следует считать безвозвратными¹. При этом в таблице не были учтены потери полностью уничтоженных танкового и разведывательно-го батальонов 18-й дивизии, которые насчитывали к началу войны около 90 танков, танкеток и бронемашин.

Несколько меньшими были потери в танковых частях 8, 9 и 14-й армий, впрочем, там и танков было гораздо меньше. Серьезно пострадали танковые батальоны 139, 75, 122 и 163-й стрелковых дивизий, а 312-й танковый батальон 44-й дивизии был почти полностью уничтожен в боях в начале января 1940 года. По моим подсчетам, всего было потеряно около 350 танков, из которых более 100 — безвозвратно.

Таким образом, автобронетанковые войска Красной Армии потеряли в боях с противником 650 танков, около 1800 было подбито, а более 1500 вышли из строя по техническим причинам. Следовательно, большин-

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 8, Д. 29. Л. 93.

ство танков, действовавших на фронте, перенесли не один ремонт в полевых или заводских условиях.

В небе над Суоми погибло немало «сталинских соколов». А.М. Носков в своей статье называл цифру — 422 самолета¹, но результаты подсчетов, проведенных мною по документам 48 авиационных полков, участвовавших в боевых действиях, значительно превышают данные, опубликованные ранее: 236 самолетов были сбиты зенитной артиллерией и авиацией противника, 86 пропали без вести, 124 требовали серьезного ремонта и еще 181 вышел из строя по техническим причинам — всего 627 боевых машин². При этом стоит отметить, что документы 5 полков, 4 из которых принимали участие в войне с первого ее дня, не сохранились, неизвестны также потери отдельных эскадрилий и точные данные о потерях авиации Балтийского и Северного флотов.

До сих пор неизвестна и точная цифра потерь артиллерии. Разумеется, артиллеристы не несли таких потерь в материальной части, как летчики или танкисты, поскольку их превосходство в огневой мощи было нередко более чем десятикратным, но при окружении 163-й стрелковой дивизии была потеряна материальная часть полковой артиллерии (артиллерийский полк за исключением одного дивизиона оказался вне кольца). При разгроме 44-й стрелковой дивизии была оставлена или уничтожена и полковая артиллерия, и легкий артиллерийский полк, почти полностью были уничтожены или попали к противнику орудия 3-го легкого, 12-го гаубичного артиллерийских полков и

¹ Носков А.М. Указ. соч. С. 9.

² См. Приложение № 3 в конце книги — ведомость потерь авиационных полков ВВС РККА.

18-й стрелковой дивизии. Значительными были потери в 86-м артиллерийском полку и 54-й горно-стрелковой дивизии.

В целом можно говорить о значительном пополнении и обновлении парка финских орудий именно за счет трофеев: финны захватили тридцать две 76-мм пушки образца 1902/30 года, 37 пушек того же калибра образца 1936 года, 46 полковых 76-мм пушек, 4 горные пушки, тридцать пять 122-мм и четырнадцать 152-мм гаубиц¹.

Арифметика соотношения потерь личного состава в этой войне оказалась страшной: **ДАЖЕ ЕСЛИ ИСХОДИТЬ ИЗ ТОГО, ЧТО БЕЗВОЗВРАТНЫЕ ПОТЕРИ КРАСНОЙ АРМИИ СОСТАВИЛИ 130 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК, ТО НА КАЖДОГО УБИТОГО ФИНСКОГО СОЛДАТА И ОФИЦЕРА ПРИХОДИТСЯ ПЯТЕРО УБИТЫХ И ЗАМЕРЗШИХ НАШИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ.**

Таким образом, каждый день войны обходился стране в 1200 человек убитыми, 6 сбитых самолетов и 23 подбитых и сожженных танка.

В чем же причина громадных и неоправданных потерь?

Наверное, в первую очередь — в войне против собственного народа и армии в том числе, развязанной Сталиным и его окружением. Тяжелейший урон, нане-

¹ Paulaharju J. Itsenaisen suomen kenttatykit 1918—1995 Yels. 1996, P. 29.

сенный командованию армии и флота, был невосполним. На место опытных командиров дивизий и корпусов, командующих округами встали вчерашние капитаны и майоры.

Командиры 32 из 52 дивизий за два года до советско-финляндской войны командовали батальонами, лишь пятеро из них командовали соединениями более года. Что это означало? То, что они в большинстве своем не могли организовать бой своих соединений, особенно в тяжелых природно-климатических условиях. Поднявшись по служебной лестнице на несколько ступеней, вчерашние ротные и батальонные командиры просто не могли за такой короткий срок пополнить свои военные знания и продолжали руководить дивизией и корпусом так же, как и ротой. Помимо этого надо всеми висел дамоклов меч репрессий, готовый обрушиться в любую минуту на не выполнившего распоряжения Величайшего и Мудрейшего.

Как результат этого — многочисленные атаки в лоб на укрепленные позиции противника на Карельском перешейке, в Карелии и Заполярье.

Слабой была и подготовка многих бойцов. До 1938 года Красная Армия комплектовалась на смешанной основе: часть призывников зачислялась на действительную службу, а другие время от времени проходили месячные сборы, забывая то, чему научились. В результате, по свидетельствам многих командиров дивизий, значительное количество пехотинцев не умело даже стрелять из винтовки и окапываться, метать гранату и маскировать окоп. О лыжах и говорить не приходится: во многих дивизиях к началу войны их попросту не было, в других они были настолько плохого качества,

что использовать их не представлялось возможным. Вследствие этого многие советские соединения не могли действовать вне дорог и вытягивались гигантской гусеницей, становясь идеальной мишенью для финских стрелков и автоматчиков.

К слабой боевой подготовке прибавились и недостатки в снабжении: к началу войны в войсках не хватало не только лыж, но и теплого обмундирования, маскировочных халатов, грелок, санитарных машин.

Особенно это проявилось в дивизиях, переброшенных на фронт с Украины и Белоруссии. Некоторые из них (44, 139, 155-я) встретили 30-градусные морозы в шинелях и брезентовых сапогах. Валенки в 44-ю завезли только после того, как остатки ее стрелковых полков вышли из окружения. А миноискатели появились у саперов только в январе, тогда же додумались и до лыжных установок для пулеметов и легких пушек.

Как можно готовиться таким образом к зимней войне? Военный корреспондент одной из шведских газет сообщал: *«Русские даже на лыжах ходят в длинных пальто, иногда прикрытых белыми накидками»*. Он не издевался, он просто не понимал, как можно бегать на лыжах в шинелях. А советское военное руководство не понимало, что на лыжах удобнее ходить в куртках.

Впрочем, все это звенья одной цепи: отношение советского руководства к людям всегда было, в лучшем случае, как к «личному составу», а в худшем — как к пушечному мясу. Как сказал знаменитый поэт революции Владимир Маяковский: *«Телами рвы заполняли вы»*. А печально знаменитый лубок русско-японской войны *«Шапками закидаем»* сменился на *«Танками закидаем»*. Поэтому и лежат в лесах Карелии незахоро-

ненные останки наших соотечественников рядом с заржавевшими остовами «БТ» и «Т-26».

Что же приобрел Советский Союз такой страшной ценой? Согласно Московскому договору от 12 марта 1940 года в его состав вошли территории на Карельском перешейке с городами Выборг и Кексгольм, часть Южной и Средней Карелии, район Куоляярви в Заполярье, несколько островов в Финском заливе и право на создание военно-морской базы на полуострове Ханко.

Однако территориальные приобретения обернулись большими потерями: Советский Союз был исключен 14 декабря 1939 года из Лиги Наций как агрессор, попав в сомнительную компанию с Японией, Италией и Германией.

Финляндия из вероятного противника превратилась в обязательного, что и подтвердилось летом 1941 года, когда финская армия за полтора-два месяца заняла леса и поля, обильно политые кровью советских солдат.

**ПОБЕДУ, ДОСТИГНУТУЮ ТАКОЙ ЦЕНОЙ,
СЛЕДУЕТ С ПОЛНЫМ НА ТО ОСНОВАНИЕМ НА-
ЗВАТЬ ПИРРОВОЙ.**

Глава 13

ВСКОЛЫХНУВШИЙСЯ МИР

С первого дня войны газеты многих стран наполнились репортажами и фотографиями из Хельсинки и других городов, подвергнувшихся бомбардировкам советской авиации. А вскоре специальные корреспон-

денты французских, британских, американских и других газет появились в финских штабах на различных направлениях.

Трещина, разделившая мир после начала германской агрессии против Польши, продолжала расширяться, грозя превратиться в пропасть. Не желая расширения конфликта и пытаясь разрешить спор с СССР мирным путем, финское правительство через своего представителя в Лиге Наций Р. Холсти проинформировало Генерального секретаря Лиги Наций Аvenoля о начале боевых действий и просило о созыве Ассамблеи Лиги Наций с тем, чтобы остановить их развитие¹.

Однако к моменту обращения Финляндии в Лигу Наций СССР при содействии Коминтерна создал правительство так называемой Финляндской Демократической Республики, образованное якобы по соглашению ряда левых партий и восставших солдат. В первый же день своего существования, 1 декабря, правительство ФДР обратилось в Президиум ВС СССР с предложением об установлении дипломатических отношений между двумя странами. В тот же день Президиум ВС СССР принял с редкой оперативностью постановление о признании птенца из коминтерновского гнезда и об установлении дипломатических отношений².

Уже на следующий день Советский Союз заключил договор о дружбе и взаимопомощи с Финляндской демократической республикой³.

На обращение Генерального секретаря Лиги Наций Аvenoля Нарком иностранных дел Молотов с присущим ему апломбом ответил, что... наша страна не

¹ Семиряга М.И. Указ. соч. С. 32.

² «Правда», 2 декабря 1939 г.

³ «Правда», 3 декабря 1939 г.

воюет с Финляндией, все спорные вопросы урегулированы договором с ФДР, совместными усилиями ликвидируется очаг войны, созданный прежним правительством Финляндии, сложившим свои полномочия (отметим, что правительство Финляндии никаких заявлений об отставке не подавало). Если же Ассамблея Лиги Наций соберется для рассмотрения обращения Холсти, то советские представители не будут участвовать в заседаниях¹.

Несмотря на всю призрачность надежд на прекращение войны, законно избранное правительство Финляндии еще раз попыталось обратиться к Москве с просьбой о приостановлении боевых действий и заключении перемирия. На этот раз финны попытались пойти на контакт через нейтральную Швецию.

Однако на приеме, данном 3 декабря шведскому послу Винтеру, Молотов объяснил ему следующее: *«Советское правительство не признает так называемого «финляндского правительства» (кавычки оригинала. — П.А.) , уже покинувшего Хельсинки и направившегося в неизвестном направлении, а потому ни о каких переговорах с этим «правительством» не может теперь стоять вопрос. Советский Союз признает только правительство Финляндской Демократической Республики, которое заключило с ним договор о взаимопомощи и дружбе, и это является надежной основой мирных и благоприятных отношений между СССР и Финляндией...»*².

Таким образом, советское руководство, прикрываясь созданной собственными руками марионеткой, от-

¹ Семиряга М.И. Указ. соч. С. 33.

² «Правда», 4 декабря 1939 г.

вергло предложение мирового сообщества о мирном разрешении конфликта.

Через несколько дней Лига Наций обратилась к СССР с просьбой о прекращении авиационных бомбардировок мирных городов. Цинизмом своего ответа Молотов потряс даже выдавших виды дипломатов Лиги: *«Советская авиация не бомбит финские города, а сбрасывает на них мешки с хлебом для голодного населения этих городов»*¹. Это было вполне в стиле Молотова: можно назвать целую страну «уродливым детищем Версальского договора», смертоносные бомбы — «мешками с хлебом», а во время Варшавского восстания в августе — сентябре 1944-го отказать американцам и англичанам в посадочных площадках для самолетов, совершавших полеты для снабжения повстанцев.

Даже в фашистском блоке не было единодушия по отношению к этой войне: Венгрия в силу близости языков ограничено, но все же поддерживала своих «братьев» военными материалами и добровольцами, Италия оказывала довольно-таки активную помощь на протяжении всей войны, поставив финнам 32 истребителя, а итальянские газеты с присущей южному народу восторженностью и экспансивностью рассказывали о каждой, пусть даже маленькой победе финнов.

Разумеется, очень остро реагировали на события Швеция, Норвегия и Эстония, имевшие границу с Финляндией.

Единственной страной, поддержавшей Советский Союз, была фашистская Германия. Статс-секретарь Вейцзеккер в телеграмме, разосланной дипломатиче-

¹ «Правда», 6 декабря 1939 г.

ским германским миссиям, настоятельно рекомендовал: *«В беседах, касающихся финско-русского конфликта, пожалуйста, избегайте антирусского тона. В зависимости от того, с кем Вы беседуете, могут быть использованы следующие аргументы. Неизбежное развитие событий в сторону пересмотра договоров, заключенных после мировой войны. Естественная потребность России в укреплении безопасности Ленинграда и входа в Финский залив...»*¹. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты...

Тем временем латиноамериканские страны, которым, казалось, вовсе не должно быть дела до европейских событий, одна за другой решительно выступили против советского вторжения. Президент Колумбии Эдуард Сантос Монтехо заявил: *«Опасность от России связана с заразительностью жестокого и безумного политического учения»*².

Именно по инициативе Колумбии, Бразилии и ряда других стран 11 декабря была созвана Ассамблея Лиги Наций, которая образовала комитет по финляндскому вопросу. На следующий день его председатель Ж.Ц. де Матта обратился к правительствам воюющих стран с предложением о прекращении боевых действий и проведении мирных переговоров при посредничестве Ассамблеи. Финны приняли предложение сразу же, точно так же советское руководство отвергло его³.

14 декабря Совет Лиги Наций принял решение об исключении СССР из этой организации, осудил со-

¹ Советско-германские отношения. Сборник документов под ред. Ю. Фельштинского. Т. 2. Вильнюс, 1990. С. 31—32.

² «Dayley Mail» 4 dec. 1939.

³ Семиряга М.И. Указ. соч. С. 33.

ветскую агрессию против Финляндии и призвал оказать ей помощь всех членов международного сообщества¹.

В ответ на это всегда уполномоченный что-нибудь заявить ТАСС высказал советскую точку зрения по этому вопросу: *«Решение было принято под диктовку правящих кругов Франции и Англии, которые не имеют права говорить об агрессии... Следует далее отметить, что отношения между Советским Союзом и Финляндией урегулированы Договором о взаимопомощи и дружбе между Народным правительством Финляндской Демократической Республики и правительством СССР. Этим договором полностью обеспечены мирные отношения между СССР и Финляндией и дружественным образом разрешены к удовлетворению обеих сторон...»*

Лига Наций по милости нынешних ее режиссеров превратилась из кое-какого «инструмента мира», каким она могла быть, в действительный инструмент англо-французского блока по поддержке и разжиганию войны в Европе.

При такой бесславной эволюции становится вполне понятным решение об «исключении» СССР... Что же, тем хуже для Лиги Наций и ее подорванного авторитета. В конечном счете СССР может и здесь остаться в выигрыше. СССР теперь не связан с пактом Лиги Наций и будет отныне иметь свободные руки»².

Цинизм советского руководства поражает и в этом заявлении: «выдающиеся» и «гениальные» продолжатели дела Ленина утверждают, что не ведут войны про-

¹ Семиряга М.И. Указ. соч.

² «Правда», 16 декабря 1939 г.

тив Финляндии, когда советские бомбардировщики атакуют с воздуха финские города и поселки, сея смерть и разрушение, что все вопросы решены к обоюдному удовлетворению, когда финский народ стал на защиту своей Родины от порабощения. Наконец, они проговорились: СССР, не связанный пактом Лиги Наций, будет теперь иметь свободные руки (можно подумать, что он раньше не распускал их при каждом удобном поводе). Свободные от любых пут совести, разума и справедливости. Теперь можно крушить все на своем пути, презирая любые международные нормы, идти к светлой победе коммунизма на всем земном шаре, загоня несогласных железной рукой и уничтожая врагов. Финляндия была очередным этапом большого пути через Каховку на Варшаву и Либаву, на Париж и Стокгольм. Этот метафорический этап на пути к светлому будущему мог обернуться вполне конкретными этапами, по которым население Финляндии проследовало бы в восточном направлении в случае разгрома финской армии.

Незадолго до исключения СССР из Лиги Наций германский статс-секретарь послал графу Шуленбургу новую телеграмму, в которой указывалось: *«Обращение финского правительства в Лигу Наций — наименее подходящий способ разрешения кризиса... Следует сделать особое ударение на вине англичан в финско-русском конфликте. Германия не причастна к этим событиям. В ваших беседах должна высказываться симпатия относительно точки зрения русских. Пожалуйста, воздерживайтесь от выражения какой-либо симпатии в отношении финнов»*¹.

¹ Советско-германские отношения. Т.2. С. 33—34.

В общем, Советский Союз оказался в славной компании: ранее за агрессию против Китая из Лиги Наций была исключена Япония, затем за нападение на Абиссинию — Италия, наконец, нашей непосредственной предшественницей была Германия.

В целом ряде стран Северной и Западной Европы прошли демонстрации солидарности с Финляндией, призывавшие правительства к оказанию помощи обороняющимся. Однако в течение довольно длительного времени западные страны, находившиеся под впечатлением германского блицкрига в Польше, ожидали быстрого разгрома финской армии и оккупации СССР территории «северного соседа». Газеты были заполнены ложными сообщениями о применении отравляющих веществ авиацией и артиллерией Красной Армии (советская сторона не раз обвиняла в аналогичных действиях финнов, однако в действительности за ОВ принимали дымы, использовавшиеся при постановке дымовой завесы), бомбардировках мирных городов и госпиталей.

Взволнованная довольно глубоким проникновением соединений Красной Армии на территорию Финляндии в первые недели войны «Таймс» писала даже о приближающемся кризисе в стране¹.

Демонстрации на улицах европейских городов вскоре возымели результаты: начался сбор средств в поддержку оборонявшейся финской стороны. В начале декабря правительства Великобритании и Франции приняли решение об оказании помощи Финляндии. Ближе к концу декабря французы выступили с инициативой активизировать вмешательство союзников в

¹ «Times», 19 dec 1939.

события на севере Европы. Как отмечалось в меморандуме МИДа Франции, *«поощряя сопротивление финнов, мы не просто лишаем Россию успеха локального характера, но и мешаем России и Германии занять стратегические и экономические позиции, имеющие решающее значение с точки зрения будущего хода войны»*¹. Таким образом, речь шла отнюдь не о бескорыстной помощи, а о попытках использовать Финляндию как плацдарм для стратегического окружения Германии.

Французы 23 декабря сообщили финнам, что союзнический Совет обороны отдал распоряжение послать войска на помощь Финляндии, однако англичане были против немедленной отправки, и союзники вынуждены были объясняться перед маленькой страной, которой сначала неожиданно внушили надежду, а затем так же неожиданно лишили ее. Во многом такое различие во мнениях между Францией и Великобританией оставалось на всем протяжении войны². Нельзя, впрочем, забывать о таком немаловажном моменте, что советское высшее военное руководство в первые же дни войны своими грамотными действиями по захвату Петсамо — единственного финского порта на побережье Северного Ледовитого океана — значительно усложнило задачу для английских и французских стратегов.

Тем временем газетные сообщения стали более спокойными: финны остановили продвижение Красной Армии на Карельском перешейке на «линии Маннергейма», нанесли ей поражение в районе Толвоярви. От предсказаний, за сколько недель Советский Союз

¹ Коробочкин М. Опоздавшие // Родина, 1995, № 12. С. 107.

² Там же. С. 108.

оккупирует Финляндию, западные журналисты быстро перешли к рассказам об исключительных мужестве и храбрости финских солдат и офицеров.

Тем временем 22 декабря 1939 года Гитлер и Риббентроп поздравили Сталина с 60-летием, «тепло» и «искренне» желая ему доброго здоровья, а народам Советского Союза — счастливого будущего. Великий вождь трудящихся всего мира в ответных посланиях выразил признательность и уверенность в том, что *«дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть прочной»*¹. Такие слова и комментировать не стоит. И так все ясно.

Новогодний номер французской газеты «Матэн» вышел под шапкой «Героическая Финляндия в течение месяца сопротивляется советским ордам». В нем была опубликована переданная из Финляндии статья корреспондента Стефана Лозанна под названием «Большая армия? Нет, жалкое пушечное мясо». Автор, по его же словам, беседовал с пленными командирами и красноармейцами, которые якобы говорили иностранным журналистам о том, что в бой они идут исключительно из страха перед комиссарами, что сзади установлены пулеметы, стреляющие по возвращающимся на исходные позиции, рассказывают разные небылицы про обращение финнов с пленными. Заслуживает внимания рассказ летчика, который спрыгнул с парашютом со сбитого самолета, потерял унты и два километра пытался уйти босиком от финских солдат. Он же, по сообщению автора статьи, неделю не ел горячего. Можно, в общем-то, поверить, что солдаты и командиры окруженных противником частей неделю

¹ «Правда», 23 и 25 декабря 1939 г.

не видели походной кухни, хотя могли что-нибудь и в котелке сварить, но летчиков всегда кормили неплохо. *«Бедные, бедные глупцы, дошедшие до последней стадии оглупления»* — так закончил свою статью С. Лозанн¹. При всем интересе к сообщенным французским корреспондентом сведениям усомнимся, что красноармейцы столь открыто рассказывали ему о своих злоключениях, пулеметах в тылу и комиссарах, ведущих в бой под угрозой выстрела в спину. Даже учитывая невысокую популярность этой войны в советском народе (об этом мне рассказывали участник этой войны наш «бог диверсий» И.Г. Старинов и бывший в то время студентом академик С.О. Шмидт), нельзя забывать о том, что многие люди того времени искренне верили в правоту коммунистического учения, идей Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, которых почти не читали и знали по разговорам политруков, боготворили последнего и, может быть, верили в то, что воюют за освобождение финского народа из-под ига буржуазии.

5 января в «Пари-суар» появилась статья о разгроме 163-й дивизии в районе Суомуссалми. Корреспондент Анри Данжу сообщал по телефону из Рованиеми: *«3 января я вернулся из Суомуссалми, с поля последней крупной финской победы. Я видел картину невероятного разгрома. В окружности 2 километров 400 лошадиных трупов. Их всадники застыли в смертельной неподвижности в стороне. снаряжение дивизии оставлено на берегу оз. Куанта-ярви. Захвачено 150 автомобилей, 15 танков* (Анри Данжу, несмотря на свою должность военного корреспондента, не мог отличить танк от бронированного тягача «Комсомолец», изображенного на

¹ «Le Matin», 1 jan. 1940.

снимке), 27 пушек, 500 винтовок, 22 станковых, 37 ручных и 4 зенитных пулемета, 300 повозок и 400 живых лошадей. В помещении, занятом командованием, — наполовину выпитые бутылки из-под водки, захваченные стаканы, оставленные на столе (кто поверит, что даже при самом отчаянном бегстве русский или советский офицер оставит недопитой бутылку водки? — Только иностранец). *Все свидетельствует о беспорядочном бегстве...*¹. Здесь, кстати, журналист, похоже, не лжет: его описания финских трофеев в основном совпадают со сведениями о потерях штаба 163-й стрелковой дивизии.

Победа финнов у Суомуссалми в течение длительного времени была одной из любимых тем газет разных стран. Большой популярностью пользовались военачальники, спланировавшие и осуществившие последовательный разгром 163-й и 44-й дивизий: генералы Валениус и Сииласвуо. Первый из них в интервью одной из газет на вопрос о том, кто больше других помогает в снабжении финской армии, немедленно ответил: «Русские, конечно»².

Однако порой эти корреспонденции, полные злорадного смакования картин поражения советских войск, не вызывают ничего, кроме боли и горечи. Дело не только в моей национальной принадлежности. Смех над могилами людей, даже погибших за неправоное дело, всегда являлся признаком дурного тона. Репортажи о войне не должны носить характер уголовной хроники. Смерть в некоторой степени подводит единый знаменатель между «нашими» и «ненашими».

¹ «Pari-Soir», 5 jan. 1940.

² «L'Excelssior» 21 jan. 1940.

Тем временем в Финляндию ехали иностранные добровольцы — в основном из скандинавских стран, приезжали также соседи — «горячие эстонские парни», американцы, итальянцы, венгры и французы. К началу января их численность составила более двух с половиной тысяч человек¹.

В то же время значительные изменения произошли в правящих кругах США в отношении к европейским событиям, в том числе и к советско-финляндской войне. 4 января президент Ф.Д. Рузвельт, выступая в конгрессе, заявил: *«Индифферентность к происходящему более невозможна, т.к. США не находятся более в безопасности. Хотя США не участвуют в войне, нельзя не видеть, что она принесла всеобщий материальный и моральный кризис. Советско-германский союз направлен против всех цивилизованных стран»*. Рузвельт также высказался за предоставление Финляндии «моральной помощи»².

В газетах появились сообщения о продаже США Финляндии почти 400 самолетов, которые должны были пилотировать летчики-добровольцы, что, конечно, было одной из уток. Конгресс США принял постановление о том, что участие американского гражданина в войне в качестве волонтера не является нарушением закона о нейтралитете.

В конце декабря начались переговоры между Великобританией и Францией, с одной стороны, и скандинавскими странами — с другой. Последние, оказывая моральную и материальную помощь Финляндии в ее справедливой борьбе, тем не менее отказались пропустить соединения союзников по своей территории, не

¹ «Giornale d'Italia» 5 jan. 1940.

² «Pari-Soir» 5 jan. 1940.

желая превращения полуострова в театр военных действий мировой войны¹. Однако даже сами переговоры вызвали раздражение Германии, пригрозившей Швеции и Норвегии экономическими санкциями и другими неприятностями².

Швеция была, наверное, единственной страной, которая оказала своим соседям помощь, соответствующую ее возможностям. В период войны шведские рабочие организовывали своеобразные субботники, выручка от которых шла в фонд помощи Финляндии³. Защищать свободу соседней страны поехали в общей сложности около 8 тыс. шведских добровольцев, часть которых помимо обычной армейской подготовки имела еще и опыт войны в Испании на стороне республиканского правительства⁴.

Из них были сформированы две добровольческие бригады, два батальона из их состава приняли участие в боях⁵.

В воздушных боях участвовали 29 шведских летчиков, двое из них погибли, а еще двое оказались в плену⁶. Довольно значительными были и поставки вооружения, боеприпасов и других военных материалов: за три с половиной месяца Финляндия получила из Швеции более 84 тыс. винтовок и карабинов, 342 автомата, 455 пулеметов, 75 противотанковых, 92 полевых и 104 зенитных пушки, 32 самолета, 50 радиостанций, 45,5 млн. патронов, почти 280 тыс. снарядов⁷.

¹ Коробочкин М. Указ. соч. С. 108.

² «Pari-Soir» 5 jan. 1940.

³ «L'Excelsior» 26 jan. 1940; «Le petit Parisien» 9 fev. 1940.

⁴ РГВА. Ф. 34980, Оп. 10, Д. 3093. Л. 7.

⁵ Там же. Оп. 9, Д. 494. Л. 17.

⁶ Там же. Оп. 10, Д. 3093. Л. 7.

⁷ Karlkvist E. Op. cit. P. 278.

Вообще проблема иностранных добровольцев, участвовавших в советско-финляндской войне, в отечественной историографии еще не изучена. В многотомной «Истории второй мировой войны» их численность оценивается в 11,5 тыс. человек, причем само слово «доброволец» почему-то берется в кавычки¹. Из этих добровольцев только два батальона и две батареи приняли участие в войне непосредственно на линии фронта. Остальные добровольческие части так и не были до конца укомплектованы и вооружены. Впрочем, значительную часть добровольцев составляли люди, заменившие финских рабочих, ушедших на фронт: медики, спасатели и люди других специальностей, необходимых в тылу. Всего к концу войны, по данным советской разведки, были сформированы две шведские, датская, норвежская и смешанная бригады, эстонский легион численностью в две тысячи человек и итало-венгерский батальон². Впрочем, некоторые подразделения лыжников-скандинавов были отправлены на фронт отдельно от частично участвовавшей в боях на севере Карелии бригады под командованием шведского генерала Линдера.

До сих пор не изучен и вопрос о материальной помощи Финляндии со стороны западных держав. Авторы «Истории Великой Отечественной войны» утверждают, что Финляндия получила только от Англии и Франции 686 орудий, 280 самолетов, 980 тыс. снарядов, 17,7 тыс. авиабомб, 10 тыс. мин, 200 тыс. гранат³.

¹ История второй мировой войны в 12 т. М., 1974. Т. 3. С. 363.

² РГВА. Ф. 34980, Оп. 9, Д. 494. Л. 17, 24.

³ История Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 264.

В этой же книге говорится о том, что общие поставки боевой техники и вооружения в Финляндию составили 350 самолетов, 500 орудий, 6 тыс. пулеметов, 100 тыс. винтовок, 2,5 млн. снарядов, 150 млн. патронов¹.

По финским данным, поставки Швеции в период войны составили 101 орудие калибром 76—210-мм, французы поставили 232 пушки калибром 80—155-мм, еще 84 орудия калибром 75—155-мм поставили все остальные². Впрочем, о французских пушках разговор особый. Если самолеты французы поставили вполне современные, то пушки направили, похоже, по принципу «на, Боже, что мне негоже»: орудия системы де Банжа образца 1877—1878 годов. Такое старье с трудом можно было встретить даже в конце Первой мировой.

Что же касается поставок самолетов, то Англия поставила финнам 52 истребителя и 22 бомбардировщика, Франция — 30 истребителей, Италия — 32 истребителя, наконец, из американских самолетов к моменту окончания боевых действий прибыли 6 истребителей и 3 транспортных самолета³.

Говоря в целом о помощи Финляндии, необходимо, на мой взгляд, отметить следующие моменты:

— За исключением Швеции ни одна страна западной Европы или США не использовали своих возможностей для поддержки оборонявшихся.

— Поставки боевой техники сыграли, тем не менее, значительную роль для укрепления обороноспособности Финляндии, что лично отмечал Маннергейм.

¹ История второй мировой войны. Т. 3. С. 363.

² Paulaharju J. Op. cit. p/ 19.

³ Keskinen K.? Stenman K. Op. cit. P. 147.

— Особенно важным было снабжение финских ВВС самолетами, что позволило несколько увеличить их численность по сравнению с началом войны и значительно улучшить качественный состав. Поставки крупных партий полевых, противотанковых и зенитных орудий позволили усилить и в количественном, и в качественном отношении финскую артиллерию¹.

В январе 1940 года французский Генеральный штаб разработал операцию, в ходе которой союзники должны были высадиться в районе Петсамо, причем десант должен был осуществляться с уцелевших кораблей польского флота. Однако англичане, в подчинении которых находились польские корабли, отвергли этот план.

Тогда командующий французским флотом адмирал Дарлан при поддержке финского представителя полковника А. Паасонена выступил с новой инициативой: корабли, замаскированные под польские, доставят в район Петсамо соединенный англо-франко-польский отряд, который должен будет нанести поражение находившейся в районе Петсамо 104-й дивизии. После закрепления плацдарма французы хотели ни много ни мало, как высадить на нем несколько дивизий, после чего перерезать Мурманскую железную дорогу и окружить советскую группировку на севере Финляндии².

Примерно в это же время французы предложили Лондону операцию в Черном море, для чего через Средиземное море и Босфор планировалось ввести союз-

¹ Коробочкин М. Указ. соч. С. 108.

² Там же. С. 109.

ную эскадру для бомбардировок Батуми и блокады советского побережья. Кроме того, в Париже намеревались ни больше ни меньше, как бомбардировать бакинские нефтепромыслы. Целью этих операций было не только прекращение поставок советской нефти и нефтесодержащих материалов в Германию, но и другие весьма далеко идущие планы. Генеральный секретарь французского МИДа Леже заявил: *«Франция не станет разрывать дипломатических отношений с Советским Союзом или объявлять ему войну... Она уничтожит Советский Союз, если это возможно, при необходимости при помощи пушек»*¹.

При этом союзники намеревались уничтожить Бакинский промышленный район тремя эскадрильями «Бленхеймов» за полтора месяца. Хорошо еще, что не силами одного парашютно-десантного полка за два часа...

Непонятно, откуда у союзного, вернее, французского высшего командования, окончившего военные академии, оказалось столько авантюризма. Даже современные вооружения не всегда позволяют, как это показала ирано-иракская война и война в Персидском заливе, вывести из строя крупные промышленные районы. Даже многолетние повторявшиеся почти ежедневно налеты многих сотен и даже тысяч тяжелых бомбардировщиков не парализовали полностью германскую промышленность.

Весьма сомнителен был и успех черноморской экспедиции. Даже при значительных потерях советской разведки в 1937—1940 годах она бы наверняка узнала о выходе крупных сил союзников к Босфору, который

¹ Коробочкин М. Указ. соч.

можно было заминировать надводными кораблями и подводными лодками. Это было бы сделано и в важнейших пунктах советского побережья. Наличие же на этом театре довольно значительных сил советского флота (линкор, 4 крейсера, два лидера, 10 эсминцев, 40 подводных лодок, 84 торпедных катера, около 500 самолетов морской авиации¹) и Красной Армии (Одесский, Северо-Кавказский и Закавказский ВО, которые насчитывали не меньше 25 дивизий) поставило под угрозу десант с момента его высадки. Разработка этих планов замедлила подготовку операций в Северной Европе.

Новый же план высадки в Норвегии был одобрен Военным Советом союзников 5 февраля 1940 года. Им предусматривалась высадка примерно 100 тыс. человек в районах, расположенных близко к основным шведским железорудным шахтам, захват их вместе со шведским портом Лулео, затем обеспечение путей подвоза Финляндии военных материалов. Для непосредственной помощи на фронте оставалось всего лишь... 15 тыс. человек², которые, конечно, не могли скольконибудь серьезно повлиять на ход боевых действий, зато скорее всего вызвали бы германское вмешательство.

Когда же финны отказались от такого варианта и заявили о возможном начале мирных переговоров, союзники стали угрожать прекращением всякой помощи.

Во многом такая политика союзников толкнула

¹ Басов А.В. Советский флот на защите социализма. М., 1985. С. 13.

² Коробочкин М. Указ. соч. С. 109.

Финляндию к сотрудничеству с Германией, которая позволяла пока заправлять советские подводные лодки со своих торговых судов¹.

11 февраля, в день начала операций по прорыву «линии Маннергейма», завершились советско-германские переговоры о развитии экономического сотрудничества. По соглашению, ставшему их итогом, Советский Союз обязался поставить Германии в течение года почти миллион тонн нефти, 500 тыс. тонн железной руды, 300 тыс. тонн чугуна и железного лома, 100 тыс. тонн хромовой руды, 2,4 тонны платины, а также большое количество леса, марганцевой руды. Кроме того, СССР обещал закупать для последующих поставок в Германию разные виды сырья в третьих странах. Германия также получила право железнодорожного транзита из Ирана, Румынии и стран Дальнего Востока².

Таким образом, Германия получила сырье для изготовления боевой техники и вооружения и горючее, необходимое ей для стремительных рейдов танков по хорошим дорогам Голландии, Бельгии и Франции.

Вскоре после окончания советско-финляндской войны Великобритания и Франция сполна пожали плоды своей непродуманной политики на севере Европы: 9 апреля германская армия и флот начали операцию по захвату Норвегии, а 10 мая началось наступление, приведшее к разгрому Франции, Бельгии и Голландии.

Продолжая разговор о помощи западных стран Финляндии, нельзя не отметить тот факт, что генеральные штабы Англии и Франции до последнего дня

¹ Семиряга М.И. Указ. соч. С. 36.

² Советско-германские отношения. Т. 2. С. 37—38.

войны продолжали планировать и снаряжать экспедицию против СССР, причем в последний период войны французы намеревались даже нанести удар по нефтепромыслам на Кавказе и ввести корабли в Черное море.

Глава 14

ИТОГИ И УРОКИ

Итак, война кончилась. Согласно Московскому мирному договору от 12 марта 1940 года к СССР отошли следующие территории: Карельский перешеек с городами Выборг, Кексгольм и железной дорогой Выборг—Антреа—Сортавала, значительная часть Центральной и южной Карелии с городами Питкяранта, Сортавала и Лоймола, а в Заполярье — район Куолаярви и западная часть полуостровов Рыбачий и Средний, а также несколько островов в Финском заливе. Кроме того, ценой большой крови было получено право на создание военно-морской базы на полуострове Ханко.

Финляндия была обязана воздерживаться от милитаризации Аландского архипелага, для наблюдения за этим советская сторона получила возможность легальной разведки на островах и в близлежащей Швеции — право создания специального консульства.

Почти на всех направлениях советские войска находились значительно восточнее новых границ, и лишь в петсамском секторе частям 14-й армии пришлось оставить занятые рубежи.

Таким образом, границы были отодвинуты от жизненно важных центров и транспортных магистралей на значительное расстояние.

Однако положительные результаты были практически полностью сведены на нет тем бесспорным фактом, что Финляндия из *вероятного* противника после этой войны превратилась в *обязательного* при нападении любого государства на нашу страну.

Позволю себе привести одну цитату: «...*В результате кровопролитной непопулярной войны, которая показала, как ослабла Красная Армия после репрессий 1937—1938 годов, граница была отодвинута на запад более чем на 100 километров от Ленинграда, но Финляндия из англо-французского блока перешла в гитлеровский лагерь, а это привело позже к гибели сотен тысяч ленинградцев во время блокады, которой не было бы, если бы мы не воевали с Финляндией...*»¹.

Ладно, скажет кто-нибудь из читателей почтенного возраста, много они пишут все эти из молодых да ранних. Но написал это отнюдь не молодой человек, а участник этой войны, а также двух гражданских (в России и Испании) и Великой Отечественной — Илья Григорьевич Старинов.

Полученные в ходе «зимней войны» территории, за исключением, пожалуй, базы на Ханко и полуостровов в Заполярье, не сыграли сколько-нибудь существенной роли в ходе боевых действий Великой Отечественной войны (в Финляндии ее называют «война-продолжение»). С 10 июля по 10 августа финская Карельская армия заняла территорию, бывшую до 12 марта 1940 года финской: Бои на Карельском перешейке, начавшиеся 31 июля наступлением Юго-Восточной финской армии, привели к тому, что за месяц (к 1 сентября) войска 23-й армии Ленинградского фронта также

¹ Старинов М. Записки диверсанта. М., 1997. С. 148.

вынуждены были вернуться на старую границу, причем три дивизии (прославившаяся в февральско-мартовских боях 123-я, участвовавшая в войне, 142-я и прибывшая из Белоруссии 115-я) были окружены у Выборга, и лишь мужество бойцов и командиров Выборгского укрепрайона спасло ситуацию.

Война эта показала руководству Финляндии, что в случае повторного нападения Советского Союза реальную помощь может оказать только Германия. Сближение с Германией было вполне естественным хотя бы потому, что в ходе советско-германских переговоров на самом высоком уровне летом и осенью 1940 года Молотов неоднократно требовал у Германии согласия на оккупацию соседней страны в ходе новой войны.

Сближение с Германией было вызвано и неумением западных союзников обезопасить своего северного партнера от домогательств СССР и Германии. Недальновидность этой политики со всей очевидностью вскрылась в апреле-мае 1940 года, когда немецкие войска вторглись в Норвегию, армия которой оказалась не в состоянии отразить агрессию. Представим себе, что на севере Норвегии на помощь соседям пришли бы прекрасно обученные финские соединения. Война бы затянулась, и Германии пришлось бы долго развязывать северный узел, к тому же при таком развитии событий вполне возможным было создание оборонительного союза всех трех скандинавских стран, война против которого потребовала бы от рейха очень больших усилий. Однако этот шанс был, увы, упущен, а запоздалая попытка союзников высадиться на севере Норвегии была неудачной.

Какие же уроки извлекли из опыта советско-фин-

ляндской войны разные страны и какие выводы были сделаны в генеральных штабах и правительствах?

В Финляндии окончательно поняли необходимость переоснащения армии современной авиацией и артиллерией, увеличения огневой мощи и усиления бронетанковых подразделений. Было осознано и то, что командный состав соединений и частей лучше подготовлен к оборонительным действиям и проведению частных наступательных операций, но недостаточно (за редким исключением) владеет искусством перехода в контрнаступление на широком фронте. Нередко финские части, блестяще действуя в обороне, не могли прорвать даже наспех подготовленные полевые оборонительные позиции, что позволило удержать оборонительный район 54-й и 168-й дивизиям, а войскам 7-й армии занять обширный плацдарм на берегу Выборгского залива.

Год с небольшим финские солдаты учились не только обороняться и контратаковать, но и наступать. Учеба была успешной, судя по тому, как они действовали летом и осенью 1941 года против советских войск и осенью 1944-го против германских.

Во Франции и Великобритании сделали не совсем продуманный вывод о полной небоеспособности Красной Армии (впрочем, такой же вывод сделали и в германском Генеральном штабе) и нецелесообразности попыток заключения каких-либо военных конвенций с СССР. При этом британские и французские генералы переоценивали возможности своих войск, прочность приграничных укреплений в Голландии, Бельгии и Франции. Их, похоже, ничему не научили февральский и мартовский штурмы «линии Маннергейма», показавшие, что при надлежащей подготовке

практически любая оборонительная линия может быть прорвана. Из опыта «зимней войны» союзники сделали и еще один неверный вывод — о том, что совсем не обязательно иметь крупные танковые соединения, а имеющиеся боевые машины лучше передать по пехотным и кавалерийским дивизиям. Однако то, что верно в условиях пересеченной местности зимой, совсем не является правилом весной и летом на аккуратных полях Западной Европы, расчерченных многочисленными хорошими дорогами, по которым могут быстро продвигаться мощные бронированные и моторизованные массы. Явно преувеличивали французские и британские генералы и свои полководческие таланты, которые не нашли применения в динамичной и стремительной «войне моторов». Горьким и мучительным было отрезвление — реальностью оказалось то, что не могло пригрезиться даже в самом кошмарном сне: германская армия через несколько недель вступила в Париж.

Германский Генштаб не стал делать ширококомандных и далеко идущих заключений о полном военном бессилии советского государства, но за него подобные сентенции были произнесены в высоких партийных кругах (сам Гитлер заявил о «колоссе на глиняных ногах»). Военные стали спешно разрабатывать планы нападения на СССР, основываясь на выявившихся в ходе войны слабых сторонах стратегии и тактики Красной Армии, недостатках ее боевой подготовки.

Увидев в деле мощные танковые массы, примененные советским командованием на Карельском перешейке, германское военное руководство самым серьезным образом взялось за разработку вопросов противо-

танковой обороны как против мелких подразделений поддержки пехоты, так и против мощных соединений, которые стали вновь разворачиваться в нашей стране летом 1940 года. Впрочем, даже обычная танковая бригада РККА четырехбатальонного состава по количеству танков почти не уступала немецкой танковой дивизии, а иногда и превосходила ее.

Это обстоятельство в какой-то степени объясняет неудачный исход контрударов советских механизированных корпусов в июне-июле 1941 г., когда в течение короткого времени Красная Армия потеряла несколько тысяч танков.

Нет сомнения и в том, что немецкие военные использовали опыт соединений Красной Армии в советско-финляндской войне при прорыве укрепленных районов на бельгийской и голландской границах весной 1940-го, а затем при прорыве греческой «линии Метаксаса» весной 1941-го.

Так было за рубежом. А что у нас? Фанфары гремели недолго. В апреле 1940 года было созвано совещание, на котором присутствовали командиры, комиссары и начальники штабов соединений Красной Армии, начиная с бригады. Что же высказали участники совещания?

Прежде всего все выступавшие отметили недопустимо низкий уровень лыжной подготовки в стрелковых и кавалерийских частях РККА, что явилось одной из основных причин поражений наших соединений на начальном этапе войны. Следует отметить, что в этой области произошли отрядные перемены: последняя предвоенная зима в войсках прошла в продолжительных и многочисленных лыжных тренировках, которые дали результат в битве под Москвой, где наши неболь-

шие лыжные диверсионно-разведывательные отряды, используя финскую тактику, прерывали коммуникации противника в ближайшем тылу, сеяли панику, создавали видимость глубокого обхода. Впрочем, советские военачальники внесли даже немалый вклад в ее развитие: в Красной Армии зимой 1941/42 годов были сформированы крупные части: лыжные бригады в составе трех-четырёх батальонов, усиленных танками, минометами и легкой артиллерией.

Крупным недочетом в оперативно-тактической подготовке штабов явилось полное отсутствие навыков ведения борьбы в окружении, вследствие чего части и даже соединения РККА в ряде случаев оказывались неспособными к обороне занятого района и выходу из окружения. Впрочем, само окружение достигалось финнами зачастую из-за пренебрежения наших командиров к обороне и охране флангов. Того самого, от которого предостерегал еще в начале 30-х годов видный русский и советский военный теоретик и историк А.А. Свечин, неоднократно предупреждавший об опасности теории классовых войн и вытекавшей из нее концепции безрассудного наступления в глубину территории неприятеля. Свечина тогда посадили (не без помощи М.Н. Тухачевского), а теорию запретили. Свечина в 1934 году выпустили, но теорию продолжали считать вредной. Но когда расстреляли Тухачевского, посадили и Свечина, а теория войны «малой кровью, большим ударом на территории противника» осталась.

Ворошилов, не заинтересованный в расследовании причин поражений целых соединений, объявил их виновниками командиров дивизий, проявивших трусость. Как будто они сами вели войну, а не выполняли

приказы вышестоящего командования. Одного «труса» — командира 44-й дивизии А.И. Виноградова — расстреляли еще в январе 1940 года, другого — командира 18-й Г.Ф. Кондрашева — в апреле 1940-го. Удивительно, что этой участи избежали командиры остальных дивизий.

А поскольку окружение и поражение только следствие трусости, вопросу разработки оборонительной тактики, не говоря уже о боях в окружении и выходе из него, не было придано никакого значения. Это трагически сказалось на ходе многих операций первых месяцев Великой Отечественной.

Назовем только самые крупные котлы периода Великой Отечественной: Белостокский, Минский, Смоленский, Уманский, Могилевский, Киевский, Вяземский, Брянский (все 1941 года), Любанский, Юхновский, Харьковский (1942 год), Харьковский (март 1943 года). Лишь в двух случаях — под Смоленском в конце июля 1941-го и под Брянском в октябре того же года — соединения нашей армии удалось сохранить порядок при выходе из вражеского кольца, а вместе с ним и значительное количество личного состава и тяжелого вооружения.

В результате этого в плен к противнику попали миллионы наших солдат и офицеров, огромное количество вооружения и боевой техники. Это было результатом того, что советское командование на протяжении всего первого периода войны считало нужным пытаться удерживать район обороны до того момента, когда на помощь к окруженным пробьются главные силы фронта или подкрепления. Чаще всего этот момент не наступал, а окруженные оказывались под ударами германской авиации и артиллерии, теряли время

для выхода из блокированного района и чаще всего были разбиты.

Очень интересным оказалось выступление главного армейского идеолога Л.З. Мехлиса, который достаточно жестко оценил партийно-политическую пропаганду в войсках, основанную на тезисе о техническом превосходстве и непобедимости РККА над противником, как «зазнайскую» и способствовавшую благодушию и самодовольству, недопустимым на поле боя.

Кадровую проблему, одну из самых острейших, затронул только Герой Советского Союза (хотя скорее всего он герой Испании) Д.Г. Павлов: *«У нас врагов народа оказалось столько, что я сомневаюсь в том, вряд ли все они были врагами. И тут надо сказать, что операция 1937—1938 годов, до прихода Берия, так нас подсидела, и, по-моему, мы очень легко отделались с таким противником, как финны...»*¹. Чтобы развеять сомнения генерала Павлова в правоте органов, летом 1941 года его арестовали и расстреляли по обвинению в трусости и измене. Больше никто эту проблему затронуть не рискнул.

С критикой другого «нововведения» 1937 года — военных советов и коллегиального принятия решений в боевых условиях — выступил командир 1-го стрелкового корпуса комдив Д.Т. Козлов: *«Сидят командир полка, комиссар полка и еще несколько представителей — сидят пять человек и решают, и все смотрят командиру полка в рот, что он скажет, а он не знает, как сказать. Это излишнее представительство вредит делу. Надо с этим покончить...»*². В армии вскоре после совещания было введено единоначалие, что позволяло ко-

¹ Ван Дфйк К. Легко отделались // «Родина», 1995, № 12. С. 114.

² Указ. соч.

мандирам принимать решения без участия политработников. К сожалению, сам Дмитрий Тимофеевич весной 1942 года, командуя Крымским фронтом, не смог поставить на место всесильного тогда начальника ПУРа Л.З. Мехлиса, что привело к катастрофическому поражению.

Помимо этого в Красной Армии был принят новый дисциплинарный Устав, дававший командирам больше полномочий по наведению порядка во вверенных частях и подразделениях. На практике, как это часто бывает в нашей стране, это усилило произвол командного состава, частым явлением стало рукоприкладство. Новым Уставом возрождались ликвидированные в начале 30-х дисциплинарные батальоны, куда можно было направить бойца, совершившего два даже неопасных нарушения. Армии 7 мая 1940 года были возвращены генеральские звания, до погон, правда, дело пока не дошло.

Не был исправлен в достаточной степени и другой недостаток, стоивший жизни многим тысячам бойцов и командиров: плохое взаимодействие родов войск на поле боя. Артиллерия не всегда использовала всю свою мощь для поддержки атакующих танков и пехоты, те в свою очередь побаивались идти вплотную за огненным валом. Пехота, особенно в первый период операций, плохо шла за танками. Слабой во многих случаях оказывалась поддержка саперам, которые, расчищая от мин и надолбов путь наступающим, несли большие потери.

Во время советско-финляндской войны был вскрыт еще и серьезный просчет в организации танковых войск: в бригадах не хватало собственной пехоты, необходимой для преодоления обороны, насыщенной хо-

дами сообщения и огневыми точками, и для ведения операций в ближайшем тылу противника, подготовленной к действиям на броню. Кроме того, даже для перевозки входившего в состав бригад мотострелкового батальона не хватало автотранспорта.

Отрицательно сказалось на действиях танковых соединений и изъятие из состава бригад в середине 1939 года артиллерийских дивизионов. В результате командиры бригад вынуждены были просить помощи у общевойсковых начальников, не всегда охотно шедших на ее предоставление.

Этот недостаток был исправлен только на бумаге: в состав танковых и мотострелковых дивизий механизированных корпусов были введены артиллерийские полки, но они были плохо обеспечены средствами передвижения и тяги, поэтому в сражениях лета 1941 года танки часто вступали в бой без необходимой артиллерийской поддержки и несли большие потери от противотанковой артиллерии неприятеля.

Не было обращено надлежащего внимания на проблему эвакуации поврежденной техники и ее ремонта. В танковых частях не хватало тягачей, что заставляло вытаскивать подбитые боевые машины другими, что также вело к излишним потерям. Увлечение валовыми показателями выпуска танков привело также к тому, что у ремонтников не оказывалось в достаточном количестве запасных частей и их приходилось изготавливать кустарным способом. Это в свою очередь вело к выходу танков из строя. Впрочем, главной причиной частого выхода из строя по «технической неисправности» (в танковых частях и соединениях из общего количества потерь — 3179 танков 1275 вышло из строя из-за разного рода неполадок) была недостаточная

подготовка механиков-водителей и башенных стрелков. Этот недостаток не был изжит до начала Великой Отечественной: в первые месяцы войны, по сообщениям штабов армий и фронтов, боевые машины новых типов, превосходившие танки противника, чаще выходили из строя не от воздействия огня неприятеля, а из-за недостаточного знания техники экипажами, которые нередко при малейшей неисправности подрывали свои «КВ» и «Т-34» для того, чтобы они не достались врагу.

Война показала также чрезвычайную перегруженность стрелковых дивизий тылами и вспомогательными службами, забивавшими дороги вереницами обозов. Так, из 33 эшелонов, которые полагались дивизии при перевозке по железной дороге, 14 занимались тыловыми службами. Тем не менее серьезной реорганизации в этой сфере произведено не было, кроме того уже в июне 1940 года был отклонен проект перевода стрелковых дивизий на моторную тягу, и лошади в течение длительного времени оставались в них основной транспортной единицей, что значительно понижало подвижность основного советского соединения.

Кстати, начальник штаба 14-го стрелкового корпуса полковник Ф.Т. Рыбальченко предлагал в условиях карельского и полярного театров военных действий отказаться от чересчур громоздкой дивизионной организации и перейти к бригадам 4-батальонного состава с артиллерией и компактными тылами. Эта идея была реализована уже в 1943 году, когда из таких бригад были созданы легкие стрелковые корпуса, сыгравшие большую роль в наступлении летом и осенью 1944 года в Карелии и Заполярье.

Автоматы «Суоми», которые Г.И. Кулик назвал

«оружием буржуазной полиции», произвели такой потрясающий эффект в первых боях, что из всех пограничных частей стали изыматься и направляться на фронт имевшиеся на заставах автоматы ППД, там они, правда, нередко вместо того, чтобы оказаться у бойцов передовой линии, оседали у штабных командиров и политработников. Автоматов не хватало в войсках и к началу Великой Отечественной. Достаточное насыщение этим видом стрелкового оружия было достигнуто лишь в 1943 году.

Советско-финляндская война заставила обратить должное внимание и на минометы, отношение к которым до этого в войсках было весьма прохладным. Тем не менее бойцы и командиры новоиспеченных минометных подразделений и частей довольно быстро освоили вверенное им оружие и эффективно использовали его как на перешейке, так и в лесах Карелии, где минометы оказались просто незаменимым средством борьбы. 82-мм и 120-мм минометы были простыми в обслуживании, но огонь их был просто убийственным с дистанций, с которых пушки не могли вести эффективную стрельбу без риска поразить свою пехоту. Впрочем, минометы могли эффективно поражать живую силу и огневые точки неприятеля и на более дальних дистанциях.

Большинство командиров корпусов высоко оценивало также боевые качества 76-мм полковой пушки, 122-мм гаубицы образца 1938 года, 122-мм пушки и обе 152-мм системы (гаубицу и гаубицу-пушку), 45-мм противотанковую пушку. Не вся материальная часть артиллерии вызывала однозначное одобрение. Многие артиллеристы указывали в своих докладах, что имевшиеся на вооружении дивизионные 76-мм пушки

1902—1930 года, несмотря на модернизацию, устарели и нуждаются в замене, а пушки образца 1936 года (Ф-22) слишком тяжелы и неповоротливы из-за чрезмерно длинного ствола.

Высоким в целом боевым качествам орудий не всегда соответствовало качество артиллерийских тягачей. Особенно много нареканий вызывал бронированный трактор «Комсомолец» (Т-20), из-за недостаточной мощности двигателя и узких гусениц часто застревавший в снегу. Более эффективным оказался в зимних условиях трактор «СТЗ-НАТИ» с более мощным мотором.

Громоздкой и малороботоспособной оказалась рация 6-ПК, которая, кроме того, была чрезмерно чувствительной к ударам.

Ворошилов на одном из заседаний Главного Военного Совета признал то, что и сам несет часть ответственности за неудачи в ходе войны: *«Ни я — Нарком Обороны, ни Генштаб, ни командование Ленинградского военного округа вначале совершенно не представляли всех особенностей и трудностей, связанных с этой войной»*¹. При этом нарком, более других повинный в избииении многих военачальников, заявил о недостаточном уровне подготовки командиров и призвал... повышать образовательный уровень. Начал бы с себя... Несмотря на включение в доклад ряд критических замечаний о работе Наркомата обороны, помимо перечисленных недостатков говорилось о плохой организации разведки. Ворошилов в целом пытался выгородить себя и своих ближайших помощников, оказавшихся неспо-

¹ Ивашов Л.Г. Не представляли всех трудностей этой войны // Военно-исторический журнал.

собными воспитывать армию, готовую к серьезной современной войне с упорно обороняющимся противником, не верящим в классовую солидарность. Это ему не удалось.

7 мая 1940 года от занимаемых должностей были освобождены Нарком обороны К.Е. Ворошилов и начальник Генштаба Б.М. Шапошников, предупреждавший еще до начала войны о необходимости более серьезной подготовки наступления против Финляндии. На вакантные должности были назначены бывший командующий Северо-Западным фронтом С.К. Тимошенко и один из виновников войны, бывший командующий Ленинградским округом и 7-й армией К.А. Мерецков.

Уровень образования и интеллекта преемника Ворошилова — Семена Константиновича Тимошенко тоже оставлял желать лучшего, но в отличие от своего предшественника бывший начальник 6-й кавалерийской дивизии гораздо чаще прислушивался к мнению военных нового поколения, говоривших о необходимости реформ в РККА.

Эти реформы были начаты, по мнению многих участников Великой Отечественной, именно с приходом Тимошенко. В частях и соединениях началась учеба, которая преследовала цель научить все рода войск действовать в боевой обстановке, а не в выдуманном политработниками мире классовой солидарности.

Однако для улучшения качества боевой подготовки оставался только год.

Гитлеровская Германия, одобрявшая советскую агрессию против Финляндии, напала на нашу страну в момент реорганизации ее армии, когда та еще не была полностью готова к войне, как бы ни утверждал обрат-

ное господин Суворов-Резун. Добавим: напала на союзника. А впрочем, было ли это союзом? Дружьями могут быть только добрые и честные люди, а преступники, даже если они долго вершили свои дела и говорили о дружбе, скрепленной кровью, все равно останутся только соучастниками.

Преступность же войны против Финляндии, по моему глубокому убеждению, очевидна.

Приложения

Приложение 1

Тактико-технические данные некоторых самолетов ВВС РККА и Финляндии, участвовавших в советско-финляндской войне

а) ВВС РККА

Марка самолета	Тип	Взлетный/полный вес, кг	Дальность, км	Скорость км/ч	Скороподъемность м/мин	Потолок, м	Вооружение
И-15	И.*	1152/1676	518	370			
И-153	И.	1267/1772	571	430	780	10530	1—12, 7 мм, 2—7, 62 мм пулемета, до 100 кг
И-16, 17 серия	И.	1260/1660	500	450	850	9000	4—7, 62 мм
И-16П	И.	1410/1830	500	460	850	9000	2—20 мм пушки
СБ М100	Б.	3750/6100	1200	410	450	9800	2—7, 62 мм пулемета 600—800 кг бомб
СБ М103	Б.	4000/6330	1200	440	470	10500	3—7, 62 мм, 800 кг бомб
ДБ-3	ДБ	4300/6965	3300	400	400	9060	3—7, 62 мм, 800 кг бомб
ТБ-3	ТБ						

* — И-15 использовался так же, как легкий штурмовик

6) ВВС Финляндии

Марка самолета	Тип	Взлет-ный/пол-ный вес, кг	Даль-ность, км	Ско-рость км/ч	Скоро-подъем-ность м/мин	Пото-лок, м	Вооруже-ние
Бристоль-Бульдог	И.	1008/1601	482	280	420	8940	2—7, 62 мм
Фоккер Д21	И.	1534/2186	900	440	900	9500	4—7, 7 мм
Харрикейн I	И.	2118/2994	869	520	770	10970	6—7, 69 мм
Моран — Солнье 406	И.	1900/2712	800	490	850	9400	1—20 мм, 2—7, 5 мм
Глостер-Гладиатор	И.	1565/2155	708	410	700	10080	4—7, 69 мм
Фиат Г50	И.						
Бристоль-Бленхейм	Б.	4441/6531	2000	420	457	9600	5—7, 62 мм

Условные сокращения:

И — истребитель,

Б — бомбардировщик,

ДБ — дальний бомбардировщик,

ТБ — тяжелый бомбардировщик

**Перечень авиационных полков ВВС РККА,
участвовавших в советско-финляндской войне**

Наименование полков	Входившие в состав действующей армии с начала войны	Прибывшие 1—15 декабря 1939 г.	15—31 декабря 1939 г.	1—15 января 1940 г.	15—31 января	1—15 февраля	15—29 февраля	1—13 марта	Всего полков за весь период войны
Скоростные бомбардировочные	2, 9, 10, 13, 18, 24, 35, 41, 44, 50, 54, 58, 63	—	—	—	16, 33, 48	39, 45, 60	5, 52	—	21
Легкие бомбардировочные и штурмовые	3 лб	—	—	—	7 шт	4, 43 лб	2, 11 лб	—	6
Дальние бомбардировочные	6, 23, 53	—	—	—	42	—	7	—	5
Тяжелые бомбардировочные	7	—	3	—	—	—	—	—	2
Истребительные	7, 19, 25, 26, 38, 44, 49, 152	145	—	147	149	153	15	23	14
Смешанные	5, 72	—	80	—	—	85	—	—	4
Всего на фронте	28	29	31	32	38	45	51	52	52

Условные сокращения:

Лб — легкий бомбардировочный

Шт — штурмовой.

**Ведомость потерь ВВС РККА и флотов
в период советско-финляндской войны**

Номер и наименование полка	Время совершения перво- го боевого вылета*	Сбито противником или село на территории противника	Пропало без вести	Погибло и повреждено в авариях и катастрофах	Получили в боях повреж- дения, требующие дли- тельного ремонта	Тип документального источника
2 сб	30.11.39	8	—	5	—	Отчет
2 лб	27.2.40.	—	—	4	—	Ж.б.д.
4 истр.	18.2.40.	6	—	2	—	Ж.б.д.
4 лб	13.2.40.	4	1	1	3	Ж.б.д.
5 сб	19.2.40.	7	—	2	—	Ж.б.д.
6 дб	19.12.39.	11	2	1	8	Ж.б.д.
7 истр.	5.1.40.	10	—	4	7	Ж.б.д.
7 шт.	13.2.40.	3	—	—	—	Отчет
7 тб	10.12.39.	4	2	1	7	Донес.
10 сб	30.11.39.	3	—	2	—	Отчет
11 лб	1.3.40.	2	—	—	—	Отчет
13 сб	19.12.39.	5	2	6	—	Отчет
15 истр.	27.2.40.	—	—	2	—	Отчет
18 сб	30.11.39.	11	3	11	15	Ж.б.д.
19 истр.	30.11.39.	1	—	5	—	Ж.б.д.
21 лб	30.11.39.	3	2	11	11	Отчет
23 истр.	2.3.40.	1	—	2	1	Ж.б.д.
24 сб	30.11.39.	5	6	1	6	Ж.б.д.
25 истр.	30.11.39.	1	2	3	3	Ж.б.д.
26 истр.	30.11.39.	—	1	9	—	Ж.б.д.
31 сб	30.11.39.	11	1	4	—	Отчет
33 сб	13.2.40.	1	—	2	—	Ж.б.д.
35 сб	30.11.39.	12	—	1	—	Отчет
38 истр.	18.12.39.	7	—	2	—	Отчет

Номер и наименование полка	Время совершения первого боевого вылета*	Сбито противником или село на территории противника	Пропало без вести	Погибло и повреждено в авариях и катастрофах	Получили в боях повреждения, требующие длительного ремонта	Тип документального источника
39 сб	14.2.40.	1	—	3	4	Донес.
41 сб	30.11.39.	4	4	9	8	Отчет
42 дб	1.2.40.	6	5	3	—	Донес.
43 лб	11.2.40.	3	4	4	2	Ж.б.д.
44 истр.	30.11.39.	—	—	6	—	Ж.б.д.
44 сб	30.11.39.	11	3	4	3	Ж.б.д.
45 сб	20.2.40.	4	1	3	3	Донес.
48 сб	30.1.40.	6	—	2	—	Ж.б.д.
49 истр.	30.11.39.	7	5	3	—	Отчет
50 сб	30.11.39.	3	6	6	—	Отчет
52 сб	26.2.40.	1	—	1	2	Отчет
53 дб	30.11.39.	3	5	3	—	Отчет
54 сб	30.11.39.	8	2	1	—	Ж.б.д.
58 сб	30.11.39.	1	—	—	3	Ж.б.д.
60 сб	11.2.40.	1	—	2	2	Ж.б.д.
63 сб	30.11.39.	7	—	—	2	Отчет
68 истр.	30.11.39.	3	3	—	9	Ж.б.д.
72 см.	30.11.39.	1	4	2	—	Отчет
80 см.	1.1.40.	4	5	13	4	Отчет
85 см.	1.2.40.	—	4	4	1	Отчет
145 истр.	23.12.39.	2	3	7	—	Отчет
147 истр.	17.1.40.	3	3	6	5	Отчет
149 истр.	3.2.40.	12	1	4	5	Ж.б.д.
152 истр.	15.2.40.	12	1	12	—	Отчет
153 стр.	28.2.40.	5	—	3	10	Донес.
ВВС БФ	30.11.39.	12				Боев. летопись
Итого **		236	86	181	124	Всего — 627 самолетов

* — Дата совершения первого боевого вылета дается по журналу боевых действий или другому документу, она часто не совпадает с временем прибытия того или иного полка в ближайший тыл армии, по которому определяется период нахождения части в составе действующей армии.

** — Не имеется сведений о потерях 3 тяжелобомбардировочных, 5 смешанных, 9 и 16 скоростных бомбардировочных полков, отдельных эскадрилий, войсковой авиации, управлений ВВС армий и управлений бригад.

Условные сокращения

Сб — скоростной бомбардировочный

Дб — дальний бомбардировочный

Истр. — истребительный

См. — смешанный

Ж.б.д. — журнал боевых действий

Отчет — отчет о боевых действиях

Донес. — ежедневные донесения о боевых действиях.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.	5
Глава 1	
Мы стоим за дело мира, мы готовимся к войне	13
Глава 2	
Плотина для железного потока	52
Глава 3	
Casus belli	59
Глава 4	
Первый месяц войны	65
Глава 5	
После бури, перед штормом	120
Глава 6	
Трагедия окруженных	134
Глава 7	
Свинцовый шквал	187
Глава 8	
Стальной потоп	224
Глава 9	
Соколы или коршуны?	276
Глава 10	
Во льдах и подо льдом	295
Глава 11	
Выдуманная страна и ее армия	310
Глава 12	
Цена победы	325
Глава 13	
Всколыхнувшийся мир	338
Глава 14	
Итоги и уроки	358
Приложения	374

Павел Аптекарь СОВЕТСКО-ФИНСКИЕ ВОЙНЫ

Редактор *М. Чернов*
Художественный редактор *П. Волков*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *Г. Гузкова*
Ответственный за выпуск *А. Светлова*

ЛР № 065715 от 05.03.1998. ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15, к. 4.

Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18, к. 5. Тел: (095) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.11.2004

Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 20,28.

Тираж 4 000 экз. Заказ № 10727.

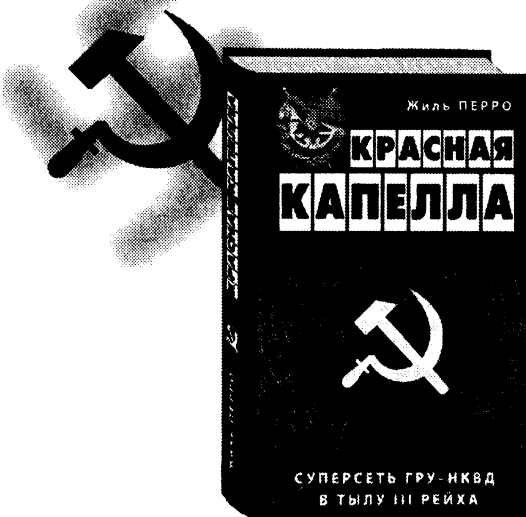
Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Издательство «Эксмо» представляет

СЕРИЯ «ГЕРОИ ТАЙНОЙ ВОЙНЫ»

Серия «Герои тайной войны» рассказывает о деятельности спецслужб мира, которые никогда не прекращают своих мало заметных, но жестоких поединков. Развал СССР, Афганистан, арабо-израильский конфликт, Чечня, агрессия в Ираке – все это прямой результат деятельности разведчиков и спецслужб.

www.eksmo.ru

Также в серии:

Б. Тартаковский «Русская королева III Рейха»

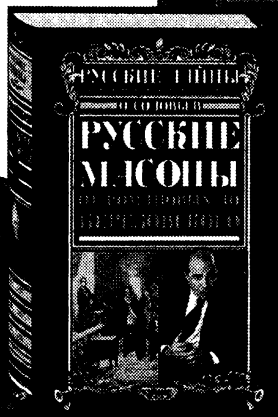
И. Старинев «Супердиверсант Сталина»

К. Филби «Ким Филби. В разведке и в жизни»

Тайны кровавой русской истории!

Издательство «Эксмо» представляет

серия **РУССКИЕ ТАЙНЫ**

В серии «Русские тайны»
выходят сенсационные книги
самых известных российских историков-
публицистов и профессиональных разведчиков.
Для широкого круга читателей —
материалы из особых секретных папок КГБ
и зарубежных архивов, ранее запрещенные для печати!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

С. Степанов «Черная сотня»

Советско-финскую войну 1939–1940 годов можно смело назвать «белым пятном» отечественной истории. Почему об этой войне старались не вспоминать? Да и что, действительно, она значила на фоне Великой Отечественной 1941–1945 годов?

Настоящая книга Павла Аптекаря – первое серьезное исследование, посвященное советско-финской войне – «самой позорной войне в истории русского оружия».

Книга полностью основана на архивных документах, поэтому она станет ценным материалом для профессиональных историков, а также всех тех, кто интересуется историей России.

ISBN 5-699-08159-3

9 785699 081592 >

